

The book cover features a central illustration of a young man with long, flowing blonde hair, wearing a dark blue military-style jacket with red accents and brass buttons. He has a serious expression and a small wound on his forehead. Behind him is a large, ethereal figure in a white shroud, with a thick stream of red blood falling from its face. The background is dark and atmospheric. The author's name is at the top, and the title is at the bottom in large, bold letters. A circular age rating is in the bottom left corner.

Лина
Славянова

ЗОВИ МЕНЯ
ВОЛКОМ

18+

Лина Андреевна Славянова

Зови меня Волком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69207751

SelfPub; 2024

Аннотация

Вергой – далёкая страна в мире, где правят доблестные князья, а ведьмы и колдуны благословлены слышать волю Духов-Творцов. Здесь, в северном княжестве Грата, молодой бандит-наёмник по имени Волк охотно соглашается на рискованный заказ. Однако, платой за эту работу будет не только золото. Ему уже отведено место в развернувшейся сети интриг, а на шею всё туже затягивается петля. Вот только ошейник это или виселица? Ведь даже милосердные Духи не прощают преступлений против князей, детей и рода.

Содержание

Часть 1. Зови меня Волком	5
2	10
3	14
4	17
5	24
6	27
7	33
8	34
9	37
10	41
11	48
12	52
13	56
14	61
15	67
16	73
17	79
18	86
19	94
20	100
21	105
22	109
23	116

24	123
25	128
26	131
27	136
28	142
29	150
30	155
31	162
32	169
33	175
34	184
35	189
36	193
37	200
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Лина Славянова

Зови меня Волком

Часть 1. Зови меня Волком

1

На рассвете в Оружейную слободу вошли четверо. Крупный, справно одетый богатырь с бородой-лопатой, походил на могучего медведя, вставшего на задние лапы. Справа от него шёл тщедушный сутулый мужичок в оборванном зелено-сером тряпье, напоминающий петуха-переростка. Следом нескладно наигрывая на гусях, шагал юродивый: глаза его смотрели в разные стороны, а нос был перебит на бок. И шагов на пять отставал высокий молодой парень, ничем особо не приметный, кроме длинных волос, собранных в тугой низкий хвост.

– Долго ль ещё? – спросил богатыря тщедушный мужичок.

Даже голос у него было по-птичьи тонкий.

– Не бойсь, не промахнёмся, – ответил юродивый.

Богатырь указал на старый дом в конце улицы:

– Бык сказал, последний дом.

Утренняя прохлада ещё ложилась росой на траву и дорож-

ную пыль. Донья развешенных на заборах горшков поблёскивали испариной. Солнце уже поднялось над горной грядой, роняя длинные тени деревьев на дома и улочки. Возле мастерских сидели ребята, очиняя перья и натачивая стрелы. Они, зевая, поглядывали на бредущую по улице шайку.

– Шибко много внимания, – процедил сквозь зубы длинноволосый.

– Ой ли! – отмахнулся юродивый, – скоро столько гостей в Грату съедутся, что о нас никто и не вспомнит.

А вот тощий был согласен с длинноволосым, он склонил голову на бок и проворчал:

– И далась ему эта слобода. Не проще ли в лесу ночевать?

– Кому и проще, – ответил богатырь. – Не все обучены на деревьях спать.

– Так я и научить могу.

– И где же ты дерево сыщешь, чтоб Инга выдержало? – заржал юродивый.

– Заткнись, Косой, – беззлобно отмахнулся богатырь. – А тебе, Птах, коли угодно, завсегда можешь в лес идти.

– А вот и Бык нас поджидает, – объявил Косой.

У ворот крайнего дома их встречал коренастый мужик, не меньше аршина в плечах. Возле него стояла длинная худая баба, сутулая, словно коромысло. Лицо её было измучено-уставшим, с огромными мешками под глазами.

– Вы что ли, к празднику?

– Они-они, – кивнул Бык. – Что же? Пустишь на постой?

– Пустить-то пушу, – прижала кулак к впалой груди баба, – только, чтоб не чудили тут! Соседей не обижать, да дом мне подлатать надобно! А то уж десяток лет, как Лерусь мой почил.

Бык выставил вперёд ладонь:

– Эт как сговорились! Ты нам постой, а уж за нами дело не станет.

– Но вы, в сарай, – махнула хозяйка в сторону двора. – Сами его себе и подготовите.

– Благодарю, хозяйка, – кивнул Инг.

– Как звать-то тебя? – заинтересовалась она.

– Ингом. А тебя по мужу?

– По мужу, – согласилась хозяйка, – Леруськой и зови, коль надо. А эти? – она указала на стоящих за Ингом приятелей.

Бык глянул на приятелей:

– Косой, Птах и Щенок.

Баба растерялась и невнятно повторила:

– Косой, Птах... А имена-то есть? Обычные. А то как-то негоже хороших людей псами да птицами...

– На что они нам, – засмеялся Косой, но тут же смолк, под тяжёлым взглядом Быка.

– Меня Волком зови, – ответил длинноволосый.

– А имя-то есть? – не унималась баба.

– Это имя, – бросил Волк, и поспешил догонять приятелей, которых Бык уже увёл за ворота.

Среди чисто прибранного двора, покосившийся сарай опирался на тонкие жерди, точно калека. Внутри он оказался тесноват для такой большой компании, но всё не лес да поле. Волк огляделся: темноту разрезали полосы света, сочащиеся из щелей.

– Что же? Будь, как дома? – тонко засмеялся Птах.

– Подлатать бы тут, конечно, но жить можно, – хохотнул Косой. – Да, глядишь, нам и не надолго. Что скажешь, Щенок? Отличные хоромы?

– Пойдёт, – согласился Волк и бросил свой мешок в самый тёмный угол.

Косой выхаживал вдоль стен, громко рассуждая:

– Эх! А видали, как баба-то на Инга заглядывалась? А? Того и гляди, наш бравый дружинник у Быка бабёнку уведёт! – он дошёл до тёмного угла, пнул мешок на середину сарая, и уселся на пол.

– Ша! – рявкнул Бык, – Не разводить тут! Мы теперь приличные люди. Не на дороге. Так что, изволь свои замашки да разговорчики о непотребствах оставить там, – он махнул на улицу. – Теперь другая жизнь и повадки другие. Здесь и задания интересней будут, и плата крупнее, если выучитесь себя подать... и на реку извольте ходить почаще, а то боярам дурно, ежели от нашего брата дух идёт. Воняет им. Всё ясно?

– А что? Четыре раза в месяц баня – это редко? – удивился Косой.

– Ещё в реке искупаешься, между баней и будешь молод-

цом.

– Мы теперь на бояр работаем? – спросил Волк.

– Кто заплатит, на того и работаем. Ничего не меняется, – отрезал Бык.

– Но в город-то мы не огороды копать пришли, – усмехнулся Инг.

Инг был одним из самых старых в банде, даже Бык, считая годы, звал его по имени.

– Да чтоб вас! – плюнул Волк.

– А ты думал, мы за бабами в Грату идём, Щенок? – усмехнулся Бык. – Слишком мало ты на дороге зимовал, чтоб понять, чего стоит эта кормушка, оттого и нос воротишь.

Волк махнул рукой:

– А-а! Будь по-вашему. Глядишь, начнут, как псы, друг другу глотки рвать да заказывать. Такую работёнку я бы с радостью принял.

2

– Щенок! – во двор выбежал Бык, – Где он?

– Там, – махнул в сторону коровника Косой, пристраиваясь у крыльца.

– Кому говорено, не ссать с крыльца! – вспыхнул Бык. – Мы же теперь под знать играем!

– Так я и не с крыльца, – обиженно отошёл Косой. – А что, мне до леса бежать?

– Хоть бы к дереву отошёл! – толкая его в сторону яблони, бранился Бык.

– Хорошо-хорошо, – в развалку зашагал к саду Косой. – Скажи-ка лучше, что по работе? Есть интересное?

– Вот сейчас яблоню пометишь, и узнаешь.

– Влаксан, мать твою! Где ты? – орал Бык, – Иди в избу, разговор есть!

Все уже собрались у стола за печью, ждали только Косого и Волка. Крупной работы не было давно, и деньги подходили к концу, так что приходилось перебиваться мелким наймом: кому огород вскопать, кому баню положить... Новое задание было очень кстати.

– Что ты там разнежился, Щенок? – прошипел Птах.

– Ша! – стукнул по столу Бык. – Не до выяснений. Тут работёнка подвернулась. Коли хорошо сделаем, надолго заживём.

– И что же, мы сегодня ужинаем? – поднял бровь Инг.

– Даже выпиваем, – Бык бросил на стол звенящий кошель. – Щенок, как по тебе заказ!

– Неужто бабу надо окучить? – по-птичьи тонко захихикал Птах.

В сравнении с Косым и Птахом, Волк выглядел завидным женихом: молод, статно сложен, немного долговяз, но крепок. Слишком худое лицо портил горбатый длинный нос и рваное ухо, но девок привлекали ярко-карие глаза и светлые волосы, чем грешно было не пользоваться. Этого ему и не могли простить приятели.

– Я ничего не пропустил? – поправляясь, вошёл в комнату Косой.

– Нет, – невозмутимо ответил Бык и вернулся к разговору, – Щенок, помнишь, тебе князь четверть плетей назначил?

– Забудешь тут. До сих пор спина исполосована, словно ремней нарезали.

– Есть возможность поквитаться.

– Нам заказали князя? – удивился Волк.

Бык сурово поглядел на него:

– Думаешь, я бы за такое взялся? Попроще дело.

– А судя по задатку, никак не меньше, – приподнял кошель Косой.

– Нужно княжича забрать.

– Младенца? – поперхнулся Инг.

– Идёт, – кивнул Волк.

– Да, ты что ж... – воскликнул Инг.

Бык поднял руку, смерил Инга строгим взглядом, и довольно подмигнул Волку:

– Знал, что тебе понравится, – ухмыльнулся главарь. – Но дело найдётся для всех.

– Без меня, – возмутился Инг. – Я детей не убиваю.

– Про убийство речи нет, – ответил Бык, – княжича надо выкрасть и отдать мне. Уже я передам его нанимателю.

– Лучше с голоду подохнуть! Дитя ещё на груди висит у мамок, а ты... – Инг махнул рукой, так и не закончив мысль.

– Хорошо. Значит так. Остальные?

– Бывали задания и похуже, – кивнул Птах.

– Согласен, – подхватил Косой. – А говорят, княгиня-то сочна девка!

– Вот и славно, – хлопнул в ладоши Бык.

– Косой, Птах вам теперь тереться возле дворца, пока не вынюхаете. Щенок, пойдёшь за мелким. Твои охотничьи повадки лучше всего сгодятся. Нам не помешал бы ещё воин, но коль Инг выше такой подлой работёнки, что поделать.

Бык развязал кошель, высыпал на стол серебро:

– Сделаем, будет золото, – сказал он, деля монеты на пятерых.

Птах крякнул, заметив, что главарь включил в делёжку Инга.

– Меня можешь не считать, – пресёк Инг, – я детьми не

торгую, и серебро это мне противно. Я в дружине служил! А ты паскудством честь мараешь! Отдай лучше Щенку.

– Честь? – встрепенулся Волк. – Так, может, тебя в дружине учили, как из чести каши наварить? Много ли она прокормит? Что-то тебе честь не претила разбойничать!

– Тихо вам! – рявкнул Бык, – Разгорячились! Если тебе десяток серебра лишний – на здоровье!

Бык быстро раскидал монеты на четыре кучки и объявил:

– Нам месяц дали. Как готовы будете, так приступим. Свободны.

3

Серебро у Волка не задерживалось, а раскаяние не мешало спать ночами, за то Инг его особенно не любил. Волк же относился к старику отстранённо. Вот Птах и Косой доставляли больше хлопот: от них невозможно что-либо утаить. Но это сейчас и на пользу. Ловкий Птах обыщет каждое дерево в Грате. Косой же, хоть и не может прямо глядеть, выучился каждым глазом видеть поболее многих здоровых, а, прикидываясь дурнем, спокойно входит в любой дом. Он-то и высмотрит повадки охраны, слуг и князя. А Волку остаётся только отдыхать и ждать случая.

В Грату Волк пришёл к ночи. Стражи у городских ворот были увлечены жарким спором, и не обращали внимания на проходящих мимо. Их работа состояла только в том, чтоб при князе хорошо себя показать да досматривать повозки.

Ремесленные и жилые улочки мало интересовали Волка, другое дело Торговый конец – там можно многое вызнать, оставшись незамеченным. И девки там сговорчивые да болтливые. Особенно в крупной корчме, с гостиницей на пять изб.

В обеденной уже разливали брагу, и девки развлекали городских гуляк. Знакомый корчмарь радостно улыбнулся, заведя завсегда, и поспешил на встречу:

– Волк, рад снова видеть!

– Комната есть? – спросил Влаксан.

– Тебе за медяк или два?

– Мне пустую.

– Отдельная нужна? – удивился корчмарь. – Это дорого.

Может, пойдёт чердак?

– Там постояльцев нет?

– Пусто.

– Сколько будет стоить, чтоб их не было?

Корчмарь довольно сощурил глаза:

– Дешевше, чем за избу али комнату.

– Показывай.

Волк обычно ночевал в общей горнице, за пару медяков в ночь, а если на полу, то за один. Но в этот раз не годится, чтоб кто-то видел, когда он уходит, и кого принимает.

Корчмарь привёл его к небольшой избе без сеней. Бегло глянув на домишко, Волк заметил дверцу под крышей, и хилую приставную лестницу.

– А как с полом? На чердаке во всю избу, или изнутри тоже войти можно?

– Только с улицы, – снимая с пояса ключ, пояснил корчмарь.

– Пойдёт, – Волк вручил мужику серебряный.

Он быстро влез на чердак, внимательно обошёл его, примечая особо скрипучие места и дыры в крыше. Затем смахнул ногами солому в угол, бросил на неё мешок с вещами, и, порешив, что на этом достаточно устроил жильё, пошёл в

корчму, разведать, что в городе делается.

Разведывал он усердно. До глубокой ночи. То ли мёд оказался слишком пьян, то ли сил не рассчитал. Волк понял, что уже не слышит и не видит никого, кроме девки, сидящей у него на коленях. Деваха была в соку: пышногрудая, полнобёдрая, с длинной густой косой и задорными глазами. Вот только зубы шибко кривые да серые, но если не улыбаться во весь рот, то и незаметно. Он готов уже был увести красавицу с собой, только поднявшись, с досадой отметил, что ноги еле держат. Пришлось оставить девку коротать ночь с другими.

Покачиваясь, дошёл он до своей избушки, и ловко забрался на чердак.

«Фьи-фить» – раздался над головой птичий посвист, – «фить-фьить».

– Завтра. Всё завтра, – отмахнулся Волк и повалился на солому.

4

Днём корчма пустовала: на огромную обеденную было всего три посетителя. Корчмарь с тоской прибирал мелкий сор, да протирал грязные столы. Влаксан потягивал пиво и нарочито вздыхал от похмелья: жизнь наёмника научила всегда прикидываться глупее и пьянее, чем есть.

– А что? Охота здесь как? – спросил он у корчмаря, когда тот подошёл к соседнему столу.

– Охота-то хороша, да не твоего ума это дело, – не оборачиваясь, проворчал корчмарь.

– Отчего же?

– Князь единолично распоряжается охотой. Не даст он тебе позволения в его лесах хозяйничать.

– Так и не даст?

Корчмарь замер и поглядел на Волка:

– Ты не гратич? – и, точно вспомнив что-то, махнул на него тряпкой и пошёл к другому столу.

– Ты, видно, с нашим князем не шибко знаком, – произнёс грузный мужик, что сидел у окна.

– И что с того?

– Ну, коли б угостил меня, я может, и научил бы тебя, о чём лучше не спрашивать в княжестве Брониимира.

Волк кивком указал мужику место за своим столом и крикнул:

– Хозяин, а принеси ещё пива нам с другом.

Корчмарь зло глянул на толстяка, торопливо устраивающегося возле Волка, и пошёл за пивом.

– Ты что, и правда, о нашем Брониимире не слыхал? Уж я думал, что все давно прознали, какого зятя замест себя оставил Ярош! Говорят, князь награйский осерчал на старшего сына, и женил его на дочке Яроша, чтоб подальше был. А Награй оставил меньшему. Слыханное ли дело! Вот Брониимир и обозлился на весь свет. Уж до того его норов суров! Коль поймает тебя, что помимо его ведома промышляешь – за руки к хвосту коня привяжет, да возьмёт с собой на охоту.

Пьянчуга мог и приукрасить, но Волк родился в Награе и знал, как опостылел там всем старший княжич. Пристрастный к охоте, девкам и вину, он выпил у людей больше крови, чем все войны, затеянные его отцом.

– Что молчишь? Думаешь, брешу? – хлопнул его по плечу мужик, – видят Духи, не брешу! За воровство он тут же руку рубит или на кол садит! Ух, что было в первый год, как Яроша не стало! В княжестве половины людей поубавилось: кто под казнь попал, а кто сбежал, пока здоров. Это он сейчас поутих. Год уже, поди, как Ярошна понесла. Он свой гонор умирил, коли не доложат ему – не будет разбираться. А раньше: мать честная! Что творилось! Всё разузнавал, в объезд по городу верхом ходил, да дружину свою Чёрную отправлял.

– Ну-ну. Хорош! – замахнулся тряпкой на мужика корч-

марь, – щыц тут! А то ведь и мне за твой трёп влетит!

Волк молча кивнул. Объезжать княжество Брониимир с юности любил. Едва отец его покидал Награй. Он брал отряд своих соколов, и они объезжали будущие владения, нагло врывались в дома, забирая на нужды князя запасы, скотину, не брезгали даже девками.

– Ну, что молчишь? – не унимался мужик, – меня Любомиром звать. А тебя?

– Волком зови.

– Ого! Прямо так батя и назвал?

– Да, – коротко ответил Влаксан.

Скрипнула дверь и за спиной раздался противный голос Косого:

– Хозяин, дай напиться сирому.

Волк оглянулся: настолько ущербным он видел приятеля впервые. Косой глупо скалился во весь щербатый рот, и медленно шагал, припадая сразу на обе ноги, плечи его укрывали грязные лохмотья, а руки опирались на суковатую кривую клюку.

– Иди отседова! Нечего тут попрошайничать! – гаркнул корчмарь.

– Э-эх! Чтoб души на твои молитвы так же отвечали, – пожелал Косой и вышел.

– Иди-иди! – крикнул ему в спину корчмарь, – Тоже принесла недобрая.

– Эк его жизнь-то не пощадила! – засмеялся Любомир.

– Не позавидуешь! – согласился Волк.

– Сейчас, ближе к празднику, таких немало прибьётся к Грате, – хохотнул Любомир.

– Пора мне. Увидимся ещё, – Волк похлопал по плечу нового приятеля и поспешил на выход.

Косой медленно брёл по улице, распевая молитвы духам и прославляя людскую щедрость.

Влаксан прошёл мимо, бросив ему медяк.

У ворот всё так же скучала стража. Вдоль берега Гратки, стоя по колено в воде и распевая девичьи песни, стирали бабы. Ближе к Стрелецкой слободе Волк дал большой крюк, через мельницу и пошёл огородами, в обход улицы. Ровные гряды зеленились ухоженными всходами, изредка встречались бабы и ребятня, дёргающая сор. Миновав слободу, он свернул в знакомый огород. Леруська увлечённо полола репу, и даже не подняла на него глаз.

– Дома есть кто? – спросил Волк, проходя.

– Только Кущик, Инг ушёл в Лужки дрова колоть.

Волк усмехнулся и пошёл в дом. Дрова колоть в Лужках. Стоило переться в Грату, чтоб по деревням бегать.

Бык сидел за столом и натирал ножи. Он напевал себе под нос «Лихую», глуповато улыбаясь. Бык смотрелся наивным простаком. Его добродушное лицо и открытая улыбка обманули немало людей и часто спасали его шкуру.

– Ты? – спросил он, – что-то узнал?

– Нет. Косой позвал.

– Значит, и он придёт, – перебирая ножи, произнёс Бык. –

А Птах что?

– Не знаю, – протянул Влаксан, разваливаясь на скамье.

– Ты, как дед, видят Духи! Лишь бы полежать! Спина не держит, ноги не стоят? – проворчал Бык.

Волк даже не обратил на это внимание. Бык всегда ворчлив со своими, такой уж у него нрав. Кущик... пожалуй, только эта бабёнка и звала Быка по имени, если бы не она, никто поди даже не узнал, какое имя у главаря.

– Хозяин, прими сирого, дай напиток, да поесть, – донеслось от двери слабое блеяние Косого. Скрипнула задвижка, и уверенным шагом Косой прошёл через сени:

– А баба где? – спросил он, показываясь в комнате.

– В огороде копошится, – махнул рукой во двор Волк.

– Что узнал? – глянул на Косого Бык.

– Ух, князь суров! То, что он тебе зимой плетей всыпал – Косой ткнул пальцем в Волка, – это ещё повезло. Говорят, он на расправу скор, и щадить не любит.

– Ты скажи, чего полезного узнал, – перебил его Влаксан. – Часто ли князь из дому уходит, с кем княжича оставляет, как княгиня об нём печётся? Что ты мне тут страху нагоняешь?

– Боюсь, как бы ты не передумал... – протянул Косой.

– Не передумал, и не передумаю. Задаток мы уже получили, и я рассчитываю на полную оплату. Как бишь там князь дни проводит?

– Князь любит всё сам решать, за всем следить. Выбирает, что ему на стол подать, двор обходит, смотрит, кто как работает. Нет-нет, да город объезжает. Вот, завтра собирается, как раз. С княгиней он суров. Видал я их, да слышал, пока возле дворца ходил.

– А с кем Брониимир не суров? – усмехнулся Волк, – неудивительно, что кому-то вздумалось ему досадить.

– И прям тебе не боязно, Щенок? – пристально посмотрел на него Косой.

– А теперь послушайте, что я скажу, – медленно заговорил Бык, – ты Косой – молоток, продолжай по улицам тереться. А ты, Щенок – Бык указал на Волка, – как только заберёшь мальчика, отдашь его мне. Тут мешкать некогда. Вам сразу надо будет залечь на месте. Если мы с Ингом резко пропадём, соседи нас сдадут. Скоро праздник, сейчас в город толпами приходят, никого не удивишь тем, что появился, а вот коли резко испаришься, тебя сразу станут искать. Так что, сиди в своей корчме.

– Да пошли вы! – вскочил Косой.

– Хорош! – зло зыркнул на него Бык, – подумаешь, на улице поночуешь. Всяко лучше, чем на колу сидеть. Зато при деньгах.

Косой возмущённо махал руками:

– Я вот думаю – бежать надо! Хватать золотишко и бежать, пока не очухается князь.

– И далеко ты убежишь? Думаешь, Брониимир спокой-

но примет то, что сын пропал? Князь сразу кинется искать. На все дороги отправит конных. Тормозить-шерстить станут всех. Город, скорее всего, тоже закроют. Думаю, будут обходить каждый дом. Если сразу снимемся, нас тут же за задницы и схватят, не уйдёшь и на десяток вёрст. Сам говоришь, что Брониимир на расправу скор, думаешь, много кто захочет его гневить и нас покрывать? То-то и оно.

Косой насупился и забрался на лавку:

– Тогда я лучше здесь пока отосплюсь, чай на улицах так сладко-то не будет. А коли дожди? – он задумчиво поковырял в ухе, – Коли дожди, к тебе приду, Щенок, – обиженно пригрозил Косой, вытягиваясь на лавке у двери.

5

Вечер уже вошёл в силу, улицы опустели, и небольшие масляные фонари светили со стен богатых домов. Лавки закрылись, уступив главенство питейным и весёлым домам. У корчмы Волка догнал птичий свист: «Фьить».

Оглядевшись, он обошёл корчму и направился к своему чердаку. В два прыжка Волк влез под крышу.

– Кто куда, а ты в загул, – прошептал Птах, свешиваясь с ветки.

Волк не торопился отвечать. Уж больно странно он будет смотреться, разговаривая с деревьями. Птах в зелёных лохмотьях не заметен среди листвы.

– Что-то узнал? – устроившись в тёмном углу чердака, спросил Волк.

– А то! Я ж не пьянствую весь день по кабакам.

– Я разведываю...

– Ага, баб и пиво, – пискляво усмехнулся Птах.

Он так привык притворяться птицей, даже смех и кашель – всё напоминало птичий крик.

– Что тут забыл? – пропуская мимо ушей ёрничество приятеля, спросил Волк.

– Я уже у Князя побывал. Ох, Брониимир-то суров! А княгиня! Мать честная, до чего же девка сочна! Жаль, не её нам выкрасть велели! За такую бабёнку и золота не жаль.

– Княжича видал?

– А то! Да, что мне княжич? Лежит, кулаками машет, сиську просит. А как его баба-то к груди приложит! Ох, – закатил глаза Птах.

– Хорош уже! Что по охране?

– Брониимир сына бдит. К его опочивальне двое приставлены.

– Так малец не с князем спит?

– Нет. Он с няньками и княгиней. Князь её к себе только по поводу приглашает. Ему малец мешает почивать, не нравится, как спиногрыз орёт, – захохотал Птах.

– Это хорошо.

– Одна нянька с огромным ножом за поясом. Либо ж чует неладное наш светлейший, либо сына шибко любит.

Волк задумался: неплохо было бы самому поглядеть на княжонка и няньку его, да охранников.

– Косой говорил, князь завтра город собрался? – уточнил он.

– Тебе-то с того что?

– Поглядеть хочу на Брониимира, да на охрану его.

Птах кивнул:

– Не врёт Косой, завтра на базар собрался. Скоро ж праздник, ему посуды надо богатой.

– Значит, завтра и погляжу.

– Ну, бывай, – Птах бесшумно растворился в листве.

Волк захлопнул дверь и разлёгся на соломе. Кто знает, мо-

жет, прав Любомир, и княжич присмирил гонор Брониимира.

Ещё отроком Волку доводилось встречаться с Брониимиром. Пару раз старший княжич навещал с объездом Охотничий Лог, и уж там он не отказывал себе в свободе и жестокости.

6

С утра Волк шатался по переулкам Торгового конца, ожидая князя. День выдался жарким, с раннего утра палило солнце, и редкий сухой ветер нагонял пыль и песок. Люди укрывались под навесами и во дворах торговцев. Те услужливо подавали черпаки с водой, попутно впаривая свои поделки.

Влаксан торговался за наконечник для копья, когда по улице, звеня бубенцами, проехала крытая княжья повозка. Тройка статных белых жеребцов, в золочёной упряжи, тянула богатую узорчатую кибитку с коваными колёсами. Два слуги в чистых белых рубахах, отделанных синей вышивкой, сидели на запятках. Следом вышагивала конная стража в красных кафтанах дружинников. Люд аж рты разинул, выстраиваясь вдоль улицы в поклоне. За кибиткой тянулась вереница бедняков.

Полог повозки слегка откинулся, из окна показалась рука в дорогих перстнях и браслетах, и, бросив горсть медяков на дорогу, тут же скрылась обратно. Нищие заполонили дорогу, как воробьи, кидаясь на монеты, высматривали их в серой дорожной пыли, ошупывали грязными пальцами землю.

Швырнув на прилавок наконечник, Влаксан пошёл вслед за князем.

– Эй! За три отдам! – крикнул вдогонку торговец.

– За три я пять таких куплю, – бросил через плечо Волк.

Хозяин лавки громко выругался ему вслед. Наконечник был неплох, и по-хорошему стоил все пять медяков, но Волк здесь вовсе не за покупками.

Повозка свернула в тупик и остановилась возле посудной лавки. Слуги тут же соскочили с кибитки и пока один побежал в посудную лавку, второй быстро отворил дверцу и поставил ступень.

Волк прошёл мимо, к уличному колодцу и стал медленно набирать воды.

Князь сошёл с кибитки и небрежно подал руку жене. Брониимир высок и стар на вид, хоть тёмная борода-клин не тронута сединой, лоб его избородили глубокие морщины. Княгиня рядом с ним казалась совсем ребёнком, одетым в богатый алый сарафан и увешанным бусами и браслетами. Её маленькие ножки украшали расшитые башмачки. Женщина робко озиралась, ступая на землю. Ободранный мальчонка бросился к князю, вереща какую-то песню-попрошайку. Брониимир резко оттолкнул мальчугана, тот вскрикнул, пошатнулся на тощих ногах и ударился о стену. Княгиня побежала к мальчику.

– Жена, – сурово позвал князь.

Мальчик рассёк лоб, и кровь тонкой струйкой стекала по лицу. Княгиня достала из-за пояса платок и утёрла лицо мальчишки. Она нежно погладила его по спине и что-то сказала, слишком тихо, чтоб можно было разобрать.

– Жена! – требовательно повторил князь.

Княгиня опомнилась, тихонько пригладила мальчику волосы, встала, и шагнула к мужу.

Князь смотрел на неё холодно, даже жестоко. Его густые брови сдвинулись в одну тёмную полосу, а глаза презрительно сощурились. Он замахнулся и наотмашь ударил её по лицу. Княгиня пошатнулась, но устояла, даже не дёрнулась и не пыталась укрыться.

– Он ребёнок, – тихо произнесла она.

Князь размахнулся и ещё раз ударил её тыльной стороной ладони. На этот раз княгиня ухватилась за повозку, чтоб устоять.

Охранники не обращали внимания на то, как князь учит уму свою жену. Они привязали коней у лавки и пошли ко двору посудника. Один вошёл на двор, другой встал у ворот и безразлично глядел на князя.

Брониимир ещё раз звонко ударил жену:

– Не смей перечить мне. Не позорь мужа. Приведи себя в порядок, – небрежно бросил князь и отвернулся от неё.

Влаксан медленно опускал ведро, наблюдая, как князь следом за свитой входит в посудный двор. Княгиня огляделась, подошла к прилавку и стала рассматривать выставленную на показ посуду. По-хозяйски сняла со стены дорогой черпак и пошла к колодцу. Она шла тихо, не пригибаясь и не пряча глаз. Казалось, она сносит побои, с достоинством чести и гордости, не стыдясь и не боясь.

Волк набрал воды, и с сердечным поклоном поставил ведро возле княгини, отступая в сторону. Брониимира зачерпнула воды, смочила в ведре платочек и аккуратно отёрла лицо. Левая щека её была пунцовой, три пятна от перстней быстро наливались синевой, а в уголке рта повисла крупная капля крови. Влаксан стоял всё так же, почтительно склонив голову и прижав руку к груди, наблюдая за княгиней исподтишка. Она поднесла черпак к губам, и, напившись, протянула его Волку:

– Благодарю.

Влаксан взял черпак и замер, но княгиня продолжала с интересом смотреть на него:

– Ты не собираешься пить? Или брезгаешь княжьим подношением? – голос её приобрёл взбалмошно-суровые нотки, и Волк сделал глоток.

– Благодарю, государыня, ты очень добра, – он протянул обратно черпак.

Княгиня смерила его долгим внимательным взглядом. Птах не солгал о её красоте: большие серые глаза, аккуратный нос, чуть крупный рот, круглое лицо с остреньким подбородком. Должно быть, Ярошу нелегко далось решение сосватать её Брониимиру.

Наконец, она дёрнула плечом, бросила черпак в колодец, быстро развернулась на пятках и пошла к воротам посудной лавки. Из-под богато расшитого кокошника и парчового платка спускалась по спине длинная толстая коса, украшен-

ная лентами, жемчугом и драгоценными камнями.

Волк умылся из ведра и глянул в колодец: дорогого черпака, который утопила Брониимира, видно не было. Народ стал расходиться с улицы, только бедняки со всей Граты стали стягиваться в посудный тупик, надеясь снова выпросить монет. Волк вернулся на главную улицу и зашел в небольшую корчму на развилке:

– Хозяин, есть питьё?

– Пиво, брага, мёд, вино, – тут же отозвался из подсобки голос.

Богатая, однако, корчма. Даже вино наливают.

– Давай пива, – махнул Влаксан.

К жене князь охрану не приставил. Видно, не очень-то он дорожит ей. Значит, наблюдать своих людей приставил только к сыну. Тем сложнее будет их отвлечь.

На сегодня он достаточно узнал, а подслушивать и в окна глядеть – это дело Косого да Птаха.

Влаксан сам не заметил, как засиделся за кислым пивом. Люди приходили в корчму, заказывали еду, питьё, обсуждали приезд князя и предстоящий праздник летнего огня. У окна громко обсуждали сплетни мужик и две бабы:

– Говорят, князь Сватовник будет устраивать для всего мира! Хочет дать имя княжичу на празднике! – заходясь от восторга делилась старая баба, – даже колдун из Награя приехал. Будет княжич носить имя горных духов.

– Брешешь! – возмутился мужик.

– Видят духи – не вру! Даже Кудиир уже набирает себе работяг, говорят, пир будет на весь край! Подтверди, Клунь!

– Не брешет мать! Я и сама слыхала! Жарушка из посудной лавки сказала Бакульке. А я рядом стояла, да слыхала всё. Иначе почто бы князь в посудный поехал.

Княжья повозка давно прозвенела бубенцами в сторону дворца, а Влаксан всё ещё жадно вслушивался в слова, но сам не заметил, как голоса утратили ясность, люди превратились в расплывчатые тени, а голова стала тяжёлой. Наспех расплатившись, Волк пошёл к себе на чердак.

«Фьить-фить» – разбудил противно-громкий свист.

Волк насилу открыл глаза:

– Что шумишь? – нахмурился он, и только сейчас понял, что Птах сидит в дальнем углу чердака.

– Сон-то у тебя богатырский. Вроде раньше не замечал за тобой, что ты поспать молодец. Видать, перебрал где? – предположил Птах, – Хотя, и я б перебрал, коль меня бы княгиня с рук поила.

– Отвали, – огрызнулся Волк, хмель ещё гулял в голове, ноющей болью.

– Не дождёшься, – птах бросил мех с водой, сдобренной вином, – Я-то к тебе не просто поболтать, и не водичкой попить пришёл.

– Слушаю, – Волк жадно припал к меху.

– Скоро ж Сватовник. Князь праздник даёт. Сам с женой явится, да княжонка захватит. Чтоб имя дать.

Влаксан сел, позабыв про боль:

– Отлично! – значит, не брехали бабы в корчме, – Сколько до праздника?

– Дней десять. Сможешь изловчиться подготовиться?

– Смогу, – уверенно кивнул Волк.

– На том и порешим, – кивнул Птах, выпрыгивая за дверь.

8

Волк нанялся плотником боярину Кудиру, что командовал праздником. На берегу Гратки быстро выстраивались столы и скамьи. Князь велел настлать мостки, чтоб он мог сидеть и пировать на возвышении. Кудиир, в угоду князю, не жалел кнута на волов и лошадей, да и нерадивым работягам доставалась древком по хребту. Брониимир поздно объявил о пышном празднике, так что работать приходилось с рассвета и до заката. Вечерами Брониимир выезжал из города на вороном коне, оглядывал берег, с наваленными досками и брёвнами, подзывал Кудиира, не спешиваясь, долго с ним говорил, и снова уезжал. После чего боярин приходил либо злой, и доставалось всем, до кого дотягивался его сапог или кнут, либо довольный, и даже угощал пивом тех, кто ему особенно нравился.

Пару раз заезжала и княгиня. Её нарядная повозка делала круг, объезжая праздничную поляну, затем останавливалась у места костра, и Брониимира осторожно выходила на лужок. Кудиир водил её от стола к столу, рассказывая, где что будет, показал загон для кур и телят, и место для бочек. Затем отводил к мосткам. Княгиня с интересом слушала его, оглядываясь по сторонам. Влаксан старался не попадать ей на глаза. Достаточно того, что она разглядела его у колодца.

Без мужа княгиня даже улыбалась, показывая ровные кра-

сивые зубы, и была обходительна с принимавшим её Кудииром.

Влаксан старался не выделяться ни хорошей работой, ни плохой. Меньше всего сейчас нужно, чтоб его запомнили на стройке. Среди прочих юнцов и мужиков, нанявшихся с деревень, слобод и даже города, он легко терялся, и спокойно высматривал удачный подход к княжьему столу, да прикидывал, где же будет люлька.

Косой объявился через трое суток.

Уже стемнело, когда Волк вернулся в Торговый конец, и на него набрёл косой оборванец:

– Помоги сирому монетой или угощением, – пропел Косой. – Два дня не ел ничего, еле хожу с голодухи...

– Пойдём, – перебил его Волк, и пошёл в сторону корчмы.

– Не слушай его! Он тут третий день ошивается! Сам видел, как его сегодня только кормил мужик, – прокричал гончар, собиравший горшки с прилавков.

Влаксан шёл молча. Чем ближе был праздник, тем серьезнее и суровее были его думы. Косой продолжал бляеть свою бедняцкую молитву духам, стараясь не отставать.

Волк затащил Косого в первый попавшийся кабаk. Народу там было не протолкнуться. Пьяные мужики и девки распевали песни, славящие духов воды и огня. Город ломился от стекающихся к празднику гуляк. Приезжали даже гости Нагряя. Шум на улицах не смолкал даже ночью, а ворота запирать перестали, просто оставляя узкий проход на всю ночь.

Насилу протолкнувшись в угол, Волк приметил свободную лавку. Кабачник, не спрашивая, принёс им браги из сушёных яблок, и только получив оплату, ушёл.

Косой долго причитал о суровости и строгости князя, как лупит тот свою жену.

– М-м-м... – протянул Влаксан.

– Опять молчишь? – спросил Косой, и тут же продолжил, – Я вот что скажу: огонь.

– Что огонь? – удивился Волк.

– Вот, что нам поможет. На празднике будет много огня. Ты же можешь что-то придумать. Солому, щепу... Поменьше воды, куда следует.

Волк поднялся, похлопал Косого по плечу и пошёл к дому. Ни к чему такие откровенные разговоры. Бык всё равно всех накануне соберёт, там можно обсудить. Если устроить поджог с нескольких сторон – будет гораздо сподручнее, лучше всего бы подрубить мостки. Надо зайти к Быку, попросить подсобить, пусть Птах ночью под мостками пошарит, а Косой вокруг обойдёт и столы подсмолит. А как стемнеет – затеять свой праздник.

Инг с самого утра крыл проклятиями на все стороны. Он хозяином разгуливал по дому, бранясь на чём свет стоит. Бык ушёл, поглядеть, как идут приготовления к празднику, а Птах уже два дня не объявлялся в слободе.

Влаксан сидел на скамье, поджав ноги, и мастерил праздничный наряд из ярких лоскутов да звонких бубенцов. Косой лениво развалился на полу, пощипывая струны на гуслях. Раскатистый звон бубенцов и музыка сливались с бранью Инга, отчего казалось, что здесь уже во всю отмечают.

– Вы хуже чертей! Осквернять праздник Духов такой низостью! – ворчал Инг.

– Отвали, – огрызнулся Влаксан, наматывая на сапоги красные мешки, глухой перезвон эхом вторил ругательствам приятеля.

Косой сел и придирчиво оглядел Волка:

– Охота тебе так канителиться? Купил бы себе покраше. Видят духи! Третий день тряпьё перешиваешь! Неужто весь задаток прогулял?

Волк покачал головой, не отрываясь от шитья:

– Дурак ты, Косой! Это ты можешь пойти и прикупить себе наряд скомороший. Либо думаешь, что не приметит никто того, кто княжича утащит? Коль им будет нужен скоморох в красных сапогах, да звенящий бубенцами, то вряд ли

они обратят на меня внимание, когда скину все эти яркие погремушки.

– Да ты прям всё продумал, – протянул Косой.

– Если бы ты княжонка забирал, тоже думал бы, – проворчал Влаксан, доставая из короба крупный бубенец. – Где Птах?

– Пошёл искать, где надёргать соломы да смолы. Бык велел ему мостки заложить. И под столы, – ухмыльнулся Косой, – Эх! Таких скоморохов Грата ещё не видала! – он довольно хлопнул себя по колену.

Инг продолжал ворчать, хмурясь, точно туча:

– Одумайтесь, аль я пустое место тут? Духи проклянут вас за такое!

– Изыди! – отмахнулся Влаксан.

– И то верно, – поддержал Косой, – мешаешь только.

Инг плюнул и, грязно выругавшись, вышел на улицу.

– Эй, – заговорщицки позвал Косой, подвигаясь ближе, – Щенок, а тебе не страшно?

– Отвали.

Бык велел всем нарядиться шутами да скоморохами. Косой ловко справлялся с гусями, только вот петь лучше бы не начинал, но и скоморохи не редко юродивые. А вот Волк полагался на свою ловкость и наряд.

Приятель был прав: чем ближе был день праздника, тем тяжелее мысли в голове. Тут либо сразу озолотишься, либо смерть. Да, зная Брониимира, не даст он умереть спокойно,

будет долго заживо шкуру снимать.

– Щенок, а ты смелый, – опять завёл Косой, наигрывая «Лихую». – Гляди, на празднике-то в штаны не навали.

– Ты за мои штаны не беспокойся, да по себе не суди, – процедил сквозь зубы Волк, откусывая нить.

– Плевать мне на твои штаны, я думаю, как бы ты не драпанул, когда жара начнётся.

Влаксан внимательно посмотрел на Косого. В одном тому повезло: чтоб выглядеть скоморохом, ему не нужно даже наряжаться, шутовской вид ему маманя подарила.

– Знаешь, что я думаю, Косой?

– Ну? – довольно улыбаясь, спросил тот.

– Ты сам готов штаны намочить от страха, и пытаешься обвинить меня в трусости, чтоб смельчаком казаться.

– Тю! Удиви-ыл, – протянул Косой. – А то я без тебя не знаю, что мне боязно. Уж мне-то шкура дорога, она у меня одна. А знаешь, что, Щенок? Пожалуй, подговорю я Птаха, чтоб взял и для тебя пару ножей. Ежели тебя кто схватит, аль дурить удумаешь, чтоб он сразу и разобрался с тобой.

Влаксан снова поднял взгляд на приятеля: Косой продолжал глупо лыбиться, во весь щербатый рот, но взгляд был холоден и серьёзен. Птах, хоть и был тщедушен и жалок с виду, но ножи мечет отменно, он вытачивает их из чего угодно, хоть из камня, хоть из дерева. Незаметно пробираясь по верху, он бесшумной смертью прикрывает банду.

На душе стало совсем гадко и тревожно:

– Главное – не торопись, а то за зря без денег останешься, – прошипел Волк.

– Не бойсь! Коль молодцом всё сделаешь, я за тебя горой, – похлопал его по плечу Косой.

К вечеру с берега Гратки лилась громкая музыка. Сизый дым окутал всё на версту вокруг, и тяжёлый запах распалённых костров накрыл слободы, деревни и улочки города. Посередь поляны, на берегу реки, занимался огромный главный костёр. Мелкие сватовские кострища заложили у самой воды. Кудиир и два боярина помоложе приглашали на мостки знатных гостей. Столы для простого люда выставили вокруг поляны и горами сложили на них угощения.

Собралось уже немало гуляк. Под зазывные песни скачивали в воду насмолённые колёса. Ловкачи да скоморохи скакали через них, отплясывая и напевая «Лихую». Огненные артисты подбрасывали головешки, выкрутасничали с зажжёнными булавами. Вокруг бочек с брагой шумели мужики. Дети радостно визжали, обливаясь водой. А нарядные девки, в расшитых кокошниках да венках, жались к костру, надеясь, что сегодня каждой сыщется жених, и на закате подхватит её, и перенесёт через три костра. Захмелевшие парни, точно на смотринах, выделявались, как могли: громко пели зазывалки и плясали присядку, да разножку.

Князь приехал последним, когда солнце уже почти закатилось. Брониимир посадил подле себя жену, и велел поставить рядом на высокую скамью люльку младенца. Охранни-

ки выстроились по углам, а няньки возле люльки. Последними расселись за княжим столом приглашённые на праздник колдуны.

Птах, ряженный птицей, выхаживал, пряча лицо за длинным деревянным клювом. Влаксан в яркой маске, что принёс ему Бык, вытанцовывал и прыгал через голову, наигрывая на дудочке. Люди улюлюкали и хлопали в ладоши, и под звон бубенцов щедро бросали монеты. Волк собирал их между танцами, прятал в ярком бесформенном платье, проверяя при том, не выпал ли поясной нож. В маске было тяжело дышать, а уж играть на дудочке тем паче, но главное – сейчас убедительно притворяться скоморохом и от души веселить народ.

Музыка смолкла, едва погас последний солнечный луч. Князь медленно поднялся, оглядывая собравшихся гостей. Брониимир был не молод, но и не стар, глаза презрительно сощурены, от чего взгляд казался змеиным, между бровей и на лбу залегли глубокие морщины, а губы сжаты так, что за усами их и вовсе не было видно.

– Я рад приветствовать вас! – объявил князь, – Сегодня мы не просто гуляем, восхваляя Сватовник, мы благодарим Духов Огня и Воды за плодородие и богатство. Мой сын – дар Высших Духов! Не только семье княжеской, но и всей Грате! И сегодня Мой наследник – ваш будущий князь – получит своё имя!

Люд радостно загалдел. Кружки браги и пива поднялись

над головами, расплёскивая пахучую пену.

– Я родился в Награе, где имя князьям дают Духи Гор. Сегодня с нами мой добрый друг и наставник Мудромысл, он и скажет, как будут звать вашего будущего князя!

Под ликующие вопли гратичей, поднялся из-за стола старый колдун, прошёл по мосткам, к князю, его белая борода опускалась до пола, едва не касаясь босых ступней при каждом шаге. Князь вынул из люльки кричащего младенца и над столом протянул его старику.

Мудромысл прижал к себе княжича и пошёл к главному костру. Он затянул длинную молитву духам огня, младенец сразу же замолк. Князь довольно кивнул: то добрый знак, значит дитя благословлён духами и слышит их.

Мудромысл трижды обошёл огонь против солнца и сделал три круга по солнцу. Двое слуг уложили возле костра насмолённое колесо и подожгли его. Колдун встал в горящий круг, и на него тут же опрокинули бочку воды. Младенец заорал во всю мочь. Мудромысл накрыл его лоб ладонью, и княжич затих. Люди, затаив дыхание, смотрели на колдуна.

Никто не заметил, как один скоморох, наряженный птицей, прячась в тени кустов и столов, тихо растаскивал угли от полыхающих костров. Никто не заметил, что ножки столов и мостков знатно просмолены, а солома особенно щедро рассыпана под ногами. Все смотрели на колдуна, что пришёл с Награя, дабы дать имя младенцу-княжичу.

– Сорок два года назад, – заговорил Мудромысл, – Князь

Награйский Даромир точно так же передал мне своего младенца, и Духи подарили ему имя Брониимир, что на языке гор означает «Защищающий мир»! Сейчас же Воля Духов, чтоб младенца звали Градсан, что на языке гор значит...

– «Сын защитника», – перебил колдуна князь. – Моего сына зовут Градсан! Приветствуйте своего будущего князя! Запомните его имя! Это имя ждёт великие свершения!

– За Градсана! – заорали бояре.

– За Градсана! – подхватила толпа.

Но князь не торопился садиться. Дождавшись, когда толпа утихнет, он продолжил:

– Я благодарю жену. В день свадьбы я подарил ей своё имя, и она за это подарила мне сына. Надеюсь, Духи благословят нас ещё сыновьями, – князь обратился к жене. – Прими же младенца нашего Градсана, которого нарекли сами Духи!

Брониимира смущённо улыбнулась, принимая княжича, нежно поцеловала его в лоб и отдала нянькам. Едва княгиня села за стол, грянула музыка, и артисты снова пустились в пляс. Огненные кольца и головешки взметнулись в ночное небо. Молодчики вынесли соломенных Огнушку и Водяного, распевая сватовницы.

Волк отошёл от костров. Он уже порядком подустал плясать и прыгать через голову. Волосы его растрепались и выбившиеся из хвоста пряди лезли под маску, щекоча нос и глаза.

Народ пел и танцевал, прославляя духов, Брониимира, княгиню и младенца. Они славили Награй и Грату, забыв, что десять лет томувойной ходили друг на друга, они бы славили и лешего, если бы кто подсказал.

Толстый мужик, набравшись по самые брови, подхватил девку и решил сигануть с ней через костёр, но, вместо красивого прыжка, запутался в своих же сапогах и рухнул в пылающие угли. Бабы завизжали, а мужики кинулись их доставать. Брониимир подался вперёд, впервые за вечер его усы растянулись от улыбки. Три колдуна вскочили с мест, но князь рукой указал охране, чтоб не позволяли вмешиваться.

Всё занялось неожиданно. Едва горе-жениха и девку вытащили из костра, разом вспыхнули три стола в низине.

Князь встревоженно поднялся:

– Воевода! – позвал он, но тут доска под ним проломилась, и он рухнул на мостки.

Костры занимались с быстротой ветра. Видно, Птах не пожалел смолы да соломы. Люди кинулись врассыпную. Бабы вопли смешивались с детским плачем. Слуги тут же схватили княгиню и повели к ступенькам. С громким треском огонь пожирал дерево. Мостки стали складываться. Столы рухнули вниз. Падали опорные столбы. Князь провалился на землю, охранники бросились доставать, пока его не завалило горящими досками.

Волк за ногу стащил на землю няньку, что приставлена к княжичу, вскочил на перекошенную лестницу и выхватил

из опрокинутой люльки младенца. Только бы никто из колдунов не приметил. Спрыгнул вниз, и встал лицом к лицу с нянькой. В огненном свете блеснуло острое лезвие. Она замахнулась высоко, целя в шею. Волк присел, выхватывая поясной нож, и резанул её под коленом. Нянька повалилась на землю. Волк поставил ногу ей на запястье, и быстро, как на охоте, пересёк горло. Тёплая кровь брызнула из раны, заливая примятую траву, одежду и руки Волка.

Крепче прижав к себе младенца, он побежал к ключу, поросшему ивняком. Бабы визжа, тащили за собой детей, мужики старались увести свои семьи, а кто и просто сбежать. Крики и вопли обезумевшей толпы разносились на несколько вёрст. Люди толкались, не замечая ничего вокруг.

Миновав густые заросли ивняка, Влаксан вошёл в реку, и тихо двинулся к мосту через Гратку. Под мостом он положил на землю орущего младенца. Быстро скинул с себя мешковатый скомороший наряд, свернул одежды в тугой узел, завязал туда небольшой валун и швырнул подальше в реку.

Нужно хватать малого и бежать на встречу Быку.

Над головой тихо заржали кони. Волк испуганно обернулся: неужели прослушал погоню? Но приметив знакомую поступь, облегчённо выдохнул и сел на землю.

Бык осторожно спустился к воде и бережно взял княжонка:

– Молодец, парень, – протянул он.

Влаксан поднял на него потухший взгляд. Бык говорил

ещё что-то, но тот его не слышал, только видел, как главарь на бабий манер приматывает к себе младенца, и что-то при этом говорит.

Волк заметил кровь на своих сапогах, рукавах и ладонях. Он неуклюже склонился к реке и попытался отмыться. Тело стало чужим и непослушным. Он остервенело тёр пятна, но те только расползались огромными, тёмными следами. Влаксан обернулся к Быку: того уже не было. Растерянно озираясь, он побрёл в сторону городских ворот.

Жажда, голод и сон навалились разом. Волк ещё никогда не ходил так шумно и тяжело, он спотыкался и с трудом переставлял ноги, падал, вставал и снова шёл. Лента, стягивавшая волосы, лопнула, и некогда тугой хвост рассыпался спутанными сырыми космами, перепачканными кровью, сажёй и землёй. Тяжёлым камнем на душу легло осознание: задание выполнено, он это сделал.

Громко проломившись сквозь кусты, Влаксан вышел на пожарище. Огромный праздничный костёр ещё полыхал и трещал, озаряя разбитую поляну. Два стола наполовину уцелели, и горы угощений стыли, покрытые хлопьями пепла. Несколько пьянчуг развалились на траве, надрывая тишину богатырским храпом. У реки лежали обгоревшие тела: одно, два, три... дальше не то тюк, не то человек. Возле кострища неудачник-прыгун и его девка, а чуть поодаль молодая красивая женщина в белой, замаранной кровью сорочке с мятым венком на голове – видно, затоптали в давке.

Усталость, сырость и прохлада пробрали до костей. Волк подошёл к костру так близко, что лицо обжигало жаром, но дрожь продолжала колотить его изнутри.

– Ты что забыл здесь, малый? – раздался за спиной хриплый голос.

Волк оглянулся, перед ним стоял щуплый мужичок в чистой рубахе и штанах. Окружённый изуродованными остатками пира, он выглядел очень странно. Волк безразлично оглядел мужичка и повернулся к костру.

– Щенок, ты что застыл? Сейчас ворота запрут! Идём! Конные уже выезжают, – потянул его за рукав щуплый.

Влаксан присмотрелся и поразился, узнав Птаха. В нормальной рубахе он даже на человека стал похож.

– Идём же, – приятель тянул его за локоть к городским воротам.

Словно во сне, Волк послушно шагал следом, стараясь не упасть и не отстать. Княжеские мостки догорали грудой ломаных досок и брёвен. Птах быстро перепрыгнул через изуродованное, придавленное бревном, тело.

В городе, за воротами шумела толпа. Бабы орали, словно резаные, визжали дети. Обгорелые люди сидели прямо на дороге. Вокруг них бегали лекари и колдуны, накладывая примочки, мази и поднося питьё. Конница неслась из города, не замечая снующих под копытами детей. Дородная баба надрывно орала, прижимая к себе насмерть забитого мальчика, попавшего под копыта коня. Волк точно во сне слышал их вопли, озирался по сторонам, не в силах уцепиться взглядом.

– Да, живее ты! Чего раскис? – ругался Птах, изо всех сил налегая на него, – совсем ходить разучился?

Знакомый корчмарь стоял на улице, глядя по сторонам огромными, как плоски, глазами:

– Это что же? Видели, что произошло?

– Видали, – кивнул Птах и указал на Волка, – Полюбилась ему деваха, да её удавили в толпе. Потерялся малый.

Корчмарь всплеснул руками, и понимающе отступил, пропуская их во двор. Волк насилу забрался на чердак. Впервые пригодилась лестница, но и по ней залезть еле удалось: руки и ноги стали медленные и неуклюжие. Холод крупной дрозью колотил тело.

Тихо бранясь, Птах аккуратно уложил его на солому.

Под нос ткнулся мех с кислым вином:

– Пей, – приказал Птах.

Влаксан жадно припал к горлышку. Он пил и не мог напиться, глотку жгло и казалось, что вино льётся мимо, как кровь из шеи няньки. Раньше он думал, что убить человека – всё равно, что зверюгу. Так же смотрит в глаза, так же пытается увернуться, та же тёплая кровь...

Но в её глазах было что-то другое. В глазах этой бабы была решимость, жестокость и дикий страх, когда она поняла, что это конец. Отнять жизнь у бабы оказалось совсем не то, что свинью прирезать. А иначе она бы удавила его. Богатырка целилась прямо в горло, и второй раз уже не промахнулась бы. А коли и промахнулась, да удалось сбежать – Птах или Косой пустили бы ему нож в шею.

Всё казалось куда проще, когда это было просто задание, далеко впереди, а не сейчас, когда уже свершилось.

Птах быстро стянул с себя рубаху и тут же в углу достал свои лохмотья. Приятель не просто успел побывать здесь, но и устроил тайник. Волк хотел выругаться, но язык окаменел от вина и усталости.

Напоследок стянув с Волка сапоги, Птах выскочил на улицу и растворился в темноте. Влаксан хотел догнать его, но встать был не в силах. Он протянул руку, остановить друга, и неуклюже растянулся на соломе, залив себя вином. Сдавленный стон оборвался хриплым кашлем. Холод разлился по

телу ледяным безразличием, уводя в беспокойный сон.

Удар в живот выдернул из пустоты. Открыть глаза не было сил. Волка грубо подняли на ноги, но колени подкосились, и он рухнул в солому. Тяжёлые шаги барабанили по полу.

– Эй! Пьянчуга! Что забыл здесь? – прорычал незнакомый голос.

Язык не слушался, получалось только стонать и неразборчиво мычать. Сильный пинок в живот подбросил желудок. Волк захлебнулся рвотой.

– Паскуда! – процедил мужик, пиная его в грудь – Заблевал мне ботинки!

– Я говорю: снял чердак, пришёл к празднику – верещал с улицы корчмарь. – Невеста у него близ города... была... удавили в толпе.

Неизвестный снова выругался и обратился к Волку:

– Невеста? Не брешет корчмарь? – снова удар, – отвечай!

Солому обшаривали, бесцеремонно раскидывая по чердаку. Засыпали лицо, даже умудрились натолкать за шиворот.

– Пусто, – донеслось из темноты, – у него даже денег нет! Поди, пропил всё!

– За постой уплачено вперёд, видят Духи, – снова слышался голос корчмаря. – Я за его кошельком не слежу!

Пнув его ещё разок, незнакомец ушёл. Волк, не открывая глаза, перевернулся на другой бок, и снова провалился в пу-

стой сон.

– Эй, Щенок, – подпинывая его босой ногой, прошипел Птах. – Выспался?

Солнечный свет пробивался через прорехи в крыше. Влаксан сел, укрывая рукой глаза от тонких слепящих лучей.

– Долго я спал? – сурово спросил Влаксан.

– Поболе суток будет.

– Больше суток, – выдохнул Волк. – Много пропустил?

Что князь?

– Лютует. Дважды в корчму приходили обыскивать. Уж не знаю, как тебя не забрали, – протянул Птах, придирчиво окинул его взглядом, – хотя... может, побрезгали...

Волк оглядел свою одежду – некогда белая сорочка и штаны тёмного льна покрыты буро-серыми пятнами, травяными следами и сажей. Кислый запах рвоты смешивался с резким духом костра и пота.

– Ага, красавец! – хмыкнул Птах и протянул ему свёрток, – Бык передал.

В тряпицу была завёрнута чистая, застиранная рубаха, штаны и звенящий мешочек.

– Там плата, и твой кошель. Я его приберёг. Знал, что найди дружинники серебро, в покое не оставят. Из города не суйся, ворота закрыты, как Бык и предупреждал. Теперь через меня общаться.

– А ты?

– Разве птицу остановят стены? – хмыкнул Птах, – вече-

ром приду. Бывай.

Птах выпорхнул за дверь. Волк глянул вслед, но увидел только, как тот скачет по деревьям, уже за забором корчмы.

Двор пустовал. Лишь куры да утки бегали кругами. Влак-сан спустился к колодцу, умылся, провёл рукой по лицу. жёсткая редкая щетина покрыла лицо плешивыми кустами. Пора бы уже оскоблиться, да поглядеться не во что.

В обеденной, как обычно, было нелюдно. Корчмарь громко бранил девку, что плохо мыла полы.

Волк сел в углу, подальше от беспощадно яркого света.

– Проспался? – спросил корчмарь, ставя пару кружек бра-ги перед ним.

– Благодарю. Я не просил.

– Так ты просто посидеть пришёл? Или хочешь сказать, что похмелье не мучает?

Волк посмотрел на корчмаря: навскидку, тот старше Инга, тёмные короткие волосы щедро разбавлены сединой, лицо покрыто морщинами, добрые глаза, но взгляд суровый:

– Ты много проспал, парень, – произнёс корчмарь.

– Я... да...

– Приятель, что привёл тебя, сказал про девку. А ещё говорят, на празднике княжич пропал. Дружинники прочёсывают город. Приходили и сюда. Тебя не добудились. Видно, знатно ты перебрал. Они искали младенца или того, кто мог его забрать.

Волк тяжело вздохнул. Забыться бы снова:

– Мне надо заменить солому, – произнёс он и, подумав, добавил, – есть обед?

– Сейчас распоряжусь, – кивнул корчмарь.

– А где Любомир?

– Надрался по уши и вздумал с дружинниками пререкаться. Говорят, сегодня ночевал у травников. Поучили его уму.

Волк кивнул. Не так уж и плохо. Теперь тут меньше дурней днём ошивается.

Голова болела, и тяжесть давила тело. Тревога стальной рукой держала за сердце: кого именно ищут дружинники? А ну, как собаки взяли след... или заказчик сдал Быка... или кто ещё вышел на них... До вечера Волк маялся на чердаке, не желая выходить на свет, и тщетно пытался забыться во сне.

На закате с улицы послышался знакомый свист. Волк хоть и ждал его, так и не поспел за Птахом. Тот поджидал у ворот корчмы.

Птах молча петлял по улочкам, точно путая следы. Уже стемнело, когда он забрёл в безлюдный переулок. В тупике возвышался густым лесом заброшенный сад. Меж разросшихся яблонь и вишен доживал своё старый покосившийся дом. Дверь его была приоткрыта и прижата скособоченным крыльцом.

В нос ударил запах сырости и плесени.

– Сюда, – поманил внутрь Птах.

Крыша дома съехала, подгнившие стены просели, а половицы жалобно скрипели под ногами. Птах скользнул во вторую комнату и поднял половицу:

– Давай в подпол.

Волк растерянно огляделся: а ну, как запрут его здесь, и сдадут князю. Он осторожно нащупал рукоять поясного ножа:

– А наш дерзкий Щенок на деле-то не такой и храбрый оказался, – выглядывая из подпола, заржал Косой.

Вниз вела крепкая лестница, не иначе ворованная. Влаксан медленно, как на охоте, спустился вниз. Под домом был вырыт глубокий земляной подвал, размером с небольшую

клеть. Птах устроился прямо на лестнице, точно петух на жерди. Косой сидел в углу на плоском тюфяке. Волк опустился на пол около Птаха: если и начнётся заварушка, главное – не дать Птахе забраться наверх. На земле он немощен, как младенец, а Косой один не воин.

– Добро пожаловать в гости, итить его! – захохотал Косой. Влаксан молча кивнул.

– Молодец, Щенок. Не ожидал от тебя такой прыти. Теперь вот так, – развёл руками Косой, – здесь нас вряд ли кто услышит, коль не орать, аки анцибал. Но шибко тут не поживёшь: найдут – точно за задницу схватят. А там Бронии-мир разбираться-то не станет, решит, что заговорщики и поминай. К Быку нонче тоже не подобраться. Он и Инг снаружи, Птах на посылках. В слободах конные рыщут, заходили в каждый дом, – произнёс Косой, и, неожиданно повеселев, погрозил Волку пальцем, – Ты был прав, Щенок! Действительно искали скомороха в маске кабана, который хорошо с ножом управляется.

– Так это был каба-ан, – протянул Волк.

– Чавой? – не понял Косой.

– Ты даже не разглядел, кем вырядился? – засмеялся Птах.

– Больно оно было надо.

– Молодец, Щенок. Молодец! – покачал головой Косой, – я-то правда не ожидал, особенно, когда баба тебя поймала. Думал всё – пропало дело. Ни княжонка не видать, ни тебя уже. А ты ловко выкрутился. Не дрогнул!

Птах странно кудрахнул. Косой продолжал веселиться:

– Вот, Духи видят, едрить его! Был уверен, что ты только кур резал раньше! Одно дело – охранником кому наняться, да коль придётся шугануть воров, другое – вот так вот...

– Хорош, – перебил Волк.

– Эх! – покачал головой Косой. – А имя-то ему какое дали чудное! На твоё похожее Граксан, Грисан...

– Градсан, – поправил Волк, закрывая глаза. Меньше всего хотелось думать, что Духи уже приняли княжича, и теперь придётся отвечать перед ними.

– Колдун говорил, это на языке гор.

– Да, – кивнул Влаксан, – На языке гор – это «Защищающий Сын» или «Сын Защитника», как сказал Брониимир.

– Что же, выходит, ты с Награя? Тоже будешь чей-то сын по имени? – спросил Косой.

– Влаксан, на языке гор – «Волчий Сын».

– Вот так да! Это ты не Щенок! Ты Волчонок? – засмеялся Птах, – то-то тебя корчмарь Волком кличет. Я думал, ты так называешься, потому что тебе Щенок не любо, а оно вон как...

– Что там князь? – перебил его Волк, – Уже на казнил кого?

– Ага – радостно подхватил Косой, – воеводу своего, что пожар да мелкого проглядел. Колдуна одного... Сидят теперь на шестах над кострищем, в обе стороны глядят. На псаря он тоже зол. Не берут след, хоть ты тресни.

– Как они его возьмут? – дёрнул плечом Волк. – Там всё костром прожжено и затоптано ... да и я будто не знаю, как собак со следа сбить.

Если Косой и Птах действительно поверят, что у него всё под контролем, то может и обойдётся.

– Псарь каждый день гоняет свору вдоль берега, князь велит. Я сам видал – поделился Птах, – И княгине достаётся. Она аж почернела с горя. Князь её лущует. Ходит, лицо завесила прозрачным покрывалом, говорит, по сыну убивается, а на самом деле – синяки прячет.

– Ты-то откуда знаешь? – безучастно спросил Влаксан.

– Мне ли не знать? Сам видел! Хочешь, тебя свожу – поглядишь, – хмыкнул Птах.

– А чавой же? И я бы глянул, – хохотнул Косой.

– Куда тебе? Ты ловкий, как бревно! Такому в жизни не подлезть, а Щенок вполне управится.

– Упаси. Я бы поодаль от княжьих хором гулял, – отмахнулся Влаксан. – Что по делу?

– Ничего. Золото пока лучше придержать и сидеть тихонько. С города нос не совать, по дорогам больно не носиться. Князь не дремлет, ищет и ждёт, когда похитители себя выдадут.

– А малец где?

– Бык его тут же и передал, – кивнул Птах, – Быстро обернулся, так что обошлось. Теперь от нас зависит, как дальше обернётся. Главное, чтоб глупостей никто не наделал.

– Каждый день нам в пользу, – согласился Косой. – Пока у них ничего. Я жеж вокруг дворца ходил, слышал, как князь бесится. Гонцы пустые приезжают. Колдун награйский шибко зол, ждёт, когда его отпустит Брониимир. Кричал, что ноги его не будет в этом проклятом городе, едва ворота откроют. Он уверен, что холодные ведьмы бесчинствуют в Грате.

– Не думал, что кто-то всерьёз верит в эти байки, – кисло улыбнулся Волк.

– Да, не боись ты, Щенок! – Косой положил руку на плечо Влаксану, – не первый раз на нечистое дело идём. Такое серьёзное – оно, конечно, впервой, но что же мы не знаем, как затаиться? Обойдётся. Ты главное – живи, как жил, – Косой крепко сжал ему плечо, – не озоруй, и будет ладно.

Влаксан не ответил. Раньше он не задумывался о доверии, но теперь понял, что не шибко-то хотел, чтоб его жизнь зависела от таких людей, как Птах или Косой.

С утра Волк наведалься к кожевнику. Крепкий седой мужик вышел из лавки, быстро глянул на него, и утёр пот со лба, пошёл в мастерскую:

– Что? И у тебя в заварушке сапоги подрезали?

– И у меня? – удивился Волк.

– Думал, только княжича под шумок упёрли? Много сейчас ко мне приходят. Всё кошельки и сапоги заказывают. Пройдись по перекупщикам, может, там чего своего найдёшь, – кожевник достал из-под стола ящик и стал в нём шумно рыться.

Волк пропустил мимо ушей совет:

– Что по сапогам?

Готовых нет, дёрнул плечом мужик.

– Готовых нет. Раскупили. Пошью за три дня.

Получив плату, кожевник приложил колодку к стопе Волка, и бросил её в ящик:

– Приходи через три дня.

– Мне бы ещё полукафтан без рукавов, и чтоб под горло, – Волк указал на шею.

– Есть охотничьи, с рукавом и без. Вон, погляди в том углу, – махнул в тень кожевник, усаживаясь за стол.

Влаксан обернулся и заметил у стены сваленные в кучу

разные кожаные кафтаны, полукафтаны и пояса.

– После праздника все как с ума посходили! Сапоги подавай да мелочь всякую... рукавицы, кошельки... на охотничье и раньше спрос был не велик, а после закрытия ворот и вовсе хоть пропадай.

– Я возьму этот, – указал на понравившуюся безрукавку Волк.

– Хорошо. Два серебряных.

– Сколько? – поперхнулся Влаксан, – сам говоришь, никто не берёт.

– Он без тебя два года лежал, полежит и ещё два. Мне не мешает. А там, глядишь, Брониимир и разрешит охоту, будет и спрос, продам и за три...

Кожевник говорил тихо и невозмутимо, не отрываясь от работы.

Волк выложил два серебряных и быстро надел жилет. Двигаться в таком наряде стало сложнее, но и проткнуть его не просто. Косому придётся не мало изловчиться, чтоб попасть под ворот, а незаметно пробить кожу силёнок у него не хватит. Отец надевал такую безрукавку на охоту, чтоб в запале зверь не подрал шею.

По главной улице, позванивая бубенцами, проехала княжья повозка. В этот раз она не была укрыта пологом, и в открытой телеге среди цветов, тёмными истуканами сидели княгиня и её девки. Все в чёрном, лицо княгини закрыто полупрозрачным покрывалом. Городские ворота отворились и

тут же снова затворились, едва выпустив княгиню.

– Поехала по сыну убиваться, – пробурчал уличный попрошайка.

– По сыну? – переспросил Влаксан.

Вдруг бедняк знает, чего интересного.

– Каждый день ездит. Цветы возит, рыдает. Только для ней князь повелел ворота открывать.

– А что ж псарю?

– Так, не гоняет уже. Вчера под стражу взяли, – почесал грудь попрошайка.

Влаксан удивлённо уставился на мужика. Вот так так! И как же это Косой да Птах вчера недоглядели.

– Зуб даю! – мужик щёлкнул ногтем по гнилому зубу, – глядишь, скоро ещё одного на кол посадит!

Волк внимательно смотрел на мужика: не поймёшь, сколько ему лет, ободранный, весь в пыли и размытых пятнах, спутанная грязная борода и волосы. Он точно на улице уже давно, и ему ничуть не жаль людей. Глаза мужика горели любопытством, когда он говорил о казни.

Бросив ему медяк, Волк побрёл к лубочникам. Надо бы хоть лапти найти пока, да придумать, чем занять себя днём, покуда город закрыт. Благо для вечеров есть кабаки, корчмы и весёлые дома.

Весь день Волк шатался по улицам, в Торговый конец вернулся только к вечеру. В обеденной уже собрались любители подгулять. Даже музыканты, пришедшие к празднику, и за-

пертые теперь в Грате. Один успел сложить песню про горе князя. Он так славно выводил:

«Ах! Занялся пожар,
Горит всё кругом –
Кабан обокрал княжий дом!»

Песня тянулась долго и путано, заканчивалась горем безутешной красавицы-княжны. Девки облепили гусяра, вздыхая о печальной истории.

– Грустная песня, – закатила глаза крупная девка, усаживаясь рядом с Волком.

– Праздник был ещё грустнее, – ответил Влаксан.

– Это у тебя невесту задавили?

Волк закашлялся и удивлённо уставился на девку.

– Мне твой друг сказал, – показала в сторону девка.

Волк обернулся: Любомир радостно махал ему рукой. Огромный синяк растёкся в половину его лица. Волк хмуро кивнул Любомиру, кажется, с таким болтливым «другом» придётся осторожнее коротать время.

– Ему знатно досталось, – вздохнула девушка. – А ты красивый.

– Ты тоже хороша, – вскользь глянув на девку, привычно ответил Влаксан.

– Меня Гулькой звать. Жаль, что праздник так обернулся. Я думала, найду жениха, – вздохнула девка.

Волк снова подавился. Вот так заявление! Даже пиво поперёк горла встало. Девка озабоченно глянула ему в глаза:

– Болееешь?

Влаксан покачал головой:

– Не думал, что девушки, коротающие вечера в корчме, ищут женихов.

– Чем же я хуже других? – искренне удивилась Гулька.

Волк молча подвинул ей кружку.

– Благодарю, – улыбнулась девка и уставилась на него, – ты бы женился на мне?

– Конечно, – натянуто улыбнулся Волк, – но... я только что потерял невесту...

– Понимаю, – она поджала губы, – А ты Волк?

Влаксан снова бросил сердитый взгляд на Любомира.

– Мне пора, – обратился он к девке и побрёл к себе на чердак.

Любомир оказался опасно болтлив. Пора менять чердак. В городе немало постоянных дворов. Вот только, если князь выйдет на Любомира, тот и без того выдаст всё, что знает.

Пойти бы сейчас в Охотничью слободу, купить лук да стрелы, пару ножей, коня и мчаться подальше от постылого Брониимира и Граты.

Да такой побег сразу привлечёт князя, и Бык бросится вдогонку. Ведь теперь и сам он так же опасен для банды. Почему же только сейчас пришли эти мысли? Странно, когда обсуждали задание, даже в мыслях не было, как будет лютовать Брониимир или что случится, ежели схватят одного из банды и станут пытаться. Хорошо, коли Птах и правда окажется-

ся рядом, да окажет милость ножом в горло. Не очень хотелось бы, чтоб это случилось за зря.

Забыться удалось только к рассвету. Разбудил настойчивый колокольный звон.

Волк вышел на улицу, солнце уже перекаатилось за полдень. Люди, побросав дела, пошли к главной площади. Кто-то спешно закрывал лавки и бежал за толпой; кто-то растерянно озирался и нерешительно плёлся по улицам.

Княжий мужик что было сил звонил в колокол. Люди потоком шли по улицам, всё прибывая и прибывая. На площадь выкатили большую ровную телегу с лестницей. На ней сидел князь на троне, возвышаясь над собравшимися. Княгиня стояла возле мужа, склонив голову. Светлое покрывало густым туманом спускалось с расшитого кокошника, полностью окутывая её.

Старый псарь стоял на коленях возле князя: высокий пожилой мужик, с растрёпанными короткими волосами и жидкой бородой. Вместо рубахи, на него накинута ободранная пыльная мешковина, руки скручены за спиной.

Дождавшись, когда слуга перестанет бить в колокол, Брониимир обвёл взглядом толпу, и, порешив, что народу достаточно, громко спросил:

– Где мой сын?

– Я не знаю, – тихо отозвался псарь.

– Громче. – потребовал Брониимир. – Отвечай!

– Я не знаю! – крикнул псарь, – Псы не берут след!

– Почему твои выученные псы не берут след? Что же, скажешь, холодная ведьма унесла?

Псарь опустился на пятки, сжался, словно стараясь со всем провалиться на месте, но отвечал громко, как требовал князь:

– Не знаю. Вор следы запутал... слишком много разных следов... не разобрать... может, он водой ушёл.

– Ты хочешь сказать, следы похитителя в воде? На дне Гратки?

Псарь крупно задрожал.

– Отвечай, – велел Брониимир.

– Я не знаю! – прокричал псарь.

– Так стоит это проверить. Если твои псы не могут найти след в воде, отправляйся сам и поищи!

– Нет! Нет... – взмолился псарь.

Князь задрал голову и сощурил глаза:

– Говорят, смерть в воде и земле закрывает для людей Чертоги Вечности.

– Нет, прошу, – поднял голову псарь.

– Нет? Ты хочешь с воеводой, посмотреть сверху, может, оттуда видать следы?

Псарь смолк и сел сложился, склонив голову к коленям.

– Привяжите его к телеге, путь идёт, разведывает дно! – приказал князь.

Слуги быстро стащили псаря и привязали за руки к

небольшой телеге. Один мужик шёл впереди, расчищая дорогу, следом медленно двинулась кобылка, тянущая телегу и осуждённого. Псарь шёл молча, опустив голову, не рыдал и не молил о пощаде. Он сам выбрал лёгкую бесчестную смерть.

Слуга расталкивал народ:

– С дороги!

Псарь изредка затравленно озирался, скользил затравленным взглядом по лицам людей, на мгновение он уставился на Волка и снова опустил глаза.

– Чего, Щенок, боязно? – прошуршал знакомый голос.

Волк оглянулся и увидел рядом с собой Косого. Он не удивлялся слежке, больше насторожило бы, коли подельники при этом не выдавали себя.

– С чего взял? – спросил Влаксан.

– Да, вижу, приделся, – усмехнулся Косой.

Удар в колокол снова привлёк толпу.

– Что ж... Коль ушёл наш псарь искать следы на дне реки, – проговорил князь, – Теперь княжья псарня осиротела... Может, кто из моего славного города желает занять его место? Есть ли, кто понимает в этом деле? – спросил Бронимир.

– Я!

Решение было мгновенным. Раз не выходит залечь на дно или бежать, нужно прятаться на виду. Если Любомир продолжит трепать языком, то скоро Волка будут узнавать на

каждой улице. Косой и Птах неустанно следят за ним, князь продолжает обшаривать каждый угол в городе, кроме своего двора.

– Чавой?! – заорал Косой.

– Я хочу быть княжым псарём! – прокричал Волк ещё раз.

– Кто это сказал? – наклонился вперёд князь. Его воодушевил доброволец. Никто не ожидал, что кто-то по своей воле пойдёт к Брониимиру.

– Сдурел что ли, Щенок? – ударил его в плечо Косой.

Волк распахивал людей, стараясь добраться до княжей телеги. Косой что было сил тянул его назад.

– Разойдитесь же вы! – прокричал князь, – пустите человека. Что ж, как дурни, стоите?

Толпа расступилась, Косой отпустил его, быстро скрываясь за спинами гратичей. Волк вышел к телеге, поправляя кожаный ворот: кто знает, откуда глядит Птах.

– Назовись. Кто ты? Откуда? – велел Брониимир.

– Моё имя Влаксан, я из Нагряя.

– Замечательно, Влаксан. Что же? Ты умеешь натаскивать псов?

– Да. Мой отец был охотник, выучил меня сему делу.

– Что ж... Волчий Сын из Нагряя, вставай к моим людям, будешь княжым псарём.

Толпа затихла. А что дальше... Плевать, что дальше. Главное, что ни Косой, ни Птах, ни Бык не решатся напасть

на людей княжьего двора.

Волка проводили ко двору. К удивлению, прежде его повели в баню для черни, а уж после выдали кнут и ключи от клеток.

Псарня при дворе нехитрая: большой выгул, сарай да клетка в углу, под навесом от непогоды.

Ключник зло глянул на Волка:

– Гляди, не вздумай соваться никуда с Чёрного двора. Увижу, что по княжескому саду или ещё где шарисься – плетей отведает! Спать приберйся в черновой избе, где-нибудь. И гляди, чтоб на псарне порядок был. Не то князь сердает.

Княжеская свора оказалась добро натаскана: точно дикие, готовы кинуться на чужака, но кнут псы знали хорошо, и сразу послушно жались к стене.

Солнце уже закатилось, когда Волк закончил с первым днём. Вроде нехитро: покормить свору, да прибрать за ней загон. А первый раз оказалось не таким и простым занятием.

Волк забрался на крышу загона. Между сараев нашлась чудесная тёмная ниша, как раз для него. Стоило только вытянуться на колкой соломе, как по крышам зашуршали знакомые лёгкие шаги. Птах притаился под чердаком черновой избы:

– Бык в бешенстве! – зашипел он, – если ты что-то удумал, Щенок, то будь добр объявить нам. Ты подставляешь всех нас!

– Нас? – лениво спросил Влаксан.

– Да! Нас всех.

– Я больше не с вами. Передай это Быку.

– Что? – пискнул Птах, – Совесть заела? Так сразу бы и жался к стенке, как Инг! Прикидывался гоголем! Прав был Косой...

Волк схватил Птаха за ногу и сдёрнул к себе, вынимая поясной нож:

– Теперь слушай меня ты, – прижимая приятеля к стене, прошипел он. – Ещё раз вздумаешь угрожать – я с тебя шкуру сниму, вот этим вот ножом, – провёл лезвием по шее Птаха Влаксан. – Я понятно объяснил?

– А коли я тебе сейчас в сердце нож воткну? – пропищал Птах.

– Тогда вы даже сбежать не успеете. Думаешь, князь оставит это? У него украли сына, а теперь в его дворе слуг режут. Он носом землю рыть заставит, пока каждого из вас не найдёт, и тогда ты очень пожалеешь, что не я тебе горло вскрыл. Понял, умник?

Птах кивнул.

– Свободен, – вытянулся на крыше Волк.

Птах тихо верещал, бегал кругами, по крыше, но на угрозы переходить не решался. Поняв, что Волк его и вовсе перестал слушать, смирился и ушёл.

В княжьем саду покоилась безмятежная тишина. Когда княгиня выходила на прогулку, оттуда доносились звуки музыки и нежные напевы гуслиаров, девичий смех или пение княжских девок, в остальное время только ветер шуршал листвой.

То ли дело Чёрный двор. Здесь кипела жизнь.

На Чёрном дворе жизнь неслась, что горный ключ: ещё до рассвета бабы выходили к колодцу. Дети бежали кормить птицу, кто постарше торопились к хлевам, чтоб вывести скотину. Чуть позже, отзавтракав, разбредались по мастерским мужики. Молоты и топоры заполняли звоном утро, босоногие дети суетливо носились через весь двор, на посылках у старших. Чёрные девки то и дело бегали за водой, дровами, хворостом, посудой или в погреба.

У колодца стояла небольшая скамья и стол, под которым прорыли сточную канаву. Здесь мыли посуду и тут же, на столе застирывали детскую одежду. С кухни над двором стелился ароматный сизый дым.

Иногда через двор проходили и городские дружинники. В отличие от постоянной теремной дружины, они не носили красные кафтаны, но одеты все были справно, не оборванцы. Одни важно задирали носы, другие весело приветствовали детишек, останавливались, чтоб перекинуться с ними парой

слов, были и такие, что по пути умудрялись позаигрывать с какой-нибудь молодичкой. Дружинников при дворе уважали и любили. Девки предлагали им свои нехитрые угощения, а дети радостно бежали встречать их у ворот и провожали к оружейному двору.

Всё смолкло неожиданно. Волк даже не сообразил, отчего все притаились. Двор точно замер: дети быстро загнали птицу прямо в избы и попрятались сами. Затихали песни, брань и смех. На Чёрное крыльцо вышел Брониимир и застыл, облокотившись на высокие деревянные перила. Он не сводил взгляда с Чёрных ворот. Волк прекратил мести и приник к стене.

Ворота шумно отворились, и трое мужиков завели молодую ухоженную кобылку, запряжённую в небольшую телегу. Брониимир оживился, когда лошадушка замерла возле крыльца. Мужики ворочили в телеге мокрый свёрток.

Князь удовлетворённо кивнул и, бегло глянув на двор, рукой подозвал Волка:

– Псать, поди сюда.

Волк отставил метлу и подошёл к крыльцу.

– Да, князь, – отвесил сердечный поклон.

– Видел ли ты, псать, что бывает, если послушаться князя? – тихо спросил Брониимир.

– Да, государь.

– Надеюсь, ты оправдаешь оказанную честь, – кивнул Бро-

ниимир. – Однако я хочу, чтоб ты лучше усвоил, что ждёт тебя, если вздумаешь перечить. Видишь вон ту рогатину?

Князь указал на крупный раздвоенный столб, который мужики заваливали на телегу.

– Да.

– Сейчас мои люди воткнут её на площади, и ты привяжешь к ней псаря, что не смог найти моего сына. Пусть повисит там, пока не найдётся княжич! Заодно и другим наука, что я сделаю с каждым, кого заподозрю в заговоре.

– Ступай же, – велел Брониимир.

Волк забрался в телегу. Слуги, уже на ходу, запрыгнули следом и, точно бревно, отталкивали от себя ногами замотанного в тряпье покойника.

Звонко стуча подковами, кобылка потрусила к площади. Покойник лежал у самых ног, под ним уже натекла смрадная лужа. Видать, много воды набрал в себя утопленник. Волк отпихнул мертвеца босой ногой и сел ближе к краю.

– Что, псарь, не любо тебе с покойным предшественником в телеге кататься?

– Да кому охота-то будет? – проворчал один из слуг, тот, что моложе, примерно ровесник Волку, рыжий, как солома, и рябой. Второй, старый с белой бородой и плешью на макушке.

Молодой добродушно улыбался, глядя на Волка:

– Ничего! Сейчас управимся и в баньку.

– Ага. Прямо быстро так и управимся, – проворчал ста-

рик. – Коль духи благоволят, к закату воротимся.

– Ты главное споро делай, быстрее и ко двору поедем, – улыбнулся Рыжий. – Тебя как звать-то, псарь? Я Тишка, а это – батя мой, Гером.

– Зовите Волком.

– Эх! Вот имя-то! Бать, слышал? Вот как сына надо называть! А то Тишка...

– Ты отца-то не учи! – рывкнул Гером, отвешивая сыну звонкий подзатыльник. Тишка замолчал, и только глаза его задорно блестели, выдавая сдерживаемый смех.

На площади Тишка и Гером быстро вбили в землю рогатину и приколотили опоры.

– Твой черёд, псарь, – разматывая тряпьё, объявил старик.

Волк глянул на покойника: тело его разбухло, в волосах и бороде застряла тина, кожа стала сине-серой, и смрадный дух разложения окутал мёртвого.

Дышать стало тяжело. Влаксан закашлялся, борясь с подступающей рвотой.

– А ты думал, пышки жрать нанялся? – сострадающе протянул Гером.

– Держи верёвку, – Тишка кинул моток конопляной верёвки, – лучше не мнись, он сам-то на рогатину не заберётся.

На шее, запястьях и щиколотках покойного остались тугие верёвки, за них Волк и оттащил тело к рогатине. А вот подвесить оказалось куда сложнее. Казнённый псарь при жизни-то был не мал, а расслабленный, набравший в себя

воды, стал неподъёмный. Покойник то и дело падал, приходилось брать его скользкое набухшее тело под руки и подтаскивать к рогатине. Из него постоянно сочилась мерзкая жижа, воняющая тиной и гнилью.

– Может, подмогнёте? – устав от бесконечных пустых попыток, спросил Волк мужиков, наблюдавших с телеги.

– Не велено. Князь строго указал, что делать должен ты один, – подал плечами Тишка. – Поди, глядит со стены, да радуется. Мне до плетей охоты мало.

– Мать! – выругался Волк, привязывая верёвку к покойнику.

Насилу затащив утопленника на рогатину, кое-как закрепил его, моля духов, чтоб верёвка не лопнула. Слизь и вода не давали нормально затянуть узлы, то и дело выскользывая из рук и петель.

Наконец, Волк обессиленно сел у рогатины. Взмокший, уставший, в грязной одежде, пропитавшийся вонючей жижей и потом, он уже не замечал смрада, сидел в луже, прижавшись к столбу, и утирал грязным рукавом лоб. Солнце закатилось, а Тишка с отцом тихо дремали, сидя в телеге. Покойник, точно пугало, высился над головой.

– Эй, парень. Закончил, что ли? – проснулся возница.

– Да. Поехали ко двору, – махнул, поднимаясь Волк.

Волк завалился в телегу, на то место, где лежал по пути к площади мертвец. Тишка уже не рвался поговорить. Они с отцом сели поодаль, брезгливо поджав ноги под лавку.

Князь встречал их на том же месте. Он не обратил внимания на Волка, подзвав сопровождавших его мужиков.

Шустрая девчушка проводила его в баню, забрала одежду, натаскала воды, и даже начала приставать с вопросами, но Влаксан так и не смог понять, что она хочет. Всё ещё было тошно. Никак не удавалось смыть с себя мертвецкий дух.

Дни походили один на другой: спать либо в сарае, либо в псарне, пока лето позволяет. За едой в чёрную кухню, и знай себе – собак доглядывай, чтоб не хворали, да чтоб никто из детворы шутки ради не забрался в загон, особенно, когда псы на выгуле.

На сон чернь уходила рано, детвора освобождала двор ещё к закату, и в час луны можно было слышать только, как тихо бранится княжеская повариха, да лениво ходит по дворцовым стенам стража. Иной раз кто из молодцев, притаясь, бежал к девкам. Наверху же, над стеной, на третьем и четвёртом этаже, в окнах княжеского терема, долго горели свечи, иной раз не гасли до утра. С псарни было видно, как пляшет слабый оранжевый отблеск свечи.

Поди, князь обдумывает, где сыскать похитителей. А ну, как духи укажут ему?

Волк прислушался: дружинник на стене прошёл в сторону Красного двора и не возвращался, а сторож на воротах уже с полчасика тихонько храпит, прижавшись к стене.

Быстро вскочив на крышу сарая, Волк замер. Видно, стража, что дежурит на стенах, собралась где-то кучей и чешет языками. Город закрыт, кто же полезет в терем? Все, кому надо, давно уже тут.

Волк быстро забрался на лемеховую крышу, над стеной,

и тихо побрёл вокруг терема. С детства отец хвалил его за тихую поступь и ловкость. «Хороший охотник – беззвучный и неприметный», – всегда повторял отец, собирая сына с собой на охоту.

Птах говорил, что где-то здесь можно подлезть к окнам, да узнать, что же князь удумал.

Посреди Княжьего сада раскинул косматые лапы большой родовой дуб гратских князей. Говорят, духи, благословляя княжий род, велят сажать дерево, и покуда оно будет стоять и процветать – род тот не переведётся.

Волк тихо перебрался на дуб. Он приник к грубому толстому стволу, полез вверх. Третий этаж оказался бабским. Небольшая комната, в одно окно, тускло освещалась единственной свечой. В углу дремала молодая девка, а у мерцающей свечи сидела старушка и с закрытыми глазами что-то вязала. Возле пустой люльки сидела женщина. Она была отвёрнута, так что лица не разобрать. Этажом выше располагалась княжеская опочивальня.

Огромная резная кровать под пологом. В углу, на возвышении сидел на стуле Брониимир, перед ним – стол и богатый сундук. На столе сразу три свечи.

Князь сурово хмурил брови и внимательно вслушивался в тишину.

В окне появился наградский колдун, подошёл к столу и тихо заговорил:

– Духи не слуги человеку, ни колдуну, ни князю. Тебе дав-

но стоит с этим смириться.

– Я велю тебе узнать у своих Духов! Они точно знают! – ударил по столу Брониимир.

– Если бы они могли указать мне преступника, я бы давно его тебе привёл. Не потому, что ты так велишь, а потому что мой долг – подчиняться воле Духов, – невозмутимо ответил колдун. – Ты сам заслужил это наказание. Ты попрал Высшую Волю! Нам завещано было свыше, что князь живёт для народа, а не народ для князя. Духи злы на тебя, и проклинают твой род за злодеяния.

– Не забывай, с кем говоришь, колдун! – ударил по столу Брониимир.

– О! Это я прекрасно помню, – возразил Мудромысл, расхаживая по комнате. – Я был бы рад забыть, кто такой Брониимир Даромирович Награйский. Твой отец был прав, отослав тебя из Награя. Духи проклянут твоё княжение и княжество.

– Отец меня не отсылал, он повелел мне править славным городом Гратой! Править так, как будет угодно мне и только. Если твои духи молчат, ты – скоморох, а не колдун! Тебя стоит на праздниках выставлять, чтоб там ты свои фокусы с огнём за медяки показывал!

– Ты держишь меня пленником в твоём городе, угрожаешь мне и велишь подчинить Духов. Насколько низко ещё ты сможешь пасть? Погляди на себя, Брониимир. Ты – чудовище!

– Конечно, куда мне до излюбленного вами Любослава. Духи нарекли его наследным правителем Награя. Обласканного и изнеженного, словно баба, юнца!

– Прекрати оскорблять моего князя, – поднял руку колдун.

Брониимир открыл было рот, желая выплюнуть ещё какую-то гадость про брата и его княжество, но, вместо этого, страшно выпучил глаза и схватился за шею. Он непонимающе указывал руками на своё лицо и шею, словно невидимая рука душила его, и он пытался сказать об этом колдуну.

Мудромысл опустил руку:

– Прошу, князь, подбирай слова, когда говоришь со мной.

– Иди, – пропыхтел Брониимир.

– Что? – переспросил колдун.

– Иди! – закричал Брониимир, – Вон отсюда, колдун!

Князь ударил по столу кулаком, так что одна свеча повалилась на пол и погасла.

Мудромысл кивнул и пошёл к двери.

– Хоть бы черти забрали, ваше колдовское племя! – выругался Брониимир, поднимаясь со своего стула.

Он зло пнул свечу и зашагал к окну. Волк быстро перевернулся вокруг ветки, и тихо соскользнул на ветвь ниже.

Что ж... всё гораздо лучше, чем казалось раньше. Глядишь, и удастся отлично пережить княжий гнев в псарне.

Со стены послышались тихие шаги. Волк прижался к дереву, негоже, чтоб дружина его здесь заметила. В девичьем

окне всё так же тускло горела свеча.

– Что князь? Не придёт сегодня? – не открывая глаз, спросила старуха.

Женщина, что сидела у люльки, всхлипнула, прижимая ладони к лицу.

– Не шуми, – всё так же произнесла старуха. – Неужто позабыла, что замужем?

– Вот, не поверишь, нянечка. Иной раз нет-нет, да и позабудется, – женщина поднялась, и Волк узнал в ней княгиню.

– Худо это. А коли ты так князю вскрикнешь?

Княгиня опустила глаза и густо покраснела. Она украдкой глянула в сторону двери.

– Ну-ну! – покачала головой старушка, – хорош тут сырость разводиться! Три года замужем, пора уже привыкнуть. Поди умойся, да нарядись. Угодишь князю, будет мил к тебе. Он сейчас часто будет захаживать, покуда наследника ему не родишь.

Княгиня поднялась и поспешила в угол комнаты, уставленный сундуками.

Громко стукнула дверь.

– Ты готова, жена? – прорычал Бронимир, входя в комнату.

– Я? – растерянно обернулась княгиня, но тут же опомнилась и быстро закивала, – да-да.

Князь смотрел сурово и выжидательно:

– Раз готова, почему стоишь в углу?

– Только хотела принарядиться... Украшения... – замялась княгиня.

– Ты должна быть уже готова. Или предлагаешь мне самому тебя наряжать и, как дитя, за руку водить всё время? – рывкнул Брониимир и ушёл.

– Да, то есть, нет. Я поняла, – княгиня крупно задрожала, и обречённо побрела за мужем в княжеские покои.

Волк выглянул из-за ствола, на дворцовую стену. Сторожа не видать, но шаги его ещё гулко стучат в темноте. Волк вытянулся на ветке. Из княжих покоев был слышен шум, пара гулких ударов, и тихий крик княгини, который резко оборвался.

Брониимира вернулась скоро. Она рухнула на лавку, возле старухи, и залилась слезами. Платье на спине было разорвано от ворота до пояса, и тёмные полосы и пятна наливались на обнажённой спине.

Ветвь над головой Волка крупно задрожала, и довольный Птах свесился вниз головой:

– Ох. Поучил он её разуму. Вздумала перечить баба.

– М-м-м... – безучастно протянул Влаксан.

– Не умно это. Порой мне кажется, что бабы по жизни – дурачье. Ведь колотил её уже не раз, и нет! Всё ей перечить надо. А теперь рыдает.

– Ты что здесь забыл? – прошептал Волк.

– А тоже, что и ты. Охота поглядеть, как князь бабу свою любит. Да, заодно и разузнать, что ему колдун сказал, как он

с воеводой решает вора искать. А ты что же? Не вытерпел? Тоже по окнам глядеть пошёл.

– Что узнал? – спросил Волк.

– А ничего больше. Всё так же. Нет у князя зацепок. Так что, всё будет тихо да гладко, коли ты ещё чего не наворишь.

– За меня не бойся, – прошипел Влаксан, тихо спускаясь на ветку ниже, и направился к стене.

Он беззвучно пробежал по крыше к псарне, подальше от Птаха. Пожалуй, сегодня лучше ночевать в сарае.

Колодезный ворот тихо поскрипывал, поднимая ведро. Волк крутил ручку, украдкой поглядывая через распахнутые ворота на резвящихся в Княжьем саду девок. Они заливались беззаботным смехом, играя с котятами и клубками. Княгиня понемногу отходила от горя, и тоже нежно улыбалась, глядя на пушистых малышей и своих девчонок. Она и сама казалась совсем ребёнком, напуганным и нежным.

Уже пару месяцев Волк ухаживал за княжьей сворой. Жизнь при дворе оказалась спокойнее, чем в корчме, где всё зависело от длинного языка Любомира и настроения Косого с Птахом. При дворе же главное не высовываться с псарни и не показываться лишней раз князю. Брониимир хоть и открыл город, но зло на людей затаил. Взял за правило: каждый день выезжать с обзором, как в юности.

Волк зашёл в загон, отсыпал из мешка в корыто сухих хлебных корок и залил это водой. Оглушающий лай заполнил двор.

– Заприметили кормёжку? – обратился к собакам Волк, подходя к клетки.

На чёрный двор вбежали две княжьи девчонки.

– Кис-кис-кис, – наперебой звали они.

Под ногами послышался тонкий писк: рыжий облезлый комок шерсти проскользнул в загон.

Влаксан поднял котёнка. Махнул рукой, подзывая одну из девчушек:

– Следите за зверьём, – мягко сказал он, протягивая сквозь решётку котёнка, – князь на охоту собирается, псы пятый день впроголодь, для них сейчас эти мальцы – лакомство на один зубок.

– Благодарю, – улыбнулась девка, явно не торопясь уходить. Помявшись, она добавила, – А правда, что ты не позволяешь никому кормить псов?

– Верно.

– Что ж, не боязно тебе с голодными зверьями в одном загоне сидеть? – спросила девка, радостно улыбаясь.

– Меня не тронут. Они знают, что я их кормлю, и знают, что могу плетей всыпать, – пояснил Волк и нерешительно добавил, – но ежели князь ещё день помедлит с охотой, то уже и я их не удержу. Иди уже, им жрать пора.

Едва Волк открыл задвижку на клетки, псы, толкаясь и возбуждённо лая, бросились к корыту. Девки, вереща, побежали обратно в Княжий сад.

Из дома, спотыкаясь, вылетел слуга:

– Псарь, княгиню видел? – спросил тот, пробегая мимо. Волк молча махнул рукой за терем, в сторону распахнутых ворот.

Следом вышел ключник и, бросив недовольный взгляд в сторону псарни, пробежал к конюшням. Видно, Брониимир куда собрался, раз все так забегали.

Двор затаился, только слышно было, как псы громко лакают из корыта, огрызаясь за каждый кусок. Только когда за дворцовой стеной прозвенели бубенцы княжьей повозки, из изб показались дети. Снова застучали инструменты, и девчата обступили колодец.

Только за полночь тихо со стороны красных ворот послышался топот копыт и приглушённые голоса. В тишине ночи было отчётливо слышно, как ключник раздаёт указы.

Волк уже прибрал загон, ещё раз проверил поводки и кнуты для охоты. Коли повезёт, Брониимир завтра соберётся на охоту и перестанет мучить свору. Он огляделся: серп луны светил так, что было видно лучше, чем при фонарях, псы тихо спали в клетки. Только далекий крик совы да тихая брань разбуженных на красном дворе слуг изредка нарушали тишину.

Да уж... княжий псарь... уходя искать лучшей жизни, он и подумать не мог, что докатится до княжьего двора, и уж тем более, что будет прислуживать постылому Брониимиру.

Едва слышно скрипнула дверь терема, и тихие женские шаги зашуршали по земле. Волк поднял упавшую метлу, поставил её в угол и пошёл к сараю. Уж очень не хотелось портить ночь пустой болтовнёй с княжьими служанками.

– Что, псарь, не спится? – раздался за спиной тихий женский голос.

Влаксан редко слышал его, но не спутал бы ни с кем. Он обернулся: возле загона стояла княгиня, кутаясь в тончай-

шее светлое покрывало. В простой сорочке и без украшений, она казалась особенно беззащитной, маленькой. Княгиня тихо всхлипывала, словно плача.

– Псарни следует прибирать. Не станет пёс верно служить, если его в грязи держать.

– Ты сегодня отослал моих девок, – дёрнула плечом княгиня.

Она говорила сухо и безжизненно, точно ей плевать о чём и кому говорить, лишь бы не молчать.

– Просил следить за котами, только и всего. Псов к охоте велено голодом изводить.

Княгиня прижала к лицу белый платок, покрытый тёмными пятнами.

– Не жалеешь, что нанялся? – снова всхлипнула Брониимира.

Волк не ожидал такого открытого и справедливого вопроса:

– Нет, государыня. Псарня очень хороша.

– Пса-арня, – протянула княгиня, словно пробуя слово на вкус, – и это мечта? Завидую я тебе.

Княгиня вошла в загон, внимательно оглядев чисто выметенный выгул. Стало даже не по себе. Ещё никто из княжских людей не совался в загон. Даже ключник всегда кличет со двора.

– Государыня, лучше не входить в загон. Псы голодные...

– Да-да, – отмахнулась Брониимира, – великий государь

на охоту собирается. Но ты же не страшишься, чего мне бояться здесь? Самое страшное уже случилось, собаки меня не напугают. Как думаешь, что страшнее боли? – утирая нос, произнесла княгиня.

Платок, руки и рукава её сорочки покрывали тёмные пятна. Так вот почему она странно хлюпает носом – это не плач, а кровь, не останавливаясь, идёт из носа.

Прав был Косой, дурная баба. Что же ей всё не спится да неймётся?

– Я не знаю, что сказать, – признался Волк.

– В том и суть, псарь... в том и суть... – пробормотала Брониимира, – девки всегда знают, что сказать, и скажут... то, чему их выучили, а потом и мужу доложат... как каждый в этом дворе, – зло выплюнула она, – Ты когда-нибудь терял близких, псарь? Знаешь ли ты, что такое боль? А безразличие? Знаешь, каково это – потерять сына?

– Может, на княжьем дворе, сыщется кто больше разумеет в девичьей душе? – огляделся Влаксан.

Громко хлопнула дверь терема:

– Где она? Найти и привести! – на крыльцо, пошатываясь, выскочил разъярённый князь. Без парадных одежд, в сорочке и сапогах, – позвать ключника!

Страж, дремавший у ворот, подскочил и побежал в сторону княжьего сада. Брониимир осмотрелся и вытянул руку, указывая пальцем на княгиню:

– Жена! – проревел он, – что ты забыла среди черни?

Князь оступился и рухнул на перила, сбегая с крыльца. Выругавшись, он, качаясь, побрёл к псарне. Княгиня даже не подумала сойти с места, точно не слышит его. Волк отошёл к клетки, надеясь, что его не заметят и разберутся сами. Псы за спиной стали огрызаться сквозь сон.

– Жена, ты слышишь меня? – ворвался в загон князь, – Так вот где ты коротаешь ночи, паскуда?

Князь был неприлично пьян. Княгиня стояла, не шевелясь, тонкая струйка крови стекала по её губам и подбородку, оставляя уродливые пятна на белой, словно лунный свет, сорочке. Брониимир замахнулся и наотмашь ударил её. Княгиня упала, и даже не пыталась встать.

– Отвечай, когда тебя спрашивают! – кричал князь, – Отвечай, тебе говорят! Что ты здесь делаешь, тварь гуляющая?

Его словно нечистый дух пробрал, он не унимался, наступал, свирепея от ярости. Он с силой дёрнул её за локоть, заставив подняться на колени. Брониимира всё так же не смотрела на мужа, уставилась пустым взглядом куда-то сквозь Влаксана.

– Он! – обернулся князь, – он знает, что ты здесь делаешь! – ещё раз ударив жену по лицу, князь сильно пнул её в бок, – с отребьем спуталась, мерзавка?

Он шагнул в сторону Волка, оступился и указал на него пальцем и зло зашипел:

– А ты! Ты отправишься за тем, чьё место занял! Я тебя утром же на кол посажу, – и снова повернулся к жене, – А

тебя я отправлю с ним! Заставлю лично своего хахала на телеге отвезти! – схватив за волосы, прокричал он ей в лицо.

– Мать! – выругался Влаксан, нащупывая защёлку на клетке.

Да, гори оно всё огнём!

Короткий свист вспорол ночь. Голодная свора с громким лаем вырвалась из клетки, сбив с ног князя. Княгиня будто проснулась, быстро подскочила и прижалась спиной к стене. Псы набросились на князя, как на дикого зверя. Три крепких гончих приметили и княгиню. Громко хлестнув плетью по самой быстрой псине, Волк преградил дорогу к княгине. Она во все глаза смотрела, как псы терзают князя. Одежды его вмиг покрылись тёмными кровавыми пятнами.

Волк громко хлестнул по сутулым собачьим спинам. Пронзительно взвизгнув, четыре пса побежали в клетку. Остальные с яростным усердием продолжали терзать добычу. Волк громко засвистел, снова и снова разгоняя кнутом кровавый пир, пока вся свора не забила обратно в клетку.

Князь лежал ничком, его шея, руки и ноги превратились в кровавые лохмотья. Сорочка в темноте казалась чёрной и блестящей.

– А-а-а! – что было сил, заорала Брониимира.

Её оглушительный крик разнёсся по всей Грате.

Волк смотрел на изуродованное тело князя, и как никогда ясно понимал, что именно он сделал. Он повернулся к княгине и упал перед ней на колени, положив возле себя кнут.

– Что здесь... – прибежал ключник, и, увидев кровавое тело в псарне, осёкся на полуслове. – Взять псаря под стражу! В темницу его! – приказал он тут же, – Доложите князю!

– А-а-а! – снова завопила княгиня, крупно затряслась, села на землю и закрыла голову руками.

Волк так и стоял на коленях, опустив голову и руки. Он не слышал и не видел, когда появилась стража. Ему выкрутили руки за спиной, туго привязали запястья к голеним и сволокли в яму, плотно затворив дверь.

Утро выдалось удивительно ясным и тёплым. Лучше дня для казни и пожелать нельзя. Волка выволокли из ямы и привязали к столбу, чтоб стоял на коленях и каждый желающий мог всыпать ему палок. Одежду, на удивление, оставили. Старый слуга даже поднес ведро воды:

– Пить хочешь, псарь?

Влаксан кивнул.

Старик поставил перед ним полное ведро:

– Держи. Хошь – так хлебай, хошь – мордой ныряй туда, заодно и харю умоешь... – пожал он плечами.

Волк нагнулся над ведром. Хотелось раствориться в этой прозрачной холодной воде и не думать ни о чём, кроме студёной, заполняющей изнутри воде.

– Эй! Псарь, за что тебя взяли? – прокричал грязный мальчонка. Влаксан оглянулся. Крупная баба с растрёпанной косой тут же ввалила мальцу оплеуху и оттащила его со двора.

Дворцовая чернь с опаской глядела на него, тихо перешёптываясь. Вода тонкими струями стекала по небритому лицу и волосам, оставляя следы на замаранной одежде. Солнце пекло особенно жарко, и день тянулся бесконечно. Духота и пыль окутали затаившийся двор. Любопытная детвора заглядывала через забор в псарню, высматривая на

земле тёмные кровавые следы.

Наконец, из терема вышла княгиня в красном сарафане и расшитом монетами кокошнике. На лице её расплылся огромный синяк, от уха до разбитой губы, нос распух и почернел.

Она подошла к Волку и смерила его взглядом:

– Сегодня будет суд, псарь, – сухо произнесла она. – Ты ни слова не обронишь, пока я не потребую этого, и не посмеешь дерзить или перечить мне. Понятно тебе?

Волк кивнул.

– То-то!

Брониимира ушла в терем, а за Волком вскоре пришли. Его отвязали от столба, закинули на телегу и повезли на улицу.

Слуга так же остервенело звонил в колокол, и люди так же нескончаемым потоком шли по улицам Граты, собираясь на площади. Вот только на помосте стоял не старый псарь, а Влаксан. Теперь его руки были вывернуты и связаны за спиной, а справа ждал на рогатине мёртвый псарь. Вороны полностью склевали его глаза и губы, серая кожа лохмотьями отходила от черепа. Под рваной истлевшей плотью белёсыми пятнами проступали кости. Толпа с таким же нескрываемым интересом ждала, что же нынче объявит князь.

То-то все удивятся, узнав, за что сегодня судят псаря!

Брониимира стояла на телеге, и с её кокошника спускался полупрозрачный тёмный полог, укрывая лицо от посторон-

них глаз.

Неожиданно звон стих. Княгиня встала и объявила:

– Ваш князь, мой муж вчера погиб.

Толпа взорвалась гулом неясного крика. Волк тщетно пытался высмотреть среди растерянных горожан знакомые лица. Сырые волосы падали на лицо, закрывая глаза. Сложно было разобрать кто где. Где там теперь радуется Косой? А Птах?

На деревьях никого не видеть. То-то хилый поди доволен, что так всё вышло. Не было видно и Инга.

– Вчера вечером, после ужина у боярина Гладожара, мы приехали во дворец. Князь Брониимир готовился со дня на день выйти на охоту. Уже настал час луны, когда он пожелал лично проведать псарню: готовы ли его псы к охоте, действительно ли новый псарь хорошо справляется. Когда мы пришли, псаря не было на месте. Князь велел найти ключника, чтоб тот мог привести псаря, и, совсем осмелев, он вошёл в загон псарни.

Княгиня замолчала.

Волк настороженно и удивлённо слушал её странный рассказ. С небольшого расстояния было слышно, как тяжело она дышит и как дрожит её голос. Толпа возбуждённо шумела.

Слуга ударил в колокол, чтоб призвать к тишине.

Все смолкли и, затаив дыхание, уставились на княгиню.

– Псарь услышал лай, выскочил во двор, но было уже поздно. Он успел лишь не подпустить псов ко мне. Когда

пришёл ключник, ваш князь был уже мёртв.

Крик горожан был настолько силён, что ушам стало больно. Волк снова поднял глаза: они ликууют и радуются или негодуют и злятся?

Ещё один удар в колокол прервал возбуждённые голоса.

– Псарь не уследил за сворой, – произнесла княгиня, – и должен за это ответить.

– Тебе есть, что сказать на это, псарь? – обратилась она к Волку.

Толпа в замешательстве озиралась, перешёптываясь. А с рогатины пустыми глазницами на них смотрело закончившееся княжение Брониимира.

Волк набрал в грудь воздуха, затем громко и смиренно произнёс:

– Нет, государыня. Я приму любую казнь.

– Псаря не было в псарне, когда это случилось, значит, он не может отвечать по всей строгости, – произнесла она и объявила, – Двадцать плетей.

Двадцать плетей? За драку на ярмарке зимой было двадцать пять.

На мостки внесли длинную колоду. Пока Волк ошарашенно озирался, его развязали, стянули с него рубаху, и за руки привязали к колоде. Тут же принесли бочку с плетями.

Толпа одобряюще заулюлюкала.

Первый удар выбил дух. В глазах потемнело, и огнём запылала на спине полоса от плети. Этак он и рёбра перело-

мать может.

С громким свистом последовал ещё удар и ещё. Волк до крови закусил губу, но это не помогало. С пятым ударом из груди вырвался крик, от чего толпа пришла в крайнее возбуждение.

Шесть... семь... восемь...

Толпа замолкала лишь, чтоб послушать очередной его крик, и радостно кричала в ответ.

День сделался ночью, и пот заливал глаза. Боль всё усиливалась и усиливалась, и шум в ушах вторил толпе.

Десять... одиннадцать...

Неожиданно темнота сомкнулась над ним, всё стихло, и даже боль ушла.

Снова удар... который по счёту?

Толпа радостно шумела, но плетей больше не было. Спина превратилась в кровавое месиво. По бокам и штанам стекали тяжёлые горячие капли. Это кровь или отвар, в котором вымачивают кнуты?

Слуга ловко перерезал верёвки и ногой скинул Влаксана с колоды. Он упал на спину. Боль стала невыносимой. Волк заорал.

– Переверните его, – потребовала Брониимира, глядя, как Волк корчится от боли.

Удар сапогом под рёбра повернул его на бок, лицом к толпе. Руки и ноги трясёт, волосы прилипли к лицу, дышать тяжело и рот полон крови.

– Двору понадобится новый псарь. Есть ли среди вас тот, кто желает занять это место? – громко объявила Брониимира.

– Я! – раздался из толпы уверенный, отдалённо-знакомый голос.

– Твою мать! – прохрипел Влаксан.

– Молчать! – раздалось сверху.

Сразу два сапога пнули его: один в спину, второй – в лицо, и всё погасло.

Резкий запах ударил в нос. Влаксан открыл глаза. Тёмная комната тускло освещена лучиной. Воздуха мало, он кажется тягучим киселём из полыни, зверобоя и горького корня. Волк лежал на животе, на спину давил тяжёлый груз, не давая перевернуться.

У светца с лучинами тихо дремала девчонка. Влаксан невнятно прохрипел. Он хотел попросить воды, но во рту пересохло так, что язык словно окаменел, губы превратились в две шершавые корки.

Девчушка подскочила к нему:

– Очнулся! – её тонкая мягкая ручонка прижалась к его лбу, – лихорадит. Ты подожди, я мигом! – Суетливо подпрыгивая, она выскочила из комнаты.

Да, куда же?

Влаксан хотел окрикнуть её, но в груди ножами резала боль.

Девчонка шустро обернулась, ведя за собой пожилую знахарку.

– Вернулся, – улыбнулась старушка, – вот и славно. Значит, с нами будешь. Сейчас тебе чуток подсобим. Будет больно.

Старуха быстро сдёрнула с его спины груз, и всю кожу вместе с ним.

Волк хрипло закричал, срываясь на визгливый стон.

– Потерпи, милоч, потерпи. Сейчас ещё больше будет, но надо, чтоб поправиться, – ласково шептала старушка, тряпицей утирая ему лоб.

Старуха накинула ему на спину мокрое покрывало и плотно прижала сверху. Боль была невыносимой, даже голос прорезался. Влаксан зажмурился. Однако придворный палач знает толк в плетях, за драку с пацаном не так пороли. Тогда Бык нашёл в деревне одноглазую ведьму, что за три дня уже поставила его на ноги.

– Ты может, хочешь чего, милоч? – заботливо заглянула ему в глаза старушка.

Она добродушно улыбалась беззубым ртом. Всё лицо её было исчерчено крупными морщинками, напоминая сушеное яблоко.

– Воды, – прохрипел Волк.

– Дарёнка, принеси-ка воды. И скажи там, что проснулся наш голубчик.

Девчушка быстро кивнула и снова унеслась.

Волк попытался поднять руку и сморщился от боли: под лопаткой словно калёным железом провели.

– Ну-ну, миленький, потерпи. Пока лучше просто лежать, не ворочаться, – старушка смочила тряпицу и протёрла ему лоб. – А ты думал, так легко даётся наказание? Ничего, теперь уже ты с нами. Уж мы тебя не отдадим!

– Кто ты? – выдохнул Влаксан. Звук получился слабый,

почти неслышимый. Губы его потрескались, и из них сочилась кровь.

– Я Живьяра – придворная знахарка. А Дарёнка – сиротка моя и главная помощница.

– Придворная? – вяло удивился Влаксан, – где я?

– Да, всё там же, милоч. В Грате.

– Где именно, в Грате? – сипел Волк.

– Во дворце князем.

Волк закрыл глаза, голова была тяжела от боли:

– Почему я при дворе? Меня же судили днём.

– Судили, вчерась, – согласилась старушка, – а мне было велено тебя выходить.

Шумно распахнув дверь, в комнату вошла Дарёнка. Она несла большое ведро воды и черпак:

– Вот, тётушка! – поставила она на пол ведро, – всё сделала.

– Вот и молодчина, – улыбнулась Живьяра, зачерпывая воды. – Держи, милоч. Только пей осторожно, вода студёная, а грудь у тебя слабая. Плетьми пару рёбер перебили, да почки отбили тебе. Я, конечно, подлатаю, но времени это займёт немало.

Влаксан жадно припал к черпаку. Он старался пить небольшими глотками, но это не выходило. Пить хотелось нечеловечески. Пожалуй, он мог бы и ведро выпить, что Дарёнка принесла.

Тихой поступью в комнату вошла княгиня.

– Благодарю, Живьяра, Дарёнка. Как он?

– Жить будет, – улыбнулась старушка. – Теперь уж с нами.

– Славно, – произнесла Брониимира. – Оставьте нас.

Старушка с девчонкой послушно вышли из комнаты, плотно затворив дверь. Брониимира оглянулась, заметила небольшую низкую скамейку у окна, подвинула её к лавке и села у изголовья.

Она внимательно смотрела в лицо Влаксану. Ему хотелось спросить, что ей надобно от псаря, который и сесть-то не может от поротья, но не смог собрать мыслей.

– Благодарю тебя, псарь, – тихо произнесла она.

– Государыня, я же, – заговорил Влаксан и осёкся, – я же не смог спасти князя.

Брониимира внимательно посмотрела ему в глаза, лёгкая тень улыбки скользнула по её губам:

– Верно, – медленно сказала она, – но ты спас меня.

– Псы были голодные. Князь велел...

– Готовить их к охоте, – перебила Брониимира. – Я знаю.

Но ты не побоялся преградить им путь. Ты не подпустил ко мне ни одного пса. Ты спас мою жизнь. Духи бы не простили, забери я твою.

– Благодарю, государыня, – прохрипел Волк.

– Как звать тебя, спаситель?

– Влаксан.

– Влаксан? Что ж... Хочешь пить? – произнесла Брониимира, поднося черпак.

– Я не могу пошевелиться, государыня.

Брониимира поднесла ему черпак и снова замолчала, как жадно он пьёт. Взгляд её стал мягче, а голос тише:

– В ночь провожали князя, и до рассвета из кабаков лились песни и смех. А на утро тела всех казнённых Брониимиром пропали с берега и из города. Вряд ли гратичи от горя так самоуправствуют.

Влаксан закрыл глаза. Конечно, Брониимир успел одолеть всех в округе. Пришлый князь, не признающий Гратских обычаев, запретивший охоту, лютоющий по любой мелочи... Не только Волк был рад его кончине. Похоже, и Брониимира не против остаться вдовой. Вот почему его не казнили, за это она пришла благодарить. За то, что спустил голодную свору на Брониимира, а не за спасение.

– Тебе стоит больше отдыхать. Скажу, чтоб Живьяра дала сонного отвара, – произнесла княгиня, поднимаясь.

Вот уж чудные времена пришли! За убийство князя не на кол сядят, а в княжьих хоробах с рук поят!

Тихо шурша юбками, княгиня вышла за дверь. Тут же прибежала Дарёнка, набрала воды, налила туда сонного отвара и поднесла к губам Волка:

– Велено выпить.

Затем укрыла ему голову тряпицей и проскакала в сторону окна. Влаксан чувствовал, как медленно отступает боль, а мысли становятся всё спокойнее и тяжелее.

Казалось, сон длился целую вечность. Никакие воспоминания не тяготили его, но первая же попытка пошевелиться напомнила, где он: спину стянуло коркой, всё чесалось и зудило, руки и ноги затекли.

– Проснулся, голубчик? – прощebetала Живьяра, – жарто отступил, теперь быстро на поправку пойдёшь. Дней через пять уже сидеть будешь, может, и встать даже.

– Пять дней? – разочарованно переспросил Влаксан.

– А ты что, куда торопишься, милок? – удивилась Живьяра, – накось лучше, выпей бульона. А то совсем отощал за четыре дня.

– Сколько? – снова удивился Влаксан.

– Четыре дня тут лежишь. Ничего не ел, только отвара сонного выпил в прошлый раз и всё. А где же силы брать? Давай-ка я тебя чуток придвину к краю, да помогу, – запричитала старушка, ловко подтягивая его за перину к краю лавки.

Она поднесла к его губам кружку густого мясного бульона:

– пей-пей. Иначе до зимы тут пролежишь. Тебе оно надо? А что же думал? Палач у нас знает толк в наказаниях. Он и отвары сам готовит, плети сам вымачивает. А уж силы точно не жалеет. Пожалуй, никто и не любил Брониимира покой-

ного, кроме него.

– Я бы не был уверен, – поправил Влаксан.

– И то верно, – улыбнулась Живьяра, – не лучший князь был Брониимир. Не сильно по нём и народ горюет. Награй бы опять войной на нас не вышел. Только жить как люди стали. За десять лет-то хоть привыкли к жизни.

– Любовслав не выйдет, – успокоил её Влаксан. – Может, данью обложит, может быть ещё чего придумает, напервой гонцов пришлёт.

– А ты откуда знаешь князя-то награйского?

– Я из Награя. Помню, что народ говорил про сыновей Даромира: старший злой да беспощадный, а младший добрый да мудрый – достойный сын отца. В Награе каждый желал Любовслава в князя.

– Тогда оно и лучше, – кивнула Живьяра, – ты пей-пей. В Награе, говоришь, родился. А я вот далеко... Повезло нашей Брониимире, что здесь порядки другие. У нас в Гвенешском княжестве, коли у бабы муж умер, то и нет дела никому: есть сын или нет – должна уйти вместе с мужем, ежели не в бою он свой конец нашёл. Иначе ему дороги в вечность не найти. Только свет её женской души может открыть ему врата Чертогов Вечности. А здесь – благодать! Коли сына родила, то, считай, и откупилась. Духи тут добры, дал сыну жизнь, то и примут тебя в Чертоги свои.

– Это где же так сурово? – удивился Влаксан.

Он раньше не задумывался, что в мире могут быть разные

законы Духов.

Живьяра отставила чарку, и, поправляя перину, произнесла:

– В средних землях, где нет гор, только леса, поля да небольшие холмы. Реки там не такие бурные, и духи гор там бессильны, зато правят духи леса... недалеко от Гвенеша.

– Что же ты ушла? – спросил Влаксан.

– Не хотелось замуж выходить, да и любопытно было мир поглядеть. Был ещё Живьяр мой жив, мы с ним весь мир до Сивых земель прошли. А потом Яроша разбили под Награем, сильно побили его войско. Так я и осталась на службе при княжьем дворе.

– Ты была в Сивых землях? – спросил Влаксан.

– Милок, я больше ста лет живу, где только ни была. И в Сивых землях, и в Арградоне с Лардером, и в Гвенеше... Весь свет обошла, – вспоминала Живьяра, убирая тряпицу со спины Влаксана.

Новая примочка прожгла спину, но то ли сегодня примочка была другая, то ли действительно ему стало намного лучше. Боль была терпимой.

– Вот и молодец! Вот и чудесно, – мурлыкала старушка, заботливо укрывая его.

За дверью послышался резвый громкий топот. Дверь распахнулась и в комнату вбежала Дарёнка:

– Тётушка Живьяра, тебя княгиня видеть желает! – выпалила она.

Старушка быстро встала и, продолжая что-то тараторить себе под нос, торопливо вышла.

Дарёнка села на её место, и, подперев ладонями лицо, беззастенчиво уставилась на Волка.

– А что у тебя с ухом? – спросила она, – указывая на его оборванный хрящ.

– На охоте потерял.

– Это как же? На лице следов нет, только на шее чуток.

– Не там смотришь, – мягко ответил Волк. Наивная простота и улыбка этой девчонки обезоруживает. – Сзади. За волосами не видеть.

– Потому ты такую косу отрастил? Умно! – засмеялась Дарёнка. – Я вот думала, что не очнёшься. Честно, думала, так и помрёшь. А тётушка сказала, что выходит. И действительно выходила! Вот, видят духи! Ой! А слышал, что говорят? Княжича холодные ведьмы унесли!

– А есть ещё сонный отвар? – перебил Влаксан.

Дарёнка смущённо покраснела:

– Да-да. Тётушка не велела докучать тебе, а я, как всегда. Вот, держи!

Девчушка быстро налила отвар в чарку и поднесла Влаксану:

– Действительно, поспи-ка лучше. Так и на поправку быстрее пойдёшь и скучно не будет.

Боль отпускала, примочки с каждым днём становились всё безболезненнее, а смешная, вечно щебечущая Дарёнка скрашивала пустоту бесполезных дней. Ещё с десятков дней Живьяра не позволяла вставать даже по нужде. Только лежать на спине. А то вдруг зашла с утра и объявила:

– Просыпайся, милоч. Велено банщика позвать. Чтоб тебя чуток омыть.

Следом за старухой важно вошёл приземистый короткостриженный мужичок. В руках у него была банная шайка и небольшой свёрток.

– Девка, метнись до колодца, – велел он Дарёнке. – Дожили! Всю жизнь князей стриг да парил, докатились до псаря!

– Ты бы языком-то не трепал! – хлестнула его тряпкой Живьяра, – чай, не я тебе сюда идти велела. Княгини указ.

– Тоже время! – пуще того заворчал банщик, – Баба во главе...

– Язык-то прикуси, – завелась Живьяра, – Брониимира – княжна гратская по крови! Княгиня по праву и по мужу! Ярош нам её взамен себя оставил, не отослал в другие земли.

Банщик продолжал недовольно бубнить, раскладывая на сундуке острые ножи, бритвы и гребни. Он глянул на Волка:

– Космы-то отрастил, а когда последний раз чесал их? Блох поди развёл!

– Чистый он! Коли б завшивел, я всё равно вытравила бы! – огрызнулась Живьяра.

– Ты, старая, бы лучше помогла мне. Дай тряпку, да придержи его.

Банщик ловко скинул с Волка покрывало, стал двигать его к краю.

– Скажи-ка, старая, а сесть он сможет?

– Да, поди сможет. Только осторожно, чтоб опять спина не разошлась.

Волк опёрся на руки и почувствовал, как, словно сухая земля, трескается на спине корка затянувшейся раны.

– Ты осторожнее, милоч, – запричитала Живьяра, – Я дюжину ночей тебя латала, чтоб всё пошустрее зажило, не торопись. Сейчас мы вместе.

Банщик со старухой аккуратно, словно хрупкое яйцо, усадили его. Только сейчас Волк заметил, что совершенно голый. Ноги его похудели, стали похожи на две кривые палки.

– Я принесла, – вбежала в комнату Дарёнка и замерла на пороге. – Ох! – она отпустила вёдра и зажала руками глаза, – Срамота-то какая!

– Иди-иди! Стыдливая! – замахал на неё руками банщик. – Только воду расплескала. Хорошо, хоть вёдра не опрокинула.

Живьяра плотно затворила дверь и опрокинула в шайку ведро воды. Банщик налил туда свои настои:

– Сейчас мы тебя отмоем, краше боярина будешь! Никто

и не скажет, что псарь! – засмеялся мужик.

Он старательно и долго отирал Волку тело, потом натёр его пахучей мазью, чтоб дольше не пачкался, и принялся за волосы. Голову банщик отмывал долго. Прядь за прядью он вычёсывал длинный хвост, затем размачивал настоем, поливал водой.

– Отрастил-то себе космы, не хуже девицы! – причитал банщик, вычёсывая колтуны. – Может, обрежем их? Что же, косу-то носить.

– Нет, – резко ответил Волк.

– А-а во-он оно что! – протянул банщик, собрав волосы в охапку.

Мужик с любопытством рассматривал его затылок и шею.

– Это кто же тебя так подрал? – спросил он, закончив с волосами.

– Горный кот. Отроком на охоте недоглядел.

– Охотник стал быть... – пожал плечами мужик, отходя к сундуку. – Что ж, охотник. Давай бороду оскоблю.

С лицом банщик разобрался быстро. Он ловко снимал щетину. Сделав пять взмахов бритвой объявил:

– Готово. Где там старая? Смотри на своего псаря.

Живьяра, задремавшая на сундуке, ещё, когда банщик намывал Влаксану спину, резво подскочила.

– Ой! Ну, жених! Хоть сейчас сватать! Молодец, мужик! Не зря тебя князь жаловал!

– Князь никого не жаловал, – проворчал банщик, быстро

сворачивая свои инструменты и подхватив полную шайку, пошёл на выход.

Живьяра затворила за ним дверь, достала из сундука чистую рубаху и быстро накинула на Волка.

– Ну, всё! Теперь совсем хорош! Надо бы княгине доложить.

– Чего это она мне банщика заслала? – спросил Влаксан, помогая старухе надеть на него штаны.

– Откуда же мне знать. Брониимира всегда добра, хорошо воспитана и благодарна. Я её с рождения знаю. Ты ей жизнь спас, она того не забудет, – отвечала Живьяра, тряпкой собирая с пола стриженные волосы и воду, – Коли голова не кружится, то посиди чуток. Сейчас Дарёнку кликну.

Наспех прибрав комнату, старуха вышла за дверь. Влаксан огляделся: комната небольшая, с просторной лавкой, выставленной на середину, и парой скамеек вдоль стен. Жухлые пуки трав висели вдоль стен. Единственное окно плотно крыто ставнями, под ним большой сундук, по углам расставлены высокие напольные светцы с лучинами. Так сразу и не разберёшь, в какой именно избе эта клетушка.

Дверь тихо отворилась, и в комнату вошла вовсе не Дарёнка, а княгиня. Хоть половина лица ещё была зеленоватой от старого синяка, и через нос пролегла чёрно-синяя полоса, щёки её розовели румянцем, а взгляд не таил затравленного страха.

– Тебе уже лучше, Волчий сын?

– Как видишь, государыня, – кивнул Влаксан.

Брониимира улыбнулась.

– Надеюсь, скоро ты совсем выздоровеешь и сможешь вернуться к работе, – едва улыбнулась она.

– А что псарни...

– Псарни больше не твоя забота. Для тебя найдётся более достойное место при дворе.

– Более достойное? Прошу простить, государыня, но никак в толк не возьму: на кой тебе сдался простой псарь? Откуда столько внимания ко мне? – волк смотрел ей прямо в глаза.

Она словно оживала, с лица ушёл застывший страх. Прозрачно-серые, как чистая каменистая река, глаза излучали девичью весёлость и интерес:

– Мой отец был достойным человеком, – произнесла Брониимира, – он учил меня, что каждый достоин своего правителя. Правитель же должен оправдать доверие людей. Уважать каждого подданного, заботиться о нём, только тогда княжество будет процветать.

Всё-таки прав был Птах, княгиня хороша: нежный голос, мягкая улыбка, длинные ресницы... было в ней и что-то ещё, что отличало от других девок: прямая спина, нежные руки, умение держать себя так, что сразу видно – не простая баба.

– Почему ты так смотришь? – спросила она, – Я говорю странные вещи?

Волк коснулся её руки, нежной и мягкой, словно нежный

лепесток.

– Я всё же удивляюсь, как княгиня может переживать за простого мужика с псарни.

Брониимира напряглась, точно остолбенела и густо покраснела, однако руку не одёрнула:

– Не каждый простой мужик отважится на такой поступок. Я уважаю в тебе силу, храбрость и решительность. Качества, которые должны быть присущи каждому достойному человеку, но не каждый ими обладает.

Княгиня сидела так близко, и искренне отвечала на его вопросы, не понимая, что он пытается угадать между слов.

– А что на счёт дерзости? – спросил Волк.

Не дожидаясь ответа, он крепче сжал её ладонь, другой рукой обнял, и, прикрыв глаза, осторожно поцеловал.

Ни одно вино не пьянило так, как её горячие нежные губы. Всего мгновение торжества и радости, и это мгновение стоило риска.

Волк открыл глаза и увидел её опущенные густые, тёмные ресницы прямо у своего лица.

Отвесив ему звонкую пощёчину, Брониимира поднялась с лавки:

– Знай своё место, псарь! – делано холодно произнесла она.

Несмотря на то, что голос её дрожал, движения были точны и сдержанны. Она смерила его строгим взглядом и вышла из комнаты.

Волк самодовольно улыбнулся. Всё же он понял верно. Конечно, псать – не ровня князьям, но, когда бы ему мешали правила. Половина лица пылала от крепкой княжеской руки, но сердце отплясывало в груди «Лихую».

Княгиня больше не приходила, но то, что его ещё не выставили со двора, уже значило, что вряд ли будет строгий спрос за дерзость. Мысли снова и снова возвращали к её нежным губам, светлым глазам.

Раны быстро затягивались, и уже через пару дней Живьяра позволила сидеть. Дарёнка принесла его вещи.

– Вот. Велено было принести, – улыбнулась девчонка, сваливая на сундук ремень, два поясных ножа, кожаную безрукавку, сапоги и кошелёк.

– Откуда это у тебя?

– «Отку-уда», – передразнила Дарёнка. – Когда тебя сюда привели, мужик дворовой принёс. Велено было тебе отдать, когда поправишься.

– Значит, сегодня меня выпустят?

– Почём мне знать? Я тут не решаю. Как княгиня да тётушка скажут.

Волк достал из кошелька небольшое точило и взял нож. Эх! А Птах как-то умудрялся строгать ножи хоть из кости, хоть из камня, иной раз мог плотно сбить, да заточить доску так, что не хуже ножа дырявила. Коль только издали ножи кидать, они изводятся на раз.

Дарёнка уселась в углу, взяла из корзины пучок трав и верёвку и стала собирать вереницу. Она с любопытством по-

глядывала на Волка, но заговорить не решалась. Видать, старуха запретила.

– А ты что же, целыми днями травы перебираешь? Не прядёшь, не вышиваешь? Где приданое возьмёшь? – спросил он.

– Не положено.

– Как это?

– Ведьмам нельзя. Нить судьбы нам прядут Духи и ткань жизни ткут они же. Ведьме положено следовать их воле. Ежели возьмётся ведьма за веретено, то спутает нити судьбы своей и всех, кто рядом. Так нельзя.

– И как же теперь? Где одежду брать?

– А ты где берёшь? Ты же не женатый, сам не ткач, не пряха. Зато я в травах понимаю, Духов слышу. Что мне до прялки этой? Вот ты знаешь, что это за цветик? – Дарёнка вытянула в руке голубой нежный цветок, похожий на колокольчик.

– Цветик и цветик... не видал раньше.

– Он в Грате не растёт, только тётушка его выращивает в саду, оттого ты его не видал. Это лазорецвет. Он дурной дух отводит.

– Это если кто не мылся давно?

Дарёнка нахмурилась и сердито глянула на Волка:

– Нет! Это ежели кто сглазить захочет! Гляди, какой красивый, – Дарёнка покрутила в пальцах цветок и протянула Волку.

– Славный.

– Вот ежели я могу вырастить лазорецвет, то почто мне прясть? Любая девка мне нить выпрядет.

Дарёнка тихо запела себе под нос странную песню. Слов было не разобрать, точно другой язык. К обеду она принесла еду, поставила на скамье возле Волка в кружку маленький букетик лазорецвета и ушла.

Живьяра пришла уже к ночи. Она придирчиво осмотрела спину и руки Волка. Постучала сухими крепкими пальцами по рёбрам, покачала головой:

– Ещё не отпущу тебя. Пока надо бы покоя.

– Покоя... Не для моей души покой, – сморщился Волк.

– Заметила я, милок. Как же оно иначе. В тебе вон, кровь кипит, бушует! Но ничего. Полежишь чуток, отдохнёшь, а дальше уж поглядим.

– Мать, лежать уже сил нет.

– Давай, стемнеет и пойдёшь чуток на улице посидишь. Только шибко там не гуляй, чтоб не видали тебя.

– Отчего же?

– Я княжеская знахарка, и выход с моей избы на улицу только один – в княжий сад. Идти через сени к Чёрному двору шибко долго, тебе бы покоя побольше.

Живьяра принесла пуховый платок и протянула Волку:

– Укройся, а то застудишься, да пойдём, провожу тебя. И это тоже выльешь заодно, – старуха сунула ему кружку с букетиком лазорецвета. – закиснет к утру. Дарёнка тут устроила девичью радость.

Шутливо браня свою сиротку, старуха вывела Волка в сени и провела через избу к выходу. Аккуратное белёное крыльцо притаилось возле яблоневого сада.

– Здесь можешь чуток погулять. Обратного-то дорогу сыщешь?

– Не заблужусь.

– Гляди, – погрозила пальцем Живьяра, – не бедокурь.

Волк повертел в руках кружку с цветами. Умеют девки во всём видеть красоту и везде её посеять. Чудно!

Он достал букетик, перевязанный тонкой верёвкой, и выплеснул из кружки воду. Уже почти стемнело, а луна уже забралась на спину берендеевых звёзд.

Возле терема раскинул могучие ветви родовой дуб. Волк глянул на цветочки, затем на княжий терем. Вверху, в оконце княжеской опочивальни, едва заметно мерцали отблески свечи. Заправив за пояс цветы, он изловчился и забрался на нижнюю ветвь родового дуба. Бока болели, точно их ногами пинали. Лезть было неудобно, но приноровившись, всё же добрался до княжеского окна. Брониимира сидела в простом сарафане, отвернувшись от окна, на большой постели и расчёсывала распущенные волосы. Волк прицелился и закинул в окно букет. Княгиня испуганно вскочила и стала озираться по сторонам. Подбежала к окну.

Быстро, пока его не увидели, Волк сполз на ветку ниже.

– Кто здесь? – спросила княгиня, свешиваясь из окна.

Волк спрыгнул на землю и рухнул под дубом. Надо бы сбе-

жать, но не вышло даже подняться.

– Ты? – изумилась Брониимира и захлопнула ставни.

Влаксан отполз под дерево, сел, привалившись к стволу. Грудь и спина болела, а в бока точно ножи воткнули.

Ладно. Помоями не окатила, и то не плохо. Волк коснулся ребра –слева болит, точно синячище. Рядом валялся платок Живьяры. Крепче укутавшись, он вспомнил хлёсткую пощёчину княгини и улыбнулся. Могла бы и выставить со двора за такое или снова высечь.

Собраться с силами никак не удавалось, слишком тяжело далось дерево. Тихо скрипнула дверь княжеского терема.

Волк подобрал ноги, и, цепляясь за ствол дуба, поднялся. Ежели кто из дружины его приметил, то нужно быстрее убираться.

– Нет-нет, – раздался голос княгини, – жди здесь.

Она тихонько сошла по лестнице и пошла по тропинке к дубу. Её голубой простой сарафан светился, точно отражение луны, мелькая между листьев смородины.

Волк затаился в тени. Брониимира вышла точно на него.

– Что ты делаешь в моём саду?

– Знахарка погулять отправила, от её терема слишком далеко до Чёрного двора.

– И она не сказала тебе, что будет, если тебя здесь поймают?

– Сказала, – Влаксан говорил мягко и тихо, как любят девушки.

– Значит, к ответу призывать тебя, а не её?

– Меня.

Брониимира показала голубой букетик:

– Твоё?

– Было моё.

– Было?

– Теперь твоё.

– Благодарю, – недовольно пожала плечами княгиня. – Ты же понимаешь, что вот это, – она потрясла цветами, – тебя и выдало?

– Более чем. Ты же любишь цветы?

– Тебя это не касается, псарь.

Даже в темноте было видно, как она зарделась.

– Ежели велишь меня снова высечь или со двора погнать, я приму. Только бы это стоило твоей улыбки, государыня.

Брониимира не сдержалась и смущённо улыбнулась, прикрываясь широким рукавом сорочки, точно дитя.

– Ну, вот, – тихо приободрил её Волк, – теперь мне и суд не страшен.

Княгиня поёжилась и робко глянула на Волка:

– Красивые цветы.

– погоди, – он снял с плеч платок Живьяры и расправил его над княгиней.

Брониимира сжалась и отпрянула от него:

– Не надо!

– Ты чего?

– Не трогай меня!

– Я только хотел укрыть платком. Ты замёрзла, государыня, – Волк протянул ей платок.

– Благодарю.

Осторожно, точно побитый щенок, она взяла платок и укуталась в него:

– Неужели оно того стоит? Так глупо рисковать ради потехи?

– Я гратич. Ты моя княгиня и служить тебе – честь. Я готов рисковать жизнью ради твоей потехи, если это понадобится.

Он нагло глядел ей прямо в глаза, читая в них страх и неподдельный интерес.

– Мне пора, государыня, – Волк приложил руку к сердцу и поклонился. – Прошу прощения, что побеспокоил твой сон.

Княгиня кивнула:

– Иди, Волчий сын, и не попадись дружине.

– Позволь провожу до терема?

– Я у себя дома, и здесь вся охрана – моя. А вот тебе лучше не разгуливать в княжьем саду. Иди, дерзкий псарь из Нагряя.

Когда Волк вернулся, комната была пуста. Казалось, после встречи с княгиней сутки не уснёт, но стоило дойти до лавки, как усталость взяла своё.

Мысли о Брониимире не отпускали и на утро: её нежные руки и то, как очаровательно она краснеет, прячась за рукавом сорочки. Такая махонькая, точно пташка, и такая запуганная. Как она дёрнулась, когда Волк к ней потянулся... до чего же Брониимир был жесток.

– Ну, что, милочек? Поправился? – зашла в комнату Живьяра.

– Благодарю, – кивнул Волк.

Старуха огляделась и строго подбоченилась:

– Куда же ты дел мой платок?

– Одолжил.

– Кому?

– Княгине.

– Когда успел?

– Вчера в саду.

Старуха села на сундук и опустила руки на колени:

– Ты что же? Говорено тебе, чтоб не видал никто! Теперь и меня к ответу призовут...

– Не призовут, – спокойно ответил Волк.

Живьяра схватила с сундука тряпку, да наотмашь хлест-

нула Волка:

– Эх! Как дала бы тебе по хребтине! Бестолковый! Тьфу, – Живьяра махнула рукой, смягчаясь, – Хорошо. Гладишь, дня три и отпущу тебя. Коли нет нужды тебе здесь лежать. Да княгиня уже требует. Но гулять больше не просись, раз ты такой строптивый.

Три дня пролетели, точно сокол. К обеду четвёртого пришёл крепкий дружинник в красном:

– Пошли, – объявил он, и, не дожидаясь, развернулся и вышел из комнаты.

Влаксан быстро вскочил, и, на ходу натягивая сапоги, поспешил следом. Мужик вёл его коридорами, пересекая одну избу за другой. Сначала Волк считал повороты и комнаты, но быстро сбился и просто старался не отставать от провожатого.

Эх! Удачно он обновился у кожевника. Не стыдно в новой обувке да безрукавке перед княжым двором явиться.

Свернув последний раз, дружинник вышел на широкие ступени, у распахнутых двойных дверей. Они пришли в княжий терем, в княжью палату.

Зал огромный, с весь двор, где расположился бык в Стрелецкой слободе. Дубовые стены и полы были начищены и натёрты до блеска. На широких окнах – расшитые рушники. Резные столбы держат высокий потолок, под стать им, вдоль стен выстроены узорчатые лавки. Тонкой работы, кованые подсвечники расставлены по всему залу.

В дальней стороне, на три ступени вверх стоял высокий пустой княжеский трон. Брониимира стояла позади, не решалась сесть на него.

Дружинники в красных кафтанах, точно пламя, расходились по обе стороны от неё. Мужик, что привёл Влаксана, не говоря ни слова, занял место среди войска.

– Влаксан, – заговорила княгиня, – Живьяра сказала, что ты уже почти здоров.

– Да, государыня, – кивнул Волк.

Княгиня вышла вперёд, встав на краю ступеней, и скрестила руки на груди:

– Наш великий князь Брониимир перед смертью успел казнить воеводу дворцовой дружины. Нового выбрать было не так сложно, Доблестный Белорад был личным княжым охранником. Но не так просто найти достойного на освобождённое место. Новый дружинник должен заслужить доверие княжеского двора. Он должен быть сильный, храбрый, смелый и, в какой-то мере, даже дерзкий, – строго произнесла Брониимира.

Внутри точно солнце вспыхнуло. Волк безуспешно пытался скрыть радость, но улыбка рвалась сквозь сжатые губы.

– Я сказала что-то смешное? – строго спросила Брониимира.

– Нет, государыня, – заверил Влаксан.

Княгиня надменно задрала голову:

– Хорошо. Я назначаю тебя княжеским дружинником,

Волчий сын из Награя, – объявила княгиня и обратилась к стоящему справа от неё дружиннику, – Белорад, принимай в свои ряды нового воина.

– Приветствую тебя, Влаксан, – кивнул воевода. – Меня зови Белорад. Теперь мы твоя семья и твои друзья.

– Благодарю, – кивнул Влаксан.

– В таком случае положено не благодарить, а приветствовать теми же словами, – пояснил Белорад.

– Ну, что ж... – Влаксан огляделся.

Дюжина молодцев слева и дюжина справа. С воеводой – двадцать пять. Все как на подбор высокие и крепкие, вроде Инга. Лица серьёзные, даже суровые.

– Приветствую тебя, Белорад. Зови меня Волком. Теперь вы моя семья и мои друзья.

Бронимира удовлетворённо кивнула:

– Хорошо, завтра приступишь. А теперь ступайте, – Бронимира махнула в сторону дверей, – дружинники как один повернулись и последовали к выходу.

Влаксан так и стоял посреди зала:

– Государыня, позволь спросить, – обратился Влаксан.

Белорад, замыкавший строй, замер и на пятках развернулся к трону.

– Хорошо, Волк. Белорад, можешь нас оставить.

Воевода кивнул и вышел из зала, плотно затворив дверь.

– Я княжий дружинник? Действительно, более достойно, чем псарь, – произнёс Волк, шагая к трону.

– Мне нужен охранник, который, если будет нужно, не побойся княжеского гнева или ответа перед судом. Который будет храбр, быстр и дерзок, если потребуется.

– Мне не страшен никакой суд, кроме твоего суда, государыня, – Волк подошёл к ней и попытался взять за руку.

Брониимира дёрнулась, отступая от него.

– Прости, коль груб. Прости мне мою дерзость...

– Ты забываешься, с кем говоришь, Волчий сын, – дрожащим голосом произнесла она.

– Да. Забываюсь, – произнёс он, подходя ближе. – Я всё на свете позабыл, кроме твоего голоса. Готов идти наперекор любому князю и закону, воле духов и людей. Я уже пропал, и нечего мне больше терять, кроме того, что и так не имею. Жизнь больше не стоит дороже поцелуя любимой, и я готов отдать её за это.

Брониимира, не сводя с него глаз, продолжала медленно отступать, пока не упёрлась в стену. Маленькая, словно пташечка, она смотрела на него полными страха и любопытства глазами, и молчала, сердито нахмурив брови, но яркий румянец на щеках выдавал, что ей не безразличны его слова. Она глядела ему в глаза уже без напускной строгости, скорее покорность и испуг наполнили её.

– Уходи, – прошептала она, указывая на дверь.

Волк послушно отошёл, сердечно поклонился и пошёл к выходу. Он заметил, как украдкой княгиня утирает рукавом слёзы.

Белорад поджидал у крыльца. Он внимательно поглядел на Волка и повёл к оружейной:

– Здесь будешь заниматься, – указал он на небольшую поляну. – В свободное время нужно тренироваться, чтоб всегда быть готовым к бою. А спим мы тут, – воевода толкнул дверь дружинной избы.

Изба была большая, на два этажа: на первом располагалась обеденная, во всю длину стояло два стола, второй этаж полностью уставлен лавками для сна. В просторных сенях верхний венец шерился длинными торчащими крюками.

– Ты вещи прихватил? – спросил воевода, указывая в сторону Чёрного двора.

– Всё моё на мне, – ответил Волк.

– Ну, и славно. Тогда свободен. Сегодня можешь присмотреться, Княгиня сказала, завтра приступать.

Влаксан кивнул и вернулся на Чёрный двор. Псаря на месте не было. Псы дремали в загоне, грея бока на холодеющем к осени солнце. Волк громко и коротко свистнул, так как раньше призывал на кормёжку. Свора, заливаясь лаем, сорвалась к пустому корыту. Псы расталкивали друг друга и обиженно рычали через решётку. Они требовали положенной еды.

Из черновой избы не спеша вышел Инг, в руках он держал

кнут и дрын.

Значит, не показалось тогда, на площади...

– Ты что ли мне псарню баламутишь? – строго бросил он Волку.

– И тебе здравствуй, – кивнул Влаксан.

– Что надо? – сурово процедил Инг, через решётку зама- хиваясь на собак дрыном.

Приметив, что сейчас влетит палок, собаки чуть разо- шлись, продолжая жалобно поскуливать.

– Не замечал раньше, чтоб ты псов любил, – протянул Влаксан.

– Ты тоже о себе не рассказывал. Уж дело-то не хитрое. Тем более, что князь суровый вдруг закончился. Княгиня – вон какая мягкая, даже за мужа на кол не сажает. Либо же ты думал, Бык так просто тебя оставит?

Волк огляделся. Не лучшая затея посреди двора такие разговоры вести:

– Знаешь, я помогу тебе их покормить, – кивнул на собак Влаксан, снимая со стены кнут. – Сейчас им корок сыпану, а ты принеси навар.

Инг тихо выругался и пошёл в черновую кухню.

Псы громко огрызались и толкались, хлебая из корыта, что помоложе, радостно повизгивали и скакали кругами.

– Значит, Бык тебя мне в няньки поставил? – прошептал Влаксан.

– Глядя как быстро и радостно ты творишь глупости, не

самая дурная затея, – кивнул Инг. – Когда Птах сказал, что ты князя извёл, я не поверил. Какой бы подлый ни был человек, всегда должен быть порог низости, но у тебя его, похоже, нет.

– Ты сюда нанялся, чтоб меня учить?

– Скорее, напоминать, чтоб ты язык не распускал.

– Что мешает вам сорваться, и пойти искать богатств в других княжествах? Где-нибудь в Арградоне, Лардере или в срединном Гвенеше вам везде будут рады, – пожал плечами Волк, кидая из мешка ещё горсть корок в сторону.

Псы, восторженно крича, бросились на них.

Инг прислонился к стене:

– Честное слово, сначала действительно бежать хотелось, но город был закрыт, не оставить же Косого да тебя. Потом, когда ты при дворе нанялся, стало боязно, что через тебя колдун нас углядит, но обошлось. Правда, язык твой мог выдать нас, и стоило бы приглядывать, с чем Птах вполне справляется. Когда же князя псы загрызли, то и зачем бежать? Князя нет, и гнев его уже не страшен. Да и интересно, что ещё ты можешь выкинуть. А коль дурить надумаешь, то и мне плетей не страшно получить, – нагло ухмыльнулся Инг. – Княгиня же за убийство не строга.

В избу Волк пришёл к закату. Следом за ним вошли пятеро дружинников, разом стянули алые кафтаны, повесили на крюки под потолком. Один снял с лестницы небольшой мешочек и протянул приятелям. Те сняли с шеи круглые жетоны и положили в мешок. В избу вбежал ещё один суетливый мужичок:

– О! И мне давай, – он потянулся, прямо с порога кинул туда свой кругляш и вбежал в обеденную прямо в кафтане.

Остальные тоже, не обращая внимания на Волка, пошли следом. Волк заглянул в мешок: деревянные жетоны блестели полированными рёбрами. Он достал один. Кружок с ладонь, с двух сторон нарисованы ворота красного цвета. Вверху, насквозь пробита дырка.

Дверь снова распахнулась, вошли ещё три дружинника: лысый, высокий пожилой и совсем ещё юный мальчишка.

– А ты новый! – улыбнулся мальчишка, – Привет! Меня Трифоном звать, а тебя?

Волк посмотрел на Трифона: на вид едва ли пару лет, как в весну вошёл, высокий, статный и гладкий, как баба.

– Чего молчишь? – спросил Трифон, вешая алый кафтан на крюк.

– Волком зови, – произнёс Влаксан, переворачивая в руке жетон, – Что это?

– А это? – Трифон потянул за шнурок на шее, и достал из-за пазухи такой же жетон, – эт жребий. Гляди, – быстро развязав шнур, Трифон протянул Волку свой жетон, – нарисована стена дворцовая, значит моя смена на стене. А этот, – паренёк забрал жетон из рук Влаксана, – указывает на Красные ворота. Каждый раз, когда собираешься на смену – берёшь жетон. Если терем, то идёшь в терем, если деревья, значит сад, ну, и так далее. Коли не понятно будет – спросишь. А ты поди, вместо Белорада, в нашу смену? – он не скрывал любопытства и радости от появления нового дружинника, – Откуда будешь? Да, проходи в избу, чего в сенях тереться?

Трифон быстро затолкал Волка в избу. В шумной и душевной обеденной за столами сидели с десятков дружинников. Те, что моложе, возбуждённо пересказывали день. Мужики постарше тихо обсуждали дела, пытались угадать как же теперь без князя будет. Их голоса наполняли комнату густым неразборчивым басовитым гудением. Третьи же громко смеялись, травили байки о жизни до дружины, вспоминали весёлые истории из юности и детства. Влаксан окинул взглядом собравшихся и снова вышел. На спальном этаже народу было меньше. Двое дружинников крепко спали, заливая горницу молодецким храпом. Волк прошёл в угол и улёгся прямо на полу.

Надо бы завтра спросить у Белорада, какую лавку занять. День дружины начинался ещё до рассвета: кто-то шёл чередовать ночную смену, остальные лениво спускались к зав-

траку. Обеденная была полна молодцев-богатырей, так что Волк среди них казался тщедушным. Разве что, Трифон по юности был ещё хилее.

Шустрый стряпчий разливал из чугунка кашу, кидал в миску сверху ломоть хлеба и выставлял перед собой. Дружинники разбирали миски и садились за столы. Волк замешкался, высматривая свободное место, и остался стоять в проходе.

Стряпчий окинул взглядом собравшихся, отставил на лавку у двери котелок, рядом – ведро с водой, для пустой посуды и ушёл. Трифон поманил Волка, отпихивая черноволосого соседа справа, чтоб тот подвинулся. Волк подошёл, поставил на стол миску.

Здоровый рябой молодчик за соседним столом отложил ложку, и, нагло ухмыляясь, уставился на Волка:

– Заблудился, псарь? Так тебе не сюда, твоё место в клетке на улице!

– Скажи это княгине, – отмахнулся Влаксан, перешагивая скамью. Не успел он сесть, как черноволосый дружинник локтем смахнул миску ему на колени.

– Да, что ж ты делаешь? – вспылил Трифон.

– Недоглядел, – пожал плечами тот, и, прищурившись, добавил, – как наш псарь за сворой!

– За языком следи, – не выдержал Волк, по привычке нащупывая поясной нож.

– Ты мне не грози! Нашёлся тут, хилы пугать! Что? Князя

загубил, и нас загубишь, паскуда?

Все смолкли, даже перестали есть, так что было слышно, как возмущённо сопит черноволосый.

Волк закрыл глаза и медленно проговорил:

– Я не губил...

– Ага! Ещё скажи, псарём не был, – громко перебил с другого стола рябой.

– Хорош вам, видят духи, на пустом месте взъелись, – возмутился Трифон, его юный голос звучал слишком звонко и мягко против мужицкого баса.

– На пустом месте? – взвился черноволосый, – Скажи, сколько лет тебя в дружину готовили, Трифон? А тебя, Колыван? – черноволосый глянул на рябого.

– Меня вот, батя с детства натаскивал, дядьке отдал на пятом году, чтоб выучил, – подхватил Колыван, – а сейчас что? То за псами дерьмо убирал да блох гонял, даже доглядеть не смог! А тут пожалуйста, место уступите! – швырнул он ложку на стол и вышел из обеденной.

– Тьфу! – плюнув в сторону Волка, черноволосый тоже поднялся, на ходу швырнул в ведро свою миску и вышел.

Дружинники один за другим поднимались и выходили из обеденной. Осталось меньше десятка, когда за соседним столом заговорил седой мужик:

– Не бери в голову, малец. Меня тоже не сразу приняли. Ты себя ещё покажешь, а они привыкнут. Деваться некуда. На-кось, лучше, – мужик бросил тряпку, – утри кафтан-то.

Дверь распахнулась, и в обеденную влетел воевода:

– Что здесь происходит? – прокричал Белорад, – Какого лешего вся дружина на прогулку выперлась? Что? Жрать никто не хочет?

– Поди их разбери, – пожал плечами старый.

– Вы все, – воевода обрисовал круг в воздухе, – поедите и на поле! – приказал он и, выругавшись, пошёл на улицу.

– Меня Ваном звать, – невозмутимо продолжил беседу старый дружинник, – А тебя?

– Волком зови, – кивнул Влаксан, отирая одежду.

Возле оружейной на поляне собралась вся свободная дружина. У крыльца выставили с два десятка разбитых старых мечей, покрытых тёмными пятнами и зазубринами.

Кто-то устало развалился на жухлой траве, нехотя поглядывая на скачущих с мечами и копьями соратников, а некоторые и откровенно дремали, после ночной смены. Молодцы, бодрились, улюлюкали и подначивали сражающихся. Несколько дружинников сидели на ограде возле оружейной и спорили будет ли война, не обращая внимания на собравшихся. Волк пришёл вместе с Трифоном и Ваном, следом подтянулись ещё с пяток дружинников.

Белорад поднял руку, и все разошлись кругом. Осмотревшись, воевода кашлянул и заговорил:

– Давеча князь наш Брониимир отправился в Чертоги Вечности, да примут Духи его душу.

– Знаем даже, кто ему в том подсобил, – прошипел Колыван.

– Цыц! – строго глянул на него Белорад.

Но мужики продолжили глумиться, не обращая внимания на замечания.

– Захлопнись, Колыван! – рявкнул воевода, – Три ночи твои! Будешь дальше скабрзничать, вообще только ночами заступать станешь.

– Да ладно, Белорад, – махнул рукой Колыван.

– Не забывайся с кем говоришь, – отрезал Белорад и отвернулся от Колывана, – Потому, теперь всё свободные дни проводите здесь. Пришли со смены, поели – заниматься, потом есть и спать. Коли в ночь со смены вернулись, то проснулись утром, и после завтрака сюда.

– Это что же, правду говорят, что князь награйский на нас войной собирается? – выкрикнул молодой дружинник, стоящий возле Колывана.

– Кто же это говорит? – сурово спросил Белорад.

– Да, каждая собака брешет, что теперь за Брониимира брат его придёт мстить!

– Собаки брешут, а ты не слушай! Нечего у псарни тереться, лучше дело своё делай, – осадил Белорад. – Уяснили?

Дружина одобрительно зашумела. Новые порядки вызвали возбуждение: одним нравилось, что будет больше тренировок, а то и, наконец-то, настоящая война, других печалило, что времени для отдыха стало меньше, да и война ещё эта...

– Теперь ты, – воевода указал на Волка, – иди сюда. Бери меч. Хочу видеть, что можешь. Накиньте ему кольчугу.

– Позволь, я против него, – вызвался черноглазый дружинник.

– Хорошо, Арон, – кивнул Белорад.

– Давай, – Трифон потянул Волка за рукав, – Помогу тебе. Он взял с забора стёганую рубаху, кинул Волку:

– Сначала толстушку надень и лезь в кольчугу. Руки сюда.

Волк накинул толстушку, протянул руки, как показал Трифон. Мальчишка ловко набросил ему на плечи тяжёлую кольчугу.

Белорад недовольно поджал губы, глядя, как Трифон затягивает со спины шнуры:

– По шее, голове и промеж ног не бить. Руки и ноги вам тоже нужны, так что не подставляйте их. В кровь не лупим.

Арон взял меч и вышел на площадку. Волк огляделся:

– А рогатину можно?

– Велено взять меч, – отрезал воевода.

Волк взял первый попавшийся меч.

– Не, сынок, – поймал его за руку Ван, – Этот совсем худой. Вот, возьми, у него хоть гарда не лопнутая, руки не отобьёшь себе.

Волк благодарно кивнул и взял тяжёлый щербатый меч, с потемневшим избитым клинком. Поверх рукояти была намотана рогожа.

– Ты что там нежничаетшь? Смотри не перепутай, за какой конец брать, – захохотал Колыван.

– Да, поди только за конец он и умеет, – заулюлюкала кучка дружинников возле Колывана.

– Ну-ка, заткнулись! – рявкнул Белорад – Ведёте себя, как сопляки! Это таких-то витязей мне против Нагря выставить? Позор!

Волк двумя руками сжал меч.

– Глянь, как ухватился-то? Как за бабу, – продолжали подначивать дружинники.

Арон наступал яростно и быстро, кружась вокруг Волка, словно горный кот. В толстушке и кольчуге было слишком тяжело и жарко. Арон замахнулся, Волк отпрыгнул. Меч прошёл прямо возле ног, и тут же быстрый удар в бок вышиб воздух из груди.

– Руки, – по-детски завизжал Трифон.

Сильный удар по руке выбил меч.

– Мать, – прошипел Волк.

Арон подошёл и всадил коленом в грудь, так что Волк не устоял и рухнул на землю.

Белорад недовольно покачал головой. Шеи коснулась холодная сталь:

– Ты повержен, псать, – прошипел Арон.

– Довольно! – объявил Белорад, подняв руку, и подошёл к Валксану, – Ты почто в дружинники пошёл, малый?

– Ты мне рогатину дай или лук, я тебе покажу.

– Лук и рогатина – это хорошо, – кивнул Белорад, – но и меч освоить придётся. Сейчас те, кому в ночь на смену, идут отдыхать. Кто свободен, разбираем оружие. Лучники и ты, Волк, хватайте луки и на стрельбище.

Со стрельбой всё было гораздо проще. В родном Охотничьем Логе Волк не расставался с луком, сколько помнил себя. Мужики придиричиво оглядывали всех мальчишек в деревне и решали, куда сгодится будущий охотник. За долго-

вязую статью Влаксана определили в лучники. Так что, здесь Белорад остался доволен.

– Значит, копьё и лук, говоришь? – спросил он, поглаживая короткую густую бороду. – А бердышом хоть раз орудовал?

– Не доводилось, но с ним всяко проще будет. Он с рогаатиной больше схож, нежели меч.

– Вот и славно. Значит, ты день здесь, два дня на поле с бердышом. А то, неровен час, воевать придётся. Лучники в городе всегда нужны, но и в лобовую надо с чем-то отбиваться. Надеюсь, не пригодится...

– Понял, – кивнул Влаксан.

– И ещё, – воевода отвёл Волка в сторону и заговорил чуть тише, – я вижу, что с дружиной у тебя не складывается. Не стану врать, сам не рад, что сейчас в дружину набирают всякий сброд. Будь моя воля, ты бы вылетел со двора в ту же ночь, как князя загубил. Большая часть ребят здесь с детства готовились вступить в княжье войско. Твоё появление в наших рядах – уже немалый позор для всех, кто делит с тобой еду и кров, так что не опозорь нас еще сильнее. Драки я не потерплю. Ежели кто не по душе, вызывай на поле, и бейся с ним на мечах да топорах, покуда дурь не повыбиваете. Ясно?

Белорад говорил сурово и прямо, и, не дожидаясь ответа, кивнул в сторону стрельбища:

– Можешь идти. Завтра утром на смену.

Стрелять из лука куда приятнее, чем общаться с дружин-

никами или биться с ними на мечах. Луки у князей ладные: тугие, ровные – стреляй не хочу!

К вечеру погода стала портиться, ветер крепчал, налетая резкими порывами, и низкие тучи осыпали землю мелким дождём. Лето клонилось к концу, и едва спадала полуденная жара, начинались осенне-холодные вечера.

К ужину продрогшая и уставшая дружина собралась в обеденной. Волк огляделся: Арона, Колывана и их шайки не было видно.

– Ты чего башкой вертишь, будто филин? – подсел Трифон.

– Смотрю, что-то «друзья мои» пропали, – протянул Влаксан.

– Так пересменка была – вот и ушли они. Ты когда в смену?

– Завтра в день.

– Отлично! Со мной стало быть?

– Выходит так, – кивнул Волк.

Разбудили Волка воинственные громовые раскаты. Темноту разрывали редкие вспышки света. Тяжёлыми стрелами падали на крыши крупные капли дождя. Только залихватский храп старых дружинников возвращал в мирную действительность.

Нет. Награй не пойдёт войной. Не сразу. Будут переговоры. Княгиня сможет договориться с Любославом.

Волк спустился в обеденную. За длинным столом уже сидел Белорад. Он склонился над пергаментным листом, прижав один его конец кружкой, чтоб не сворачивался, и что-то старательно чертил на нём тонким углём.

– Чего не спится, Волчий сын? – спросил воевода, не поднимая глаз.

– Сон у меня чуткий, – осторожно ответил Влаксан.

– Это хорошо. На войне сгодится, – кивнул Белорад. – Ну, садись, раз тут. Ты же из Награйских? Князя их знавать доводилось?

– Любослава? Хороший человек.

– Что ж, – вздохнул Белорад, – на то и надежда.

– Плохи наши дела?

Продолжая чертить, воевода заговорил:

– Брониимир умел людям не нравиться. Вот у князя Яроша была славная дружина. Ещё мальчишкой меня принима-

ли. Помню, едва в весну вошёл. Добрые богатыри тут были... Но зять оказался не под стать тестю... Ежели хоть пара наших богатырей ушли в Награйскую дружину, то Любослав быстро проведаёт, что мы стали псарей нанимать. Если уже не прознал, – он внимательно поглядел на Волка, – Что наши дела? Были лучше, покуда тебя не было.

Волк сел за стол и задумался: на кой же его княгиня в дружину пристроила? Чем ей псарь был не угоден? Теперь сиди, гадай их загадки.

Белорад отложил уголь, сложил пальцы домиком и поглядел на Волка:

– Коли не удастся Брониимире с посольством договориться, не серчай, предложу твою голову в дар. Мне мир дороже одного псаря в дружине.

– Не тебе одному, – кивнул Волк.

Белорад замолчал и снова взялся за уголь. Хмурясь, водил им по пергаменту. Тихо прошипев себе под нос ругательство, свернул лист в трубочку и сунул за пазуху. Поднялся из-за стола и пошёл к выходу. Тихо, но твёрдо стучали по деревянному полу сапоги воеводы, вверх по лестнице, и уже надо головой загалдела пробудившаяся дружина.

Едва кухонный стряпчий закончил раздавать кашу, вышел из избы, как Белорад вынес мешок для жеребьёвки:

– Давай, разбирай смены, кто сегодня заступает в день.

Волк вынул круглый жетон.

– У меня стена, – разочарованно произнёс Трифон.

Влаксан перевернул в ладони жетон, показывая аккуратно нарисованный терем.

– А тебе повезло! Гляди-ка! Первый день и княжий терем!

Воевода сурово глянул на Влаксана и Вана, следом доставшего жетон с теремом:

– Влаксан, ты сегодня с Ваном. Не отходи от него ни на шаг, смотри да запоминай. Завтра снова в день идёшь. Как увижу, что готов – назначу уже постоянную смену. Ван, ты с ним, куда не обвыкнется, будете в день сторожить.

– Как скажешь, – согласился старый дружинник.

Закончив завтрак, Ван похлопал Волка по спине, указывая на улицу. Волк кивнул, быстро сгреб со стола миску и поспешил за наставником.

– погоди, – окликнул воевода, выходя следом за Волком в сени, – держи. – он снял со стены длинный красный кафтан дружинника. – Нашему брату полагается ходить в красном.

Накинув на плечи кафтан и туго подпоясавшись, Волк вышел из сеней. Ван, уже в красном, ожидал нового товарища под навесом крылечка. Небо прорвалось дождём, затапливая двор огромными грязными лужами.

– Самое главное, ты сейчас гляди и запоминай как на смену заступить, да как её потом сдать. Ну, и коридоры терема тоже. Остальное всё дело не хитрое: ходи, гляди по сторонам, коли, что не так зови-свисти, созывай всех, да главным докладывай.

– А ежели лихие люди?

Ван вылупил глаза:

– Какие? Откуда в тереме лихим людям взяться? – тихонько засмеялся он, – Даже не думай. Работёнка тут – не бей лежачего.

Снаружи, на Чёрном крыльце стояли два дружинника. Ван на ходу показал жетон и повёл Волка к лестнице. Избы сливались одна с другой, сени переходили из деревянных в каменные и снова в деревянные, то поворачивали, то поднимались вверх по ступеням, то вниз. Красные кафтаны охраны словно отсветы огня мелькали в темных углах. Теремная стража больше походила на столбы, чем на живых людей.

– Сюда, – Ван поманил за поворот. – Для первой смены – самое то.

За углом два дружинника украдкой перешёптывались, опершись о бердыши, но, заметив смену, вытянулись и смолкли.

– Что тебе? – не спеша подходя, спросил второй дружинник.

– Смена пришла, гляди.

Второй дружинник кивнул:

– Покажи жетон.

Ван вытащил из-за пазухи жетон и показал. Волк тоже вынул жетон.

– Добро, – согласился дружинник и протянул Волку бердыш. – Здесь спокойно. Как и всегда.

Ван показал жетон с изображением терема и указал на

Волка:

– Нового сегодня ко мне приставили.

– Хорошо. Мы вас уже заждались, – улыбнулся дружинник, протягивая Вану свой бердыш.

– Дождь этот не кстати, так убаюкивающе стучит, да в трубах ветер воеет, давненько так тяжело ночь отстоять не было, – подхватил второй дружинник. Он подошёл к Влаксану, вручил ему своё оружие, мельком глянув на показанный жетон, пошёл вниз. Уже на ходу сменённые дружинники пожелали хорошей службы, поторапливаясь на заслуженный отдых.

– Видишь, – кивнул Ван, – не все в дружине такие скоты, как Колыван да Арон. У них просто и отцы служили князю, и деды, и вместо себя их сюда протолкнули. Они себя считают по праву рода достойнее всех набранных со стороны. Я им тоже не чета, да и Трифон, хоть и из гратичей, но что же... куда им! Разве ж ровня сын кузнеца.

– Ну, теперь от сих, – Ван взмахнул рукой вверх в сторону тёмного коридора, – и до того поворота, наше пристанище. До вечера гуляй взад-вперёд. Только не топочи особо сапогами, не любят это князьки люди. Не шибко дружина любит это место, им интереснее ближе к князьям, там больше происходит всего, интереснее по сторонам глядеть. А мне тут нравится: тихо, спокойно.

Ван оказался хорошим напарником. Особенно было приятно, что угрюмый мужик предпочитал молчать, и не заво-

дил пустых бесед. Лишь один раз заговорил:

– Знаешь, что мне в тебе нравится, Волк, – протянул Ван, усаживаясь на пол.

– Что?

– Ты умеешь молчать. Так, что слышно всё, что вокруг творится, а значит, можно сесть, отдохнуть. Да, ты и сам не стой, в ногах правды нет.

Волк ушёл в дальний конец коридора, чтоб не мешать старику, встал в углу, достал из-за пояса точило и принялся тихонько натирать нож. Место действительно оказалось очень тихим. Только мальчишки дворовые порой пробегали.

К обеду застучали звонкие шаги. Влаксан прислушался: он точно слышал раньше эту поступь.

Из-за поворота выбежала Дарёнка, одной рукой она прижимала к себе охапку сена, а в другой сжимала корзину.

Волк отошёл от стены. Дарёнка только теперь заметила его и испуганно отпрянула:

– Ой! – вздрогнула она и выронила корзину. По полу рассыпались травы и цветы, несколько клубков покатались по коридору. – Напугал-то как!

Она подняла корзину и кинулась суетливо собирать клубки с пола.

Волк поднял один и протянул ей:

– Прости. Не хотел тебя испугать.

– Волк? – удивилась Дарёнка и присмотрелась к нему. – Не признала. Ты теперь в дружине?

– Как видишь.

– Дела-а, – протянула Дарёнка. – Это за что же тебя так?

– Хотел бы знать.

– Ладно, я побегу, – Дарёнка смущённо покраснела и достала из корзинки голубой цветок, – держи.

– Зачем?

– Обережная трава всегда сгодится.

Волк сунул за пояс цветок и натянуто улыбнулся:

– Благодарю.

День в дружине оказался утомительно скучным. Темнота черновых этажей и тихий скрип половиц убаюкивали. С другого конца коридора доносился тихий храп Вана.

Смена пришла уже к ночи, Волк глядел, как Ван спрашивает жетоны и сдаёт оружие сменщику. Волк протянул бердыш другому дружиннику.

– Не надо. У меня своё, – брезгливо отмахнулся он.

Ван пожал плечами:

– Ну, и ладно, – и похлопал Волка по плечу, – Тогда тащи его с собой, скинешь у оружейной.

Отойдя за поворот, Ван глянул на Волка:

– Устал поди?

– Не шибко, – отмахнулся Влаксан.

– А я прямо притомился, – зевнул Ван.

В обеденной осталось четверо дружинников. Они равнодушно поглядели на вошедших и продолжили тихую беседу. В углу стояли две миски шей и хлеб. Наспех поев, Волк под-

нялся в спальню.

– А ты что же, – вспомнил Ван, – на полу спал давеча?

– Да.

– Не делай так, вон, ложись подле меня, – он указал на пустую лавку. – Ложись вон, там тебе место будет.

Жребий на утро тянул только Ван.

– Снова терем, – радостно объявил он.

Белорад кивнул:

– Тогда сегодня на чёрной лестнице встань. Нечего на месте топтаться.

Теперь до чёрного крыльца идти пришлось недолго, два поворота и Ван толкнул неприметную дверцу. Крутые узкие ступени, закручиваясь винтом, уходили вверх. Здесь даже вдвоём не разойтись.

Дождавшись, когда уйдёт ночная стража, Ван поглядел на Волка:

– Ну, что? Ты вверх, я здесь?

– Хорошо.

Лестница была настолько узкой, что даже светильники повесить было негде. Только со второго этажа начинались мелкие решётчатые оконца и низкие двери, по одной на этаж.

Влаксан тихо расхаживал по лестнице вверх и вниз, внимательно прислушивался к шорохам за тяжёлыми дверьми, высматривал в небольшие решётчатые окошки княжий красный двор и городские крыши. Княгиня сменила девичью комнату третьего этажа на княжью опочивальню, этажом выше. Утром она отворила дверь, поглядела на Волка и велела:

– Веди вниз.

Волк тихо двинулся по лестнице, слушая как аккуратно ступает позади Брониимира. Едва она ушла, Ван махнул на лестницу:

– Эй, Ван, – подошёл к напарнику Влаксан, когда лёгкие девичьи шаги стихли за углом первого этажа. – А здесь ещё есть ход?

– Конечно! Откуда такой глупый вопрос? – удивлённо взглянул Ван.

– С чего бы княгине по тёмной лестнице ходить?

– А, это... – зевнул Ван, – надо, вот и ходит. А другая лестница, конечно, есть. Со стороны красного двора. Но тебе туда всё равно пока даже и соваться не стоит. Таких зелёных туда не ставят. Там своя дружина. Они выходят только в красный терем. Его такие, как Арон с Колываном сторожат, только наши друзья пока не доросли.

Вторая сторожевая смена прошла спокойно, под тихий шум дождя и едва слышные шаги стражи внизу. К вечеру дождь стих. Едва засмеркалось, пришла смена. Ван посмотрел жетоны новых дружинников и велел Волку передать оружие смене.

В сенях Влаксан бросил жетон в мешок и снял кафтан.

– На том и всё, теперь, считай, свободен, – развёл руками Ван. – Белорад сказал, завтра днём снова заступать, значит, ночь наша.

В дом вбежал стряпчий с котелком, быстро проскользнул через сени.

– О! Кормёжку нам принесли! – радостно объявил Трифон, вваливаясь в сени, следом за стряпчим. – Жрать охота, аж пузо сводит!

– Сегодня поспели, – похлопал Волка по плечу Ван и вошёл в избу.

В обеденной уже набилась добрая половина смены.

– Чего, Ван? Выпросил себе на псарне кобелька беспородного? – нагло заржал Колыван.

Волк глянул на веселящихся дурней вокруг Колывана. Надо бы подловить как-нибудь этого скота, да познакомить с охотничьим ножом. Уж шибко неугомонный.

– Я не понял, кому тут в дружине неуютно, – прогремел грозный голос Белорада.

– В дружине уютно, не уютно, что в псарню её превращают, – встал из-за стола Колыван.

– Ты, видно, псарню не видал, – Белорад нахмурился, от чего и без того суровый вид его стал угрожающим.

– Видал, в том-то и дело. Негоже, чтоб и дружина превратилась в это!

Белорад медленно пересёк обеденную, подходя вплотную к Колывану:

– Так может, стоит тебя перевести в псари? Раз такое любопытство лютое у тебя? Я это мигом устрою, – голос воеводы звучал, словно молот кузнеца, отбивая из стали каждое слово. – Сейчас поешь, и на псарню! Чтоб всю её вылизал к утру! Может, кому ещё в дружине не уютно? Так у нас при

дворе псарей-то недостаток. Ещё раз услышу подобные шутейки – все побежите клетки чистить! – отчеканил воевода.

Колыван притих, Арон всё это время глядел на стол, словно воды в рот набрал, и не решался, как обычно, поддакнуть дружку. Трифон дёрнул Волка за рукав, указывая на стряпчего:

– Пошли. Чего, как вкопанный, словно есть неохота.

Влаксан встал позади Трифона, в очередь за ужином. Стряпчий быстро закидывал черпаком мясную кашу и отодвигал от себя миски. Взяв ужин, Волк окинул взглядом обеденную и вышел на крыльцо.

На ступеньках, спиной к двери уже сидел Ван.

– И ты решил на дворе есть, Волчий Сын?

– Да, – ответил Волк, усаживаясь возле старого дружинника, – А ты из Награя?

– С чего взял? – набирая в ложку каши, спросил Ван. – То, что имя твоё знаю, так не вчера родился. Много с награйцами общался. И помню, как на службу тебя князь брал.

Ван замолчал, всматриваясь в темноту. Тучи плотно затянули небо, придавая ночи особую темноту. Волк оглядел Чёрный двор: птичник, псарни, чёрная баня, кухня, распахнутая калита в Княжий двор... коли на чёрной лестнице дружинники действительно любят стоять внизу, да языками трепать, может, удастся проскочить мимо? Удачно, что Колыван да Арон шибко бурно реагируют на псаря в рядах дружины, можно сослаться на нежелание терпеть их, и потому уйти на

двор спать или со двора.

Закончив ужин, любители подгулять, перешучиваясь вывалились из избы.

– В город собрались, – проводил их сердитым взглядом Ван, – Вот уж кто точно позор дружины, – проворчал он.

– А что не так? Хорошо поработали – хорошо отдыхают, – пожал плечами Волк.

– Так они молчать умеют до первой девки. Сейчас в какой-нибудь корчме или весёлом доме начнут петухами выхаживать, хвалиться, что на службе при князьях ходят. Упыются, будут дурить.

Ван махнул рукой в сторону уходящих и поднялся со ступеней.

– Ты в избу? – спросил Влаксан и протянул Вану пустую миску – Захвати мою тоже.

– Собрался куда? – нахмурился старый дружинник.

– Да, ноги не идут в спальню, покуда там эти язвы.

– Тьфу! Гляньте. Неженка хуже девицы, – в сердцах плюнул себе под ноги Ван, но миску всё же забрал.

Окно княжеской опочивальни тускло светилось в темноте. Сверху, со стены отчётливо слышались тихие шаги ночных дружинников. Волк прошмыгнул под оконцем черновой лестницы, прислушался – из-за едва слышно бормотали два голоса. Значит, Ван был прав, стража на первом этаже языками чешет.

Запрыгнув на навес уличной лестницы, Волк прокрался вверх, на дворцовую стену. Старый родовой дуб, посреди княжьего двора раскинулся до самых стен. Волк по-кошачьи ловко запрыгнул на ветвь и стал взбираться выше. Девичья комната на третьем этаже пустовала, распахнув тёмные окна на встречу ночной прохладе, этажом выше княжья опочивальня переливалась тусклым светом. Княгиня тихо разговаривала с придворным колдуном. Они стояли спиной к окну и говорили тихо, так, что разобрать слова было невозможно.

Вряд ли Брониимира будет принимать ещё кого, после колдуна, в столь поздний час. А вот если подобраться по ветвям ближе к терему, то можно и допрыгнуть до окна на третьем этаже черновой лестницы, а оттуда рукой подать до пустой девичьей.

Выждав, когда колдун уйдёт и стихнут за углом стены шаги дружинников, Волк допрыгнул до окна, подтянулся и влез

в пустую девичью. Младенческая люлька сдвинута к стене и накрыта плотным покрывалом, лавки и постель убраны и белеют в лунном свете начищенным голым деревом. Волк притаился у двери: на черновой лестнице тишина. Он осторожно потянул дверь. Только бы не скрипнула. Хотя князь сюда заживал не редко, коли б скрипели двери, мигом с ключника шкуру снял.

Снизу доносился тихий говор уже на три голоса. Тихо Влаксан скользнул на этаж выше и выглянул с лестницы – никого. Небольшая клеть и дверь княжеской опочивальни. Из-за двери доносилось едва различимое пение княгини. Он легонько толкнул дверь, и та беззвучно поддалась.

Едва переступив порог, Волк понял, насколько безрассудным было его появление здесь. Он замер, не решаясь ступить и шагу.

Княгиня сидела в углу, где раньше стоял стол князя. Теперь на стене висит огромное зеркало, а под ним вбита широкая полка. Тонкая вышитая сорочка нежно окутывала тело княгини, ниспадая мягкими складками до пола. Она словно светилась, окутанная белой дымкой ткани. Распушенная русая коса рассыпалась по спине волнистой рекой, одна прядь, подобно истоку, была перекинута через плечо на грудь. Тихо напевая детскую песню о холодных ведьмах, она не спеша расчёсывалась жемчужным гребнем.

– Пойду гляну, – донеслось с лестницы и послышались тяжёлые шаги поднимающегося дружинника.

Волк словно проснулся, быстро затворил дверь и задвинул засов. Гулко ударил об пол жемчужный гребень.

– Ты? – голос Брониимиры прозвучал привычно-испуганно.

Она не кричала и не звала охрану, только вскочила и прикинула стене, не сводя глаз с Волка.

– Прошу, не бойся, – прошептал Волк. – Я не причиню тебе зла.

– Я и не боюсь, – дрожащим голосом ответила княгиня, горделиво задрал подбородок, и сильнее вжимаясь спиной в стену.

– Верю, – подняв ладони, кивнул Волк, – так бы уже звала охрану.

– Зачем же ты пришёл, Волчий Сын? – с напускной строгостью спросила она.

– Очень хотел повидать тебя, Государыня. До красной дружины рылом не вышел, а на Чёрном дворе князя не частые гости.

– Так ты посмотреть зашёл? – подняла бровь княгиня.

– Ты ставни затвори, и я скажу, зачем пришёл.

– А коли не затворю? Может, душно мне ночью.

– Тогда выходит, только посмотреть.

Брониимира неожиданно легко рассмеялась и подошла к окну.

– И что же? – спросила она, закрывая ставни, – ты так и не сойдёшь с места?

– Теперь сойду, – Влаксан быстро пересёк комнату и оказался возле неё.

– Боишься окон?

– Тех, кто за ними.

– Сюда разве что птица достанет, – она капризно дёрнула плечом.

– Их и боюсь, – прошептал Волк, обнимая Брониимиру.

Одного прикосновения к ней хватило, чтоб руки и ноги ослабли и задрожали, словно от страха. Как же хотелось поцеловать её, испить дурман её любви до дна. Волк робко коснулся её и осторожно прижал к себе: такую маленькую и нежную. Голова её едва доставала ему до груди. Она точно съежилась в его объятиях, отчего казалась ещё более беззащитной. Хотелось укрыть её собой от всех страхов и бед, от всякого лиха и горя. Он желал целовать её горячо и крепко и боялся, что это желание его погубит.

– Я соскучился по тебе.

Брониимира густо покраснела:

– Как ты сюда пробрался?

– Умею, когда надо.

Она отошла от него, встала у зеркала и внимательно поглядела:

– А если я позову охрану?

– Зови, коли хочешь. Скажи, и я сам уйду.

– Остаься, – тихо разрешила княгиня.

– Славно.

Волк сел на пол, возле стены и глядел на неё, напуганную, но храбрящуюся, вынужденную быть сильной.

– Почему я в дружине?

Брониимира опустила на скамейку у зеркала:

– Я так решила. Считаешь, княжью волю ошибкой? – нахмурилась она.

Волк покачал головой:

– Нет. Любопытно.

На столике стояла небольшая корзинка ягод и маленький букетик лазоревца. Княгиня сидела, точно жердь, сложив руки на коленях и крепко сжав кулаки.

– Что же? Ты только за этим пришёл? Узнал, что хотел?

– Ты очень красивая, – улыбнулся Волк.

– Знаю, –делано сухо ответила княгиня.

Волк медленно поднялся и шагнул к ней:

– Даже просто побыть подле тебя уже радость. Я вижу твой страх.

– Я не боюсь вовсе! – голос её дрогнул.

Влаксан подошёл к ней и опустился на колени:

– Прошу, позволь мне сбереечь тебя, и иногда просто быть рядом и любоваться? Я не причиню тебе зла.

Княгиня поднялась, набрала воздуха в грудь и надменно заговорила:

– Встань с колен. Я была уверена, что гратский терем – неприступная крепость, и тут являешься ты! Сначала на псарне... затем ты вот так запросто приходишь ко мне в по-

кои...

– Охрану-то надобно пересмотреть, – улыбнулся Волк. – Я знаю, что виноват перед тобой и всем гратским княжеством. Псарни...

Брониимира нахмурилась и ударила по столу:

– Замолчи! Никогда не говори об этом.

За маленькой дверцей у её стола послышались громкие шаги. Волк быстро затаился у стены за дверью. Дверь отворилась и мужской голос спросил:

– Государыня, что случилось?

– Ничего, Кувар, просто ударилась.

– Я слышал голос.

– Гневаюсь я, что так всё случилось, вот и говорю с собой.

Всё хорошо. Иди.

– Точно?

– Я велю: оставь меня!

– Как угодно.

Дверь затворилась. Брониимира поглядела на Волка и поднесла палец к губам.

– Хорошо, я не велю высечь тебя, не стану наказывать вообще, если ты сможешь пройти мимо охраны, но ежели попадёшься, ответишь по всей строгости. Разбираться велю Белораду.

Волк улыбнулся, подошёл к столу, и пальцами потушил свечу. Брониимира испуганно распахнула глаза. Он нежно поцеловал её в лоб, достал из кошелька верёвку с крюком и

подошёл к окну. Он слегка отворил его: на дубу никого. Дружинников тоже не видать. Закинув крюк на дуб, он крепче ухватился за верёвку и выпрыгнул в окно.

Холодное осеннее солнце всё быстрее прокатывалось по небу, а ночи становились длиннее и холоднее. Бабы на Чёрном дворе кутались в платки и душегреи, а мужики чаще рассекали в сапогах, а иной раз и в тулупах.

Всё же вовремя посчастливилось уйти с псарни, жизнь дружинника на порядок лучше: исправная кормёжка и тёплая изба.

Дни княжеской дружины отличались лишь временем дежурства – сегодня день, завтра – ночь. Ночами Волк, словно кот, крался по лестницам и сеням просторного терема. Туда, где за тяжёлой дубовой дверью, кроется большая княжья спальня, с коваными подсвечниками, резной высокой кроватью, устланной мягчайшими перинами, с нежным пологом на золочёных столбах. Туда, где его неизменно ждёт лучшая из женщин во всём Вергое.

Она ни разу не говорила этого, но он точно знал, что ждёт. Каждый раз читал это в её глазах, улыбке, тихом шёпоте. Вовром он крался по двору, но хозяином приходил в её покои.

Волк приходил к ней свободными ночами, любовался ей и сидел полночи на полу, прижавшись к стене, глядя, как тихо она засыпает. Он не был с ней груб и жесток, как Брониимир, но и не просил больше её княжеского позволения, пользуясь лишь молчаливым согласием. Брониимира всё ещё вздраги-

вала от резких движений, хоть ужас в её глазах с каждой встречей всё больше уступал любопытству. Волк обнимал её так осторожно, точно она вся из хрупкого льда, и растает от неловкого касания или дыхания.

Княгиня сидела в белой сорочке за столом, и ни один синяк и ушиб больше не портили её красоты. Волк вошёл и привычно запер окно. Родовой дуб сменил летнюю зелень на тёмно-коричневые одеяния, тихо перешёптывался с ветром, звонко роняя тяжёлые жёлуди вместе с вялой листвой.

Брониимира оглянулась:

– Зачем ты всё время это делаешь?

– Государыня, неужто ты хочешь, чтоб все узнали, какой к тебе ночами приходит гость?

– Смеешь упрекать меня? – княгиня поднялась из-за стола.

Волк подошёл к ней так близко, что говорил почти беззвучно, и всё равно она угадывала каждое слово в его шёпоте:

– Я забочусь, чтоб никто больше не мог укорить тебя.

Он поднял Брониимиру на руки, притягивая к себе. Она тихонько коснулась губами кончика его длинного носа.

– Не бойся, – прошептал он, – я не причиню тебе зла.

Волк усадил её на перину, нежно погладил по голове. Её мягкие волосы маняще пахнут крапивной водой и мятой. Захотелось раствориться в этом тонком запахе, в её хрупкости. Волк осторожно обхватил ладонями её лицо и поцеловал в

губы. Он целовал её уже десятки раз, и всё ещё робел, как впервые.

Брониимира робко обняла его за шею. Дыхание замерло. Руки вмиг похолодели и иглами побежали по телу мурашки. Голова опьянела сильнее, чем от мёда. Волк крепче прижал её к себе. Не в силах остановиться, он нащупал шнур её сорочки и потянул завязки.

Брониимира схватила его за руку: горячие тонкие пальцы, точно стальные тиски, сжали его запястье. Волк остановился, поглядел на неё: огромные глаза доверчиво распахнуты, любопытство и сомнение смешались и всё больше вытесняли страх.

– Я не причиню тебе зла, – прошептал он и поцеловал её в ладони.

Она не положена ему по роду, но она его женщина, и он будет это доказывать снова и снова, своей дерзостью, своей преданностью, своей страстью.

Волк жадно прижал её к себе и уложил на перину, быстро расшнуровывая завязки сорочки. Он целовал её губы, тонкую шею и нежные плечи. Ничто не пьянило его сильнее её горячей кожи, её нежного тела, испуганно вздрагивающего от каждого его касания, и мягких рук, скользящих по его спине.

Нет, она больше не противилась ему, она и сама хотела этого. Волк боялся не меньше, чем она. Боялся сделать больно или оскорбить неосторожным движением, но быстро за-

былся в горячих робких объятиях, полных нежности, строптивости и выученной покорности.

– Так вот как оно бывает, когда по любви, – прошептала Брониимира.

Волк обнял её и погладил по плечу.

– По любви всё слаще.

– Знаешь, – она смущённо натянула одеяло до самых глаз. – Меня никто так не целовал.

– Так?

– Ну... как ты.

Волк поднялся на локте:

– Это как?

Брониимира только сильнее налилась румянцем, так, что даже лоб её стал пунцовым:

– Так нежно и горячо, как в сказках, – она замялась и прошептала, – в губы.

– погоди, – перебил Волк, – ты хочешь сказать, что никто и никогда тебя не целовал?

– Угу, – кивнула она. – Брониимир только раз на свадьбе быстро поцеловал меня в губы и лоб, не более, чем требует обычай.

– А потом что же?

– Он говорил, что я обязана подчиняться ему. Перед ним буду на коленях я и вся Грата, а после и Награй преклонится перед ним. Я должна была родить ему наследника, а лучше двух.

– И он никогда не хотел тебя приласкать? – удивился Волк.

Брониимира натянула покрывало по глаза и сжалась, точно от боли:

– Кулак и пощёчина – вот его ласки.

Волк стиснул зубы. Он пожалел, что Брониимир уже мёртв и умер слишком быстро. Он бы с радостью убил его снова. Волк осторожно обнял её:

– Больше никто не причинит тебе боль. Я отрублю руку тому, кто посмеет на тебя замахнуться!

– Верю, – произнесла Брониимира. – С тобой мне спокойно. Впервые за долгие десять лет.

Она закрыла глаза, и, немного подумав, продолжила:

– Мне не было и десяти, когда отец меня сосватал за него. Говаривают, Брониимир даже успел пару раз жениться на простых девках и извести их. Он бы и меня забил до смерти. Я боялась его, все десять лет, с того самого дня. И вот сейчас, я впервые спокойна. Я хочу тебе верить. Я могу тебе верить?

Волк крепче прижал её к себе:

– Я не подведу тебя.

– Неужели тебе было не страшно? Тогда, на псарне. Я же могла приказать тебя утопить или посадить на кол.

– Могла, – произнёс Волк. – я был уверен, что так и сделаешь. Моя жизнь закончилась той ночью в яме. И всё, что я получил сверх – принадлежит тебе.

– А если бы я распорядилась иначе? Что же? Всё зря? Ты

бы просто умер, так и не получив ничего...

– Я уже получил. Брониимир больше не издевается над тобой.

Брониимира замолчала. Она лежала, уткнувшись ему в плечо, и молчала. Волк даже решил, что заснула, но она вдруг прошептала:

– Я знала, что ты придёшь. Верила в это.

– Во что?

– Что явится кто-то и остановит его бесчинства.

– Наверное, то должен был быть великий князь или вятязь, а не псарь...

– То должен был быть только ты. Я заметила, когда на площади с тебя сняли рубаху, шрамы на спине... Тебя уже судили? Ты зол на Брониимира за это?

– Нет. То другое, – Волк задумался. – Не выношу, когда муж избивает жену. За то он и получил.

– Какое тебе дело до чужой жены?

– Каждая жена кому-то чужая, кому-то своя. И что же, женился и хоть до смерти изводи?

– Духи в том не перечат, – она села, обхватив руками колени, – Награй не простит.

– Я Награец, и знаю, что Награй так же измучен твоим мужем, как и Грата. Думаю, они будут горевать из-за его смерти не больше тебя.

– Хоть ты и лучше знаешь наградцев, я знаю князей. Брониимир был сыном, и братом великого наградского князя.

Они избавились от него, когда отец женил меня. А смерть брата их любимого князя – это оскорбление Награю, и угроза нашему слабому миру. Если Награй пойдёт войной, без князя мы...

– Любослав не пойдёт войной. Он не так жесток и горяч, как его брат. Он пришлёт послов и начнёт переговоры.

– И что дальше? – Брониимира заглянула ему в глаза в надежде увидеть ответ.

– Дальше зависит от переговоров.

Мелкий морозный снег сыпался с неба ледяной крошкой, много таким не наметёт, но за шиворот насыплет будь здоров. Волк не спеша мерил шагами дворцовую стену, крепче кутаясь в зимний тулуп. Ветер громко завывал в седых вершинах гор. Ночь выдалась безлунная, и тучи налетали мелкими обрывками, то закидывая снежными песком, то разбегаясь, уступая звёздам. Созвездие берендея потускнело и почти уже легло спать за горы, а со стороны Бескрайнего леса уже показался волчий след. Сегодня ему выпало следить за порядком с высоты. Ещё пяток старых дружинников, которым так же достался жетон стены, разбрелись по углам, теперь и не высунутся, поди, пока Белорад не пойдёт обходом. «Фыть», – пронеслось прямо над ухом.

Волк огляделся: вокруг никого, видать на крыше, над стеной.

– А ты всё вокруг двора околачиваешься, – процедил сквозь зубы Волк.

– Слыхал? Говорят, награйский князь сам сюда выдвинулся?

– Слыхал. Уж с лета только о посольстве награйском и разговоры.

Птах тонко захохотал:

– Твоими стараниями, Щенок. Об заклад бьюсь, не знамо

тебе, по что он сюда лично наведалься!

– Уж не войной ли? – едко прошептал Влаксан.

– Тю! Тут поинтереснее дельце намечается. Похоже, свататься собрался Любослав наградский. Глядишь, так бабёнку-то твою и обженит на себе.

– Закрой пасть, – прошипел Влаксан. – Язык, как помело!

– А мне-то что? Чай, не я в княжеской спальне ночи коротаю, – заливался птичьим смехом Птах, – Не бойсь, я не скажу наградцам, кто меж их князьями постель княгине грел.

– Проваливай отсюда! Ещё раз сунешься ко двору или, упаси Духи, явишься мне – рука не дрогнет, пришью на месте.

– Ты меня не пугай. Как видишь, не боязно. Птицу в кармане не утаишь, так что смирись, – лёгкие шаги, точно крылья птицы, прошуршали по крыше и упорхнули в сторону красного двора.

Волк снял с плеча лук. Он был готов подстрелить любого, кто осмелится баламутить покой княжеской ночи, будь то птица или человек. До рассвета настороженно всматривался в темноту двора, выискивая знакомую тень и надеясь никого не увидеть.

Смена пришла уже к завтраку. Быстро скинув лук и бердыш подошедшим дружинникам, побрёл к избе. В сенях быстро стянул шапку, о колено сбил с неё снежную крупу и повесил на гвоздь, сверху накинул так же запорошённый тулуп. В мешке на стене было уже пару десятков жетонов.

Бросив сверху свой, отворил дверь в обеденную.

Из избы пахнуло теплом, печным дымом и ароматной кашей. На столе приятно дымился котелок, и стряпчий разливал густую кашу, заполняя избу запахом мясного бульона.

– Здорова, Волк. Как раз вовремя, – кивнул тот, вручая ему миску.

Трифон рукой поманил Волка. Всё при дворе было любопытно ему, точно мальчишке. Он, не замолкая, делился сплетнями, что рассказали ему чернавки, или очередной занятной диковиной, что высмотрел на посту.

– Слыхал, награйское посольство на подходе.

– Угу, – кивнул Влаксан, усаживаясь за стол.

Со смерти Брониимира все только и говорили, что о Награе и их послах, которых непременно пошлёт Любослав, либо о войне, которую тоже многие пророчили.

– Говорят, уже под Руей, – продолжал Трифон. – Нынче боярин руйский гонца прислал. А на днях, стало быть, Награйский гонец примчит. Зуб даю! Как думаешь, – заговорщицки прошептал он, – война будет?

– Что ты у него-то спрашиваешь? Ему почём знать? – осадил его старый Ван.

– А то, что он один у нас Награйский. Ему их норы знаком.

Ван махнул рукой и отвернулся от Трифона.

– Я вот слыхал, что сам князь Награйский к нам путь держит, – подхватил беседу лысый Славян.

– Вот оно как! – хлопнул себя по колену Трифон, – и что же? Сразу с войском? Чай, к войне готовиться начнём?

– Тебе бы всё к войне, малец! – Славян по-отечески потрепал Трифона по плечу, – Слыхал я, свататься он едет.

– Да, ладно! – Трифон аж подскочил на месте.

– Любослав же женат, – уточнил Волк.

– Так померла жена его.

– Это первая померла, лет пять тому, от лихорадки. Он второй раз женился.

– Так вторая померла давеча, – улыбнулся Славян, – разродиться не смогла вторым дитём. Вот он и решил братца-то подменить. Чай, Брониимира наша может сына народить, хотя, сказывают, у него уже есть двое. На кой ему ещё?

– Эт дело такое, – засмеялся Трифон, – нас у отца пятеро было, сыновей только. Мужик в доме лишний не бывает.

– Так куда их потом всех девать? Вот будет у Любослава два княжества, между двумя сыновьями и поделит. А третьего куда?

– Сами денутся, – не унимался Трифон. – Уж нас-то батя раскидал, а то князь! Неужто детей своих не поделит!

Волк опустил глаза, рассматривая в миске светлые разваренные зёрна. Если Славян прав, выходит, Брониимира скоро снова замуж. Конечно, княгине в девках быть не пристало, но не так же спешно...

– Эй, Волк, – дёрнул его за рукав Трифон. – А скажи, отчего в Награе язык Горных Духов знают, а в Грате нет? Мы

же тоже у подножия, как и там. Я вот кого не спрошу, никто не может ответить.

Влаксан поднял взгляд. Румяный Трифон сиял наивной улыбкой. Славян отвернулся, сдерживая смех, а старый Ван хоть и сохранил невозмутимое лицо, глаза его щурились в шутливой улыбке.

– Что молчишь? Тоже что ли не знаешь?

– Он-то знает, да тебе это не понравится, – протянул Славян.

– Раз знаешь, что не скажешь? Волк, отчего так несправедливо нас Духи обошли?

– Просто награйцы себя считают лучше, – захохотал Славян.

– Правда? – Трифон уставился на Влаксана.

Волк кивнул:

– По преданию, Награй людям завещали Духи Гор. Этот город старше Граты. Его строили Высшие Духи, ещё до Великой войны, и, покидая людей, оставили своим людям Награй, а вместе с ним и часть своей мудрости. И горы Награйские.

– Это как же?

– Сказывают, что каменных змеев может разбудить только награйский князь. Не гратский. Оттого Награй и не может Грате уступить горы, считая их своими по Воле Духов.

– Да, враки это! – обиженно выпалил Трифон.

– Может, и так, – безразлично дёрнул плечом Волк.

Когда-то он был так же горяч, как Трифон. Но это было давно. Отец учил сдержанности, иначе мог всыпать палок.

– Кто сегодня в ночь? – спросил Волк.

– Я, – отозвался молчавший в углу старый дружинник.

– И я, – тут же подхватил Трифон, – и Славян с Ваном тоже. А что?

– Меняться хочу.

– Давай со мной, – кивнул старый.

– Добро, – Волк протянул руку Славяну, – Я за тебя пойду.

Наспех доев горячую кашу, Влаксан бросил миску в ведро с грязной посудой и пошёл в спальню. Птах не шутил, он действительно пронюхал о гонце. Выходит, и сегодня будет тереться у дворца. С этим надо заканчивать, пока худо не стало.

Проспав до ужина, Волк успел к последней жеребьёвке, Белорад выдавал оставшиеся жетоны:

– А ты чего? – нахмурился он, когда Волк потянулся к мешку, – ты только с ночи.

– Поменялся. Охота в день дежурить, когда Награйский князь придёт.

– Хуже баб, – Белорад покачал головой, протягивая мешок, при этом взгляд его оставался холодно-суровым.

Влаксан глянул на жетон с нарисованными красной краской воротами.

– Ты куда сегодня? – пихнул под бок локтем Трифон, – я на стену.

– Мне тоже не повезло, – хмыкнул Ван, показывая жетон со стеной. – Буду кости на ветру морозить.

– Могу за тебя.

– А ты куда? Неужто не зябко на стене торчать?

– Внизу, – Волк протянул жетон с красными воротами, – Я молодой. Кости мороз не крутит.

– Ого! Ворота! Прекрасно, там хоть ветер так под тулуп не лезет.

Уже к часу луны Влаксан пожалел о своей торопливости и дерзком заявлении, что молодость и холод – вещи несовместимые. Он приставил к стене бердыш, растирая под ру-

кавицами окоченевшие пальцы. С неба подмигивала тонкая полоска зарождающегося месяца. Уже под полночь, но никто так и не явился. Неужто, гонец будет не сегодня, и придётся опять меняться. Заночевать в тепле, либо навестить княгиню будет куда приятнее, чем зазря на стенах ошиваться, надеясь шугануть дружка.

С улицы послышался громкий протяжный свист и стук в калиту. С псарни разразилась лаем княжья свора. Тихо скрипнул засов.

– Что надобно? – голос Вана звучал грубо, перекрывая лай возбуждённых псов.

– Велено предстать перед княгиней, – раздался громкий мальчишеский голос, и тут же сорвался на шёпот, – князь Награйский поклон шлёт.

Ван распахнул калиту, впуская паренька, ведущего под узду взмыленного коня. Хлопья белой пены под седлом превратились в хрупкую ледяную корку.

Влаксан поднял бердыш. Что ж... Всё же повезло. Уж такую возможность Птах не упустит, точно прибежит.

Трифон стоял в углу над Княжеским садом, прижавшись к опорному столбу, он облокотился о древко бердыша, подперев голову рукой.

– Спишь, что ли? – шепнул Волк, подходя к молодому дружиннику.

– Батюшки! – вздрогнул малец, – ты почто крадёшься?

– А что же, мне барабанить сапогами? Чтоб все вредители

точно знали, где я иду?

– Вредители... – пробурчал Трифон, – кому это надо?

Волк пожал плечами:

– Там гонец с Награя пришёл.

– Да ладно! – даже в темноте было видно, как возбуждённо заблестели глаза Трифона.

– Думаешь, псы так просто разорались? Хочешь, пойди, глянь, а я тут подменю.

– Да, ну. Там уже, поди, в красном дворе только слуги бегают, а сам гонец где-то в тереме. А ты, прямо, видал его?

– Видал, – кивнул Волк, – мальчишка младше тебя. Может, пройдёшься?

– А ты меня что, гонишь? Ходил я, ничего не видать: там горы, – махнул рукой Трифон, – с Красных ворот город, а во дворце тишина, поди, на Чёрном дворе только мужики к бабам гуляют... я, может, с тобой хочу опытом поделиться.

Волк хмуро кивнул, снимая лук, размотал и надел тетиву.

– Ты чего? – удивился Трифон.

– Показалось, слышал что-то.

– Показалось... Я третий год в дружине, тут каждую ночь кажется что-то. Коли была с этим беда, нам бы луки заправленные давали, – проворчал дружинник, тоже стягивая со спины лук.

– А что лук тогда заправляешь? – спросил Волк.

– На всякий. Что коли тебе не показалось?

Влаксан пожал плечами. Что ж... если мальчишка тоже

шуганёт Птаха, глядишь, тот, наконец, поймёт, что не следует сюда соваться. Раз ему слово приятеля не указ, может дружинников побоится.

– Зябко на стене, – поёжился Трифон. – Неужто ты, и правда, не мёрзнешь?

– Мёрзну, – ответил Волк и решил увести разговор в другое русло, пока Трифон не стал спрашивать дальше. – Ты как в дружину-то попал, малец?

– Почему ж малец? Мне-то, поди, уже скоро третий десяток починать – пробурчал Трифон. – Я из городских, из граичей. Тут выбор не велик: либо в городе устройся, либо в деревни иди. Отец мой кузнецом был, его даже наш Ярош жаловал, вот он и успел меня сюда пристроить, покуда не почил.

– И как тебе жизнь при дворе?

– Поди, худо! Кормят, поят, кафтан красный выдали даже. Знай себе, ходи охраной... то, что ночи не спать, так к тому привыкаешь. А как Ярош дочь свою сосватал, так и войн не было – Награй нас в покое оставил. Так что, я тут бед не знал. По весне вот думаю посвататься.

– Приглядел кого? – спросил Волк, высматривая, не крадётся ли где по крышам знакомая рваная тень.

– Ага! Знахарку княжью знаешь?

– Старуху?

– Её самую. При ней сиротка ходит. Хороша девка! – засмеялся Трифон.

– Дарёнка? Славная девчушка, только мала ещё.

– Тю! Поди, в весну уже вошла, или к лету войдёт, а там можно уже свадебку играть, детишков нарожать.

– Хорошая затея, – Влаксан похлопал Трифона по плечу.

Тихий шорох, точно хлопанье крыльев, раздался слева.

Волк обернулся.

– Да, ладно тебе! Ворона, поди, – отмахнулся Трифон.

Волк быстро натянул тетиву и выстрелил. С глухим стуком стрела воткнулась в родовой дуб. Крупная рваная тень скользнула по ветвям, прячась за стволом.

– Погоди-ка, – натягивая тетиву, прошептал Трифон.

Волк опустил лук и внимательно смотрел на Птаха: что дальше? Затаится и будет ждать, или попытается рвануть?

Трифон выпустил стрелу, чуть ниже Волка, так же оставив её в дереве, но вот лук опускать не стал.

– Может, показалось? – неуверенно спросил Влаксан.

– За два с лишним года в дружине мне всякое казалось, но не такая дрянь.

Трифон вытянул спину в струну и тихой поступью на полусогнутых ногах двинулся вправо. Влаксан напрягся, мальчишка не так прост, как кажется. Трифон неслышно прокрался к повороту стены и уже обходил дуб справа. Если он так выучился ходить, то и стреляет, поди, не хуже заядлого охотника. Малец натянул тетиву, Волк свистнул, что было сил. Тень рванулась вправо и вверх: Птах успел ухватиться за ветвь. Стрела, по самое оперение, влетела ему под мышку.

Слабо пискнув, Птах повалился с дерева, словно куль.

– Мать, – прошипел Влаксан, лук выпал из его рук, гулко стукнувшись об дощатый пол.

– Я снял его! Ты видел? – радостно улыбаясь, подбежал Трифон. – А что у тебя с лицом?

Волк так и застыл с открытым ртом, словно болван, глядя на пацана.

– Не ожидал, что ты так хорошо стреляешь, – покачал он головой. – Ни разу не видал тебя на стрельбище.

– Ну, так я лучник, с малолетства отец меня то к охоте, то к дружине приобщал, хоть туда, хоть сюда ко двору пристроить. Что мне на стрельбище-то делать? Я и так стреляю хорошо. Пойду, гляну, что за чёрт к нам пожаловал, – махнув рукой вниз, Трифон побежал к лестнице.

Ночь вдруг стала темнее, и кровь жаром ударила в лицо. Холод отступил, но руки продолжали дрожать.

– Твою мать! – выругался себе под нос Волк, с силой ударив по опорному столбу.

А-ну, как его допросят? Говорят, княжий палач может выведать все тайны. Стрела вошла глубоко, всю грудь насквозь, не иначе. С такой раной не сбежит, да и не проживёт особо, но разболтать лишнего может.

– М-м-мать!

Он снял перчатки и обхватил голову руками. Глаза заболели, а руки, казалось, вообще стали чужими. Знать бы куда теперь определяют Птаха, а то ещё выдаст всё, что знает о

князьем младенце...

Внизу забегали слуги. Белорад громко отдавал распоряжения. Волк глядел и не слышал ничего вокруг. Вот двое дружинников подхватили за ноги и уволокли Птаха, следом прибежали слуги, стали заметать листвою кровь, чтоб не портить вид в князьем саду. Трифон вернулся тихо:

– Ты чего? – спросил он.

– Да, хотел сам вражину снять, обидно, – отмахнулся Волк.

– Ладно тебе, не бесись, я Белораду всё равно, как есть скажу: что без тебя и не заметил бы эту дрянь. Вон, на днях награйское посольство приедет, там, поди, этих чертей полезет со всех щелей. Сдаётся мне, и эта паскуда была заслана награйцами.

– А он что говорит?

– Ничего не говорит.

– Будут допрашивать? Может, расколется, – спросил Влаксан.

– Этот уже ничего не скажет, уже раскололся, – махнул рукой Трифон. – Шею себе свернул, когда падал. Я пришёл, он уже покойный был.

Волк почувствовал, как ужас отступает, и тело обмякло.

– Да уж, – покачал он головой, – Пойду стену обойду, глядишь, ещё кто тут ошивается.

– Давай, – кивнул Трифон, протягивая Волку бердыш, – не забывай своё.

Волк обошёл княжий сад и зашёл за терем, туда, где начинал дежурство. На углу, у Красного двора стоял пожилой дружинник, он глянул на Волка:

– Что там? Поймали кого?

– Скорее, пристрелили.

Старик кивнул и отвернулся, старательно вглядываясь в темноту города. Волк выбрал укромный угол и уселся на пол.

Птах! Ну, что ж дурень такой! И надо было ему лезть в эти окна! Сколько раз было велено не являться. Зачем доводить до лиха?

Не нужно было убивать! Так, шугануть, показать, что не шутит, да сдать дружине, что шарится под окнами паскуда какая-то. А вон как вышло. Хуже было бы, только если бы тот выжил и начал языком трепать, чего вызнал про княгиню.

Княгиня... Брониимира! Она и так натерпелась за свою небольшую жизнь. Мысль о ней успокаивала, точно вино. Захотелось упасть и забыться в её нежности.

– Я же тебя предупреждал, – прошипел себе под нос Волк.

К утру пришёл Белорад. Едва заслышав твёрдые шаги, Влаксан вытянулся в полный рост, крепко сжав бердыш.

– Всё тихо? – скорее утвердительно произнёс воевода.

– Конечно. Уж я-то услышал бы.

– Да-а, – протянул Белорад, глядя вниз, – Трифон сказал. Молодец, Волк. Интересно только, давно ли эта паскуда по нашему двору шастает.

Да уж... Лучше бы здесь никому не знать как давно, и по какому поводу.

– Я впервые увидал.

– Как сменишься, свободен, – улыбнулся Белорад, – вы с Трифоном сегодня отличились, даю вам выходной.

Воевода задумчиво оглядел Красный двор и пошёл дальше.

Стоило уйти Белораду, как по стене застучали сапоги выспавшейся стражи. Дружинник показал свой жетон со стеной:

– Говорят, ночь была интересной? – спросил тот, принимая лук и бердыш.

– Да уж, – кивнул Волк, – гонец Награйский приехал, и какая-то скотина в саду князем тёрлась.

– Дела-а, – протянул дружинник, – как бы нам теперь смену не удвоили. А то забудь про сон...

Влаксан пожал плечами и пошёл к Чёрному двору. Нет никакой охоты рассуждать, как дальше будет. Пережить бы, что сейчас, того меньше хотелось обсуждать с дружиной ночного гостя.

Трифон, конечно, молодец, всё верно сделал.

В избе никто не спал. Дружинники галдели, наперебой обсуждая ночь. Стянув в сених кафтан, да бросив в мешок жетон, Влаксан поднялся в спальню.

– Эй, Волк. А что ночью-то было? – окликнул его тучный Сытник.

– Ничего, – Волк снял с гвоздя у входа свою безрукавку, затянул шнуры на шее потуже, чтоб не подлезть было.

– А чего все галдят?

– У них и спроси.

Влаксан спустился во двор и пошёл к воротам. Чёрный двор галдел, бабы громко причитали, мужики деловито качали головами, оглядывая стены и прикидывая, откуда мог прийти лихой человек. Все шумели, как на свадьбе. Этот праздник не для него.

– Эй! – окрикнул Трифон, догоняя у ворот, – а ты что, на завтрак не пойдёшь?

– Раз уж сегодня хозяин себе, где-нибудь в городе и поем, – не оглядываясь, бросил Волк.

Трифон шумно втянул воздух.

– И спать я тоже не хочу, – опередил его Влаксан.

– Эх, – досадно вздохнул за спиной Трифон и хлопнул дверью избы.

Волк быстро пересёк Чёрный двор. Хотелось пойти в излюбленную корчму, напиться до беспамятства и проспаться целые сутки, до следующей смены. Коли повезёт то и с девкой какой.

Забуться бы в объятиях княгини...

Голые деревья и кусты царапали ветвями рассветное небо. Чёрный столб, испещрённый молитвами, возвышался над Гратой, там, где когда-то был псарь. Медленно просыпались улицы города: бабы с вёдрами толпились у Княжьего Рукава, босоногие дети бегали кругами, цепляясь за юбки. Мужики выводили запряжённых кобылок в торговый и ремесленный концы.

Волк свернул в Локтевой проулок. Удар в спину свалил с

ног. Он едва успел выставить руки, чтоб не расшибить себе нос. Крепкие руки тут же схватили его за шкуру и швырнули в кусты, точно нашкодившего щенка. Волк опёрся на руки. Сухие ветки цеплялись за одежду и волосы, норовя разодрать лицо. Ещё удар повалил на живот. Волк утёр разбитую губу и перевернулся на спину. Огромной тенью возвышался над ним Инг:

– Доволен, паскуда? – пиная его, произнёс приятель. – Рад, поди, что Птах загубил, скотина!

– Его подстрелил не я, – задыхаясь, прохрипел Волк.

– Знамо, что не ты. Да, кто бы выследил его, ежели бы ты не подсказал? Сколько Птах здесь ни бывал, а только в твою смену его сняли. Думаешь, я глуп, чтоб не догадаться?

Инг схватил Волка за грудки, и, легко подняв, тряхнул:

– Он-то тебя жалел, сукин ты сын! Когда Косой предлагал тебя снять, ещё на деле, Птах за тебя вступился. Слишком он честен оказался для такой падали, как ты. Хоть на харю и смазлив, а душа у тебя гнилая! – Инг бросил Волка на землю и принялся снова пинать.

Влаксан пытался встать, но быстрые сильные удары в грудь, спину и по ногам, снова и снова валили его на землю.

– Эй! – раздался звонкий голос Трифона, – Ты что творишь, мразь? Почто добрых людей мучаешь?

Грязно выругавшись, Инг последний раз пнул Влаксана в лицо и пошёл прочь.

Трифон подбежал к Волку и удивлённо замер, глядя на

уходящего Инга:

– Псарь? – и, опомнившись, бросился к Волку, – вставай, дружище! Ты как?

– Пойдёт, – выдавил из себя Влаксан, утирая лицо.

Дышать было трудно: из носа не переставая шла кровь, губы разбиты, и грудь со спиной Инг тоже знатно отбил. Ещё кусты эти скребут по глазам.

– Как он тебя отходил! – возмущённо покачал головой мальчишка, – За что так?

– Взбесился, что я на псарню до сих пор захоживаю, – захлёбываясь кровью, ответил Волк, – Псы его не шибко слушают, говорит, что я баламучу.

– Вот дурак, – почесал голову Трифон.

– Не то слово, – закашлялся Влаксан.

– На, приложи, – парень сунул под нос скомканную тряпицу, – а то сейчас всё тут кровью зальёшь. Сломал нос, что ли? Тварь! Князь бы за такое шкуру снял. Уж больно он до порядка был строг. Может, обратно?

– Не. Пошли в корчму. Устал безвылазно вокруг терема ходить.

– Тогда веди, куда тебе?

Щуплый Трифон ухватил Влаксана под плечо и повёл по улице, не переставая возмущаться и причитать.

Вот ведь шутка: не хотелось делить с мальчишкой радость победы, а всё равно вместе идти пришлось.

– Ты здесь, откуда взялся? – прокашлял Волк.

– Да, решил, что прав ты. Чего же на дворе торчать? Он и так опостылеть успел. А тут, гля, никаких дел нет. Целый день свободен. Вот, решил в город выйти, может, какой подарок присмотреть Дарёнке.

Тряпица в руках Волка промокла насквозь, кровь сочилась между пальцев, стекала по локтю, падая к ногам крупными каплями.

– Знаешь что? – протянул Трифон, – в корчму я тебя не поведу. Пошли-ка в колдовской конец. Там знахари тебя подлечат, не то кровью захлебнёшься.

Каждый шаг давался всё сложнее, в грудь словно раскалённых углей насыпали.

– Ещё немного, давай. Здесь хороший лекарь. Я его знаю, он мигом подлатает. Давай, дружище, – уговаривал мальчишка, – ещё пару шагов. Вот так.

Трифон заботливо уложил Волка на крыльце длинной избы и побежал во двор.

Из дома вышел высокий старик:

– Мать честная! Кто же тебя так уделал?

Старик махнул рукой, и из сеней выскочили три крепких молодца, они быстро подхватили Волка и затащили внутрь. Огромная горница была уставлена пустыми лавками и скамьями.

– Вот ты где, – вбежал в избу Трифон, – а я тебя во дворе ищу.

– Ты что ли, привёл битого? – спросил старик, смешивая в миске травы.

– Да. Эт друг мой. Его лихой человек побил на улице.

– Вижу, – кивнул старик. – Он недавно битый был. Рёбра только срослись и снова поломались, оттого и дышать ему больно. Нос поломали.

– Долго он здесь пролежит?

– Как пойдёт, – пожал плечами старик.

– Нет, – прохрипел Волк. – Вправь кости, да кровь оставь, и пойдёшь.

– Куда же ты собрался?

– Надобно. Я заплачу, только подлатай.

Старик покачал головой и повернулся к Трифону:

– Ступай.

– Я подожду, – выпалил Трифон.

– Иди, я сказал, – строго велел старик и повернулся к Волку, – Выпей-ка дурмана.

Он протянул чарку. Волк приник к тягучему сладкому отвару, чувствуя, как с каждым глотком боль отступает.

Знахарь наложил на лицо примочку так, чтоб она закрыла нос и рот:

– Это остановит кровь и снимет боль, – пояснил он, – сейчас грудь поглядим, потом нос вправим.

Два молодца быстро стянули с Волка безрукавку и рубаху и осторожно уложили его на скамью. Последнее, что запомнил, проваливаясь в сон, как старик удивлённо цокнул языком, увидев шрамы на его спине.

Проснулся Волк к ночи. Нос не дышал вообще, грудь стягивали тугие повязки, не давая нормально шевелиться. Две свечи стояли в изголовье скамьи, освещая комнату. Старик дремал в углу.

– Эй! Отец, – позвал Волк, – проснись.

Старик подскочил на месте:

– Очнулся? Ну, и молодец. Как дышится?

– Пойдёт, – Волк медленно сел, чувствуя, как изнутри давит грудь.

– Болит? Это будет пока. Может, останешься? Подлечишься?

– Некогда мне.

– Дело хозяйское, – похлопал себя по бокам знахарь. – Я тебе примочку сделал, чтоб лицо не опухло. Дам с собой, станешь на ночь прикладывать, то и синяков не будет. И вот, – он протянул небольшой мех, – этого отвара по глотку пей, как дышать больно станет. Только не усердствуй.

Влаксан опустил глаза – всё тело, от груди до поясицы было замотано белой тряпицей.

– А это? – спросил он.

– Не снимай. И с носа тоже. Завтра приходи ко мне, или к своему знахарю, смену примочки.

Влаксан потрогал лицо – переносица заклеена небольшой примочкой.

– А то болеть будет, заживать долго. И не дерись ни с кем. Хотя бы до весны.

Волк развязал кошелёк, достал золотой и протянул знахарю.

– Моя работа стоит меньше, – покачал головой старик. – Не найдётся ли у тебя серебра?

– Я хочу расплатиться золотом, – произнёс Волк.

– Как знаешь. Тогда положи его в воду, – старик указал на чашу с водой, у входа. – Это дурное золото, его нужно

отмыть, прежде чем честным людям в руки брать.

Отвар, что дал старый знахарь, хорошо снимал боль. Волк вышел на улицу, поправил ворот безрукавки и пошёл на главную улицу. Косой уже тоже, наверное, знает, что стало с Птахом, так что лучше не шататься по улицам. Нужно придумать, где укрыться от приятелей.

Волк брёл по главной улице, стараясь держаться подальше от края дороги, чтоб не так просто было напасть из кустов. Мысли путались дурманом. Ноги сами вели его к княжескому двору. Ввалившись в Чёрные ворота, он, не скрываясь, пошёл к терему.

– Куда собрался? – сурово преградил путь дружинник на входе.

Волк зло глянул на сторожа и, не задумываясь, солгал:

– Княгиня велела. Видеть меня желает, про ночного гостя расспросить.

– А что один идёшь? – усомнился дружинник, – где ключник или слуга, что за тобой послали?

– Она девку свою послала, да та убежала.

Дружинник точно остолбенел и с сомнением посмотрел на него.

– Пустишь? – прохрипел Волк.

– Не знаю, – пожал плечами дружинник. – Тут подумать надо, я ещё не решил.

Волк отпихнул бесполезного сторожа и вошёл в терем. В ярко-освещённом Красном тереме двое дружинников с подозрением осмотрели Влаксана. Оба высокие, как на подбор, один был особенно длинный, выше Волка почти на голову, а второй толстый и белый, точно седой.

– К княгине? – спросил длинный.

– Она велела мне прийти.

– Что-то не припомню такого, – нахмурился белый.

– А ты зайди, спроси, – предложил Волк. – Скажи, что

Влаксан пришёл по её указанию.

Дружинники не стали припираться, только переглянулись, и белый скрылся за дверью.

Там он и пропал.

Стало тяжело стоять, и начала болеть грудь. Волк прислонился к стене, отхлебнул из меха горького настоя.

Дверь зала отворилась, и вышел растерянный дружинник:

– Велено немного обождать. Княгиня Брониимира примет тебя, Влаксан.

– Погоди, – пригляделся длинный, – ты из наших, что ли? Новый из черновой дружины?

– Угу.

– А не ты ночью вора снял?

– Нет, – процедил сквозь зубы Волк, усаживаясь на пол.

– Говорят, это из-за князя награйского. Сейчас много будет разведчиков-доносчиков по двору ошиваться, – деловито закатил глаза Белый.

Волк молчал. Уж точно не для того, что поболтать с дружинниками он в ночи в княжий терем припёрся.

Ждать пришлось долго. Уже за полночь из зала вышли уставшие бояре. Сначала шли те, что старше – тучные, в тяжёлых одеждах, придерживая подол рукой, чтоб не запутаться, едва переставляли ноги, шаркая парчовыми сапогами. Они украдкой зевали в бороду и растирали покрасневшие глаза. Дальше следовали помоложе. Они уже не так тяжело шагали и спину держали прямо. Последним вышел молодой, даже юный статный мужичок, он гордо задира л жидкую бородку, степенно шагал, подметая пол длинным платьем и рукавами.

Когда бесконечный подол платья молодого боярина скрылся за поворотом, белый дружинник кивнул в сторону зала:

– Эй, Влаксан, заходи.

Волк словно проснулся от дремоты: хлебнул ещё настоя, вытянулся во весь рост, расправил плечи и вошёл в палату. Свечи горели только в дальнем конце, освещая единственный трон и скамьи, выставленные у подножия. Брониимира сидела с идеально ровной спиной, богатое платье, расшитое золотыми и серебряными бусинами и драгоценными камнями давило ей на плечи. Голову украшал тяжёлый кокошник, с нитями самоцветов и мелкого речного жемчуга. Её прекрасные брови были сурово нахмурены, а губы капризно поджаты. Весь вид: от детской позы и выражения ли-

ца, до нелепых, громоздких для такой тонкой фигуры одежд, напоминал маленькую беззащитную девочку, которая пытается казаться взрослой, и от того ещё более уязвима.

– Выходит, правду сказывают, – произнёс Влаксан, медленно шагая по залу. – Князь Награйский не войной идёт.

– Ты только за этим пришёл? – грозно спросила княгиня, но стоило Волку войти в освещённый круг, как от её напускной суровости не осталось и следа.

Брониимира вскочила с места, забыв, было, о своём высоком положении, но осеклась и замерла на второй ступени:

– Что случилось?

– Всё в порядке, – улыбнулся Влаксан, в два шага оказавшись возле неё.

Он крепко прижал её к себе, такую крошечную и напуганную. Провёл рукой по тугой косе, смахнув с головы тяжёлый кокошник, повисший на лентах за спиной, склонился к её волосам и поцеловал в лоб. Горечь в душе сменилась терпким успокоением:

– Что бы ни случилось, если я здесь – оно того стоило, – произнёс он.

– Теперь я точно боюсь, – призналась Брониимира, и, отстраняясь, приказала, – Ты расскажешь мне, что с тобой произошло.

– Не здесь.

– Пошли, – княгиня направилась за трон, на ходу развязывая ленты и снимая кокошник.

Волк пошёл следом. Она завела его в дальний угол зала и толкнула небольшую, ведущую на чёрную лестницу дверь.

– Скройся, – зло прошипела она дружиннику, и, дождав-
шись, когда лестница опустеет, поманила Волка следом.

Дойдя до четвёртого этажа, княгиня отворила дверь:

– Заходи, – кивнула она и обратилась к дружиннику, охра-
няющему этаж:

– Позови знахарку.

– Не надо знахарку, – перебил Влаксан. – Я уже был у ле-
каря.

– Хорошо, – согласилась Брониимира, запирая дверь.

Комната оказалась небольшой клетью без окон: три двери
вели на красную и чёрную лестницу и в князьи покои.

– Я хотела взять двоих отличившихся дружинников себе
в личную охрану, чтоб посменно подле меня были, – разгля-
дывая Волка, улыбнулась княгиня, – а теперь сомневаюсь:
хорошая ли это затея.

– Воля твоя, государыня.

Брониимира недовольно поджала губы, видно, она ждала
другого ответа.

– Это мне теперь здесь с Трифоном жить?

– Скорее, по очереди: вы будете сменять друг друга или
вместе заступать на стражу. Так, что с тобой случилось? –
начала терять терпение княгиня.

– Лихой человек повстречался. Сам хорош, нужно внима-
тельнее быть. Это пустое, – отмахнулся Волк. – Как ты? То-

гда ночью, когда увидел возле терема ночного вора... я действительно испугался за тебя.

– Не переживай, – улыбнулась княгиня, заправляя ему прядь волос за ободранное ухо. – Терем неотступно охраняют сотни дружинников.

Да уж. Таких дружинников хоть сотня, хоть две, хоть и вовсе ни одного, толку от них, как от саней летом.

– Так, значит, правда, что Любослав награйский свататься идёт?

– Правда, – прошептала Брониимира. – Но лучше так, чем войной. Я не князь, и войско за мной не пойдёт. Если Награй на нас выступит, придётся мне среди бояр искать жениха, да замуж спешно выходить. Выбор не велик: замуж или замуж.

Когда отец сосватал меня за Брониимира, я рыдала полгода. Помню, матушка меня утешала. Она рассказывала про свою родину: маленькое, но гордое княжество. Оно настолько мало, что его, порой, и вовсе нет. А потом родится доблестный князь, и снова поднимет непокорную голову над горами княжество Вольных Сивых Земель. Но всё беднее становились земли Сивые, меньше витязей рождала заснеженная земля. Вздумалось тогда князю Гратскому себе прибрать Сивые земли, пошёл он войной в горы. И вот, на подступах к городу вышла встречать войско тонкая, хрупкая красавица – последняя сивая княжна. То была мать моя, ещё совсем юная, но по-княжески храбрая. Так она полюбила княжичу Гратскому, что взял он её в жёны. Не стал Ярош Гратский

воевать с сиваками. А ведь была она уже просватана за витязя сивого, храброго да красивого, но не выстоял бы гордый Сивый народ против Великого войска Граты. Пришлось забыть матери и любовь, и волю. Я всегда знала, что не принадлежу себе, и должна буду идти туда, куда княжеству будет надобно, но сердце своё не продам.

Волк смотрел в её грустные глаза и не мог налюбоваться печальной красотой.

– Что ты так смотришь? – по-детски смутилась Брониимира.

– Безумно хочу тебя поцеловать, – признался он.

– Что мешает? – княгиня шутливо склонила на бок голову.

– Я не могу дышать носом, – засмеялся Волк, обнимая свою маленькую, но смелую княгиню.

На утро Брониимира велела Белораду перевести двух отличившихся на ночной страже дружинников в княжескую, личную охрану. Трифон радостно оглядел клетушку с широкой скамьёй во всю стену:

– Отлично! Значит, здесь и будем теперь жить? Видал бы ты кислые рожи Арона с Колываном! Они на это место давно метят, а ещё даже до Красной дружины не доросли, – засмеялся мальчишка, закидывая в сундук свой узелок. – Жаль только, что теперь с тобой в разные смены всегда.

– Угу, – кивнул Волк, затягивая красный кафтан поверх безрукавки.

– Эх! Зато, пожалуйста, никаких тебе жеребьёвок, жратвы в общей обеденной и дежурства на стене. Стой в тепле, дверь в покои княжеские сторожи. Ещё позади трона стоять, и все важные дела первым узнавать! – казалось, мальчишку сейчас разорвёт от радости, – Жаль только, рассказать некому будет. За это сразу на кол садят. Ты знал? Теперь вот знать будешь. Не любят князя, когда охрана языком много трепет. А ежели княгиня куда соберётся, то и мы с ней поедем. Так и Мир поглядим... Вот жизнь-то! Видал бы батя младшего сына своего, тут же от гордости-то и помер! Хм... хорошо, что уже помер, хоть я ни при чём.

Влаксан внимательно поглядел на Трифона. Мальчишка!

Видят духи, мальчишка! Ещё рожа вся в прыщах, и дурь детская в голове, а дружинник, и, судя по всему, не плохой. Всё же хорошо, что Любослав не войной идёт. Не гоже таких юнцов на убой отправлять.

– Слыхал? – снова спросил Трифон, – Говорят, к концу месяца уже посольство из Награя будет – дней десять – и они тут. Когда Любослав придёт, нам обоим велят возле Бронимиры стоять. Ты только шибко близко ко мне не трись, а то я низким казаться буду. Стой где-нибудь поодаль.

Волк только покачал головой. Благо, что теперь его трём слушать придётся реже.

Однако Трифон не солгал. Действительно, едва снег накрыл поля тонким пушистым покровом, начали прибывать первые люди посольства. Они не пошли в город. Так же остановились через мост.

Едва стража заметила обоз со стороны Руи, тут же по всему городу забили колокола. Босоногая детвора побежала по улицам, громко вопя про посольство награйское. Княгиня распорядилась перенести свои сундуки в небольшую горницу под крышей терема. Здесь Ярош гратский встречал награйские войска. Из горницы был выход на узкое гульбище вокруг башни, так что можно видеть подступы к городу со всех сторон.

Городские ворота плотно затворили, и выставили на улицы дозор. Волк неотступно следовал за княгиней. Трифону же поручили быть на два шага сзади, а на ночь он оставался

на сундуке за дверью.

Три дня прибывали люди из Награя. Щерились кольями огромные шатры и небольшие палатки. Костры не гасли даже ночью, окутывая сизым терпким дымом схваченные льдом берега Гратки.

Брониимира дважды засылала гонца в табор награйцев, приглашая князя к обеду, и дважды гонец приносил один ответ: «Князь Любослав ещё не прибыл».

Утром третьего дня доложили о прибытии Великокняжеского Войска Награйского, с князем Любославом во главе. Брониимира стояла на гульбище, не сводя глаз с рыжих языков, лижущих рассветное небо, на том берегу Гратки. Даже на мгновение забыть о прибытии награйцев не давал постоянный шум военного табора: ржание коней, резкий голос, отдающий приказы, стук топора.

Княгиня куталась в богатую шубу, с тёмными полосами меха горных котов, обшитую синей парчой и малахитовыми бусами. Голову её укрывал тонкий шерстяной платок и аккуратная княжеская шапка под стать шубе. Белорад стоял у выхода на гульбище. Его брови были сдвинуты так, что казались одной линией. Он прекрасно видел огромный палаточный город, в три дня раскинувшийся у стен Граты.

– Нам хватит сил отбиться? – княгиня говорила тихо, чтоб скрыть дрожь в голосе.

– Да, государыня, – нахмурился ещё сильнее воевода.

– А потери?

– Потери будут невероятные.

– Что ж... – судорожно вздохнула Брониимира, – коли на то воля Духов... Что слободы?

– Ворота заперты, кто успел – укрылся на нижней улице, – Белорад подошёл к княгине, его красный кафтан светился в золотом зареве рассвета. – Государыня, бояре говорят, что стоит выждать, прежде чем горячиться. Всё же гонец известил нас о мирных намерениях князя.

– По-твоему, это похоже на сватовство? – Брониимира указала на выстраивающееся за рекой войско.

Белорад сменил хмурый гнев на отеческую мягкость:

– Не думаю, что Ярош Гратский сватал тебя иначе, государыня. Любослав Награйский не настолько бесчестен, чтоб лгать.

– Гвенеш не передумал?

– Гвенеш твёрд в своём решении: волею Духов Награй имеет право на кровную месть, даже несмотря на то, что князь умер случайно. Однако князь Великого княжества Гвенешского заверил, что останется в стороне, – покачал головой Белорад, – это всё, что нам удалось сторговать. Если Гвенеш передумает и выступит за Награй – Грата падёт в тот же день.

– Будем надеяться на честь князя Любослава награйского и Златомира гвенешского, – кивнула Брониимира. – Зашли гонца в табор, скажи, что я приглашаю их князя к обеду. На этом всё.

Белорад резко развернулся, взмахнув длинными рукавами красного кафтана, и скрылся за дверью.

Влаксан всё это время стоял у окна, пристально наблюдая за Брониимирой. Стоило Белораду затворить за собой дверь, она рухнула на лавку под окном. Волк опустиллся возле неё на колени и крепко прижал к себе.

– Волк, мне страшно, – призналась Брониимира. – Я не хочу снова... – княгиня шумно вдохнула и сжалась, словно стараясь стать ещё меньше, совсем исчезнуть, – не хочу опять замуж. Что если я не смогу его полюбить?

– И не надо, – Волк старался произнести это как можно мягче, чувствуя, как внутри всё перевернулось от ревности.

– А вдруг он не собирается свататься? – княгиня не плакала, не кричала, она смиренно несла свой ужас глубоко в душе.

– Не бойся, Брониимира, – Волк провёл ладонью по её спине, – что бы князь ни решил, я не оставлю тебя и не позволю причинить тебе боль.

– Надо подготовить приём гостям, – выучено улыбнулась княгиня.

Волк вздрогнул, словно обжёгся: лицо Брониимиры не выражало ничего, кроме радости, в то время, как глаза были полны отчаянного ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.